

Анна Политковская

Чужая война,
или Жизнь за шлагбаумом

ЧЕЧНЯ

ДК
511
037
P652
2002

ва, 2002

Анна Политковская

Чужая война,
Или Жизнь за шлагбаумом

ЧЕЧНЯ

Москва
2002

Осуществляется на средства
Управления Верховного комиссара ООН
по делам беженцев,
фонда Форда, фонда Мотта

Большая часть вошедших в книгу очерков известной журналистки Анны Политковской о второй чеченской войне относится к 2002г и была опубликована в Российских СМИ. Короткие зарисовки второй половины книги публиковались в зарубежных газетах.

Содержание

Просто Вадик	7
Махкетинская спецзона	12
Коммерческий концлагерь	20
Похороны каждый день	31
Смерть от своих. Опять	35
Почти голливудский боевик «Грозный — Москва»	39
Этнические чистки в Подмосковье	46
Погром по национальному признаку	50
С кем вести переговоры?	56
Кому служил ликвидированный Бараев?	64
С.Ильясов: «Я понимал: да, Грозный разрушен...»	67
Кто похитил Кеннета Глака — неизвестно	73
Вода как стиль жизни	76
Чечня в откате	86
Генералы — олигархи	89
Спецмероприятие «Чечня» губит всю страну	96
Цена массового захоронения в Чечне — 50 000 рублей	104
Масхадов опять молчит?	109
Может ли Муса Мурадов спать спокойно?	113
Почем кресло Генсека?	114
Люди, которые не могут ждать	121
Последнее слово полковнику Буданову	128
Чечня. Жизнь после приказа. № 80	131
Мертвые дети искалеченных матерей	138
Камеры беженского заключения	145
Приют для гонимых?	152
Кто мы? Что мы хотим от Чечни?	158

В августе 1996 года, во время штурма г.Грозного, одного из наиболее трагических эпизодов первой чеченской кампании, когда мы метались в попытках отыскать хоть какие-то средства, чтобы помочь бегущим от войны людям, мне неожиданно позвонила Анна Политковская.

Опубликовать в газете к первому сентября большой портрет чеченского ребенка, который с букетом цветов идет в московскую школу, — как это было бы хорошо и полезно для всех нас! Я ответила Политковской, что вместо счастливого первоклассника могу свести ее с массой школьников из Чечни, которые первого сентября не пойдут в школу. Московские власти решили, что учиться в столичной школе могут только дети, родители которых имеют в Москве регистрацию, по-старому говоря — прописку. А родители не только не имеют прописки в Москве, но и никакого представления о том, чем накормят своих детей на ужин. На следующий день же Анна Политковская пришла к нам в приемную, принесла собранные по друзьям деньги, побеседовала с нами и нашими посетителями. За этим посещением последовал ряд ярких статей, написанных по материалам правозащитных организаций, о положении и чеченских и других беженцев в Москве.

С того наивного звонка прошла целая жизнь Анны Политковской. Ее статьи о второй чеченской кампании стали для многих единственной возможностью узнать правду, если желание знать ее еще сохранилось. Мне кажется, что никакой другой жизни у Политковской уже нет, нет иных тем, других интересов. И теперь уже для правозащитников ее статьи порой оказываются источником исходной информации о событиях в Чечне.

Страшная картина войны встает перед нами, и страшная судьба журналиста-женщины на войне.

Публикуя статьи и заметки Анны Политковской о Чечне, мы понимаем, что читать их тяжело. Видеть это, писать об этом много тяжелее... И еще несоизмеримо тяжелее жить там.

Предлагая читателю эту книгу, мы понимаем, что она не дает полной картины происходящего в Чечне. Объективный анализ войны, которая длится уже 8 лет, — дело ученых, дело будущего. Политковская пишет о том, что видит и чувствует. Так, как видит, и так, как чувствует.

*Светлана Ганнушкина
Октябрь 2002*

Просто Вадик

— Эх, пойду-ка я пить! Жаль мне вас... — Старик с седыми и густыми казачьими усами, в серой шляпе набекрень и приспущенных по деревенской привычке брюках, заломив по-цыгански, с надрывом руки в тоске — стоит, широко расставив ноги, на главном пятачке чеченского селения Ачхой-Мартан. Справа — магазин, слева — прокуратура, сзади — низкие окна камеры предварительного заключения. Отсюда — улицы во все стороны.

— Жаль мне вас! — Это старик уже кричит, обращаясь к людям, которые идут мимо и не обращают на него никакого внимания. Лишь женщины косят глазом, как бы чего не вышло.

— Обидно за вас, люди. — Из левого глаза старика вытекает слеза — крупная, густая и одинокая. — Обидно, что живете вы в такое лживое время. Я, конечно, тоже... Но я все-таки заканчиваю свой жизненный путь в это лживое время. А не начинаю...

Серый осенний день в кавказском предгорье — промозгло, прохладно, неуютно.

— Смотрите, люди. — Продолжает он, насухо рукавом вытерев слезу. — Сейчас я буду курить анашу. Как наши деревенские парни молодые. Чтобы забыться. Назло.

И все равно люди не оборачиваются. Надоел он им... Каждый день тут кричит?

Старик наспех засовывает в нос приличную щепоть чего-то травяного и нарубленного, громко, на публику, чихает и шумно уверяет, что без анаши, как без водки — в его жизни — никуда.

— Ну-ну, успокойся. А то давление опять поднимется. Никакая это не анаша... А плохой табак. Все знают, что ты — никогда... Пойдем со мной. — К старику в шляпе подходит другой старик. Маленький, красивый и тихий, как чеченская женщина в доме. Он берет его под руку и разворачивает лицом к камере предварительного заключения.

— А ведь нормальный был человек. всю жизнь в собесе работал. Инвалидам помогал. — Как бы про себя проговаривает маленький старик, зовут его Мусид. — Чтобы вот так кричать на улице!.. Никогда. Мы же с тобой все жизнь рядом. Семьянин ты примерный. 8 детей... Пойдем, Вадик, я тебя чаем напою.

Но Вадик упирается, как ребенок, перебросив всю тяжесть своего тела на пятки, а потом еще и вырывается, будто необъезженная лошадь.

— Сказал — иду пить. Значит, иду пить! И не ходи за мной, — кричит он Мусиду, который, собственно, никуда и не идет, обреченно сложив брови домиком и печально помахивая шляпой вслед товарищу.

— Полгода назад, в последний день марта, — начинает рассказ маленький старик, — у нас, в Ачхой-Мартане, на улице Школьной, рядом с домом, где Вадик живет, взорвали проезжавшую военную мусоровозку. Никто не погиб, и даже не был ранен, но на место происшествия немедленно прикатили военные, оцепили окрестности и объявили жителям улицы, что сейчас начнется карательная операция — военные сказали, что нашли провода направленного взрыва под мусоровозку — они тянулись из дома №13.

Командовал «парадом» подполковник, стоя посреди улицы, вальяжно, как на танцах, отставив вперед одну ногу. Сначала, не меняя позы, он почему-то расстрелял худую корову, которая как раз вышла ему навстречу — и все женщины завыли. А потом прокричал народу свою волю: в качестве акции возмездия он намерен «взорвать весь квартал», чтоб неповадно было, и продемонстрировал привезенную взрывчатку.

«Снаряд» упал в точку: закричали дети, запричитали женщины, мужчины засуетились и стали вытаскивать из карманов деньги, чтобы откупиться.

Но подполковник был тверд. Денег не взял, мигнул солдатам, и те начали стрелять в воздух. Толпа отпрянула.

Отрядили Вадика на переговоры с подполковником.

В результате минут через десять тот выдал новое решение: они взорвут только «плохой» дом №13. Солдаты приступили к минированию.

Вадик схватился за голову:

— Но я ведь живу в 11-м! Между 13-м и моим 70 сантиметров? Если взлетит 13-й, развалится и мой?.. Я не смогу больше построиться... На этот-то ушло двадцать лет... Прошу, сынок, сжался, у тебя тоже есть отец... В 13-м давно никто не живет, соседи уехали куда-то много лет назад, если хочешь, мы собственноручно его для тебя разберем...

Но подполковник уже не уступал. И продолжал читать людям нотацию: «Акция возмездия — условие для вас обязательное, вы должны получить “по заслугам”, раз не усмотрели за 13-м домом».

Женщины опять завыли, подполковник удовлетворенно хмыкнул, 13-й взорвали, а Вадик, его жена и четверо из его детей наблюдали, как от их собственного, 11-го, вместе с сараем, имуществом, хлевом и коровой — не осталось ничего, кроме груды строительного мусора, пропитанного коровьей кровью.

Вот с тех пор Вадик, ставший бездомным, и не в себе. Сначала он все бегал по ачхой-мартановским улицам и приставал к людям, мол, понимают ли они, ЧЕМ взрыв его жилого дома отличается от тех, которые взорвали террористы в 99-м году в Москве, Волгодонске и Буйнакске?.. После чего и началась в Чечне война...

Мусид, старый товарищ Вадика, тоже сначала не понимал, чем, и Вадик ему объяснил. Во-первых: с его домом ясно, кто отдавал приказ. Во-вторых, известно, кто его исполнял. То есть преступники — в наличии.

— А в ЧЕМ тогда — сходство? — загадочно ухмыляясь, продолжал Вадик свой безумный допрос.

— Я пожал плечами, — рассказывает Мусид, — и Вадик объявил: «Их тоже никто не ищет и не арестовывает».

С тех пор каждый день ачхой-мартановцы слушают эту Вадикову «загадку». Ведь он ничего не помнит от горя: кому говорил, а кому нет.

...Откуда-то сзади опять выныривает Вадик. Он уже в сильном подпитии. Шляпа — в залихватском порыве, и чуть ли не на одном ухе висит. Руки, конечно, в брюки. Глаз играет, язык — без тормозов... Огромный седой человечище, мощный и статный, как старое ореховое дерево.

Только вот уж больно раскричался, распетушился, руками размахался сверх меры, разошелся, расшумелся, разругался... Желая произвести впечатление человека абсолютно неранимого, плюющего на все, свободного и расхристанного? Вот, мол, какой я!...

— Да плевал я на вас! Горите вы все синим пламенем! Пойду сейчас, молодую себе заведу!

И чем дольше была эта непрошенная «суверенная» экзальтация, тем очевиднее проступали — и бесконечно униженная гор-

дость, и беспричинно растоптанное самолюбие, и невозможность найти виноватых...

Наконец, старик истощился и смилостивился:

— Разрешите представиться... Я — Вадик Ибрагимович Завлиев.

И добавил вызывающе:

— Знайте, я гол, как сокол. В свои семьдесят.

И еще — такое:

— Военный бандит думает, что борется с террористами, когда взрывает мой дом. А все, что он делает, — это делает нас попрошайками...

И дальше:

— То, что по их милости народ уже ненавидит Россию, их не волнует.

На последних словах, спохватившись, очнувшись и в мгновение откинув свой клоунский тон и наигранные замашки, Вадик Ибрагимович превращается в побитого ребенка с растерзанной обидой в глазах. И обращает слова в вопросительный вариант:

— Выходит, то, что по их милости народ уже ненавидит Россию?..

И, перехватив дыхание, будто спазмы в горле, совсем медленно, произносит, проворачивая каждое слово так, как если бы именно в этот миг он терял все, что у него было святого:

— ...Их, значит, это не волнует?...

«Их» — это военных. Мимо маленького старика Мусида и большого Вадика как раз идут солдаты по Ачхой-Мартану. И Вадик Ибрагимович, вызывающе-нагло вытянув руку вперед, тычет ею в «них», хотя люди в Чечне давно так себя не ведут — это может стоить жизни.

Он показывает туда, где передвигают ногами усталые, такие же, как он, измученные люди, обвешанные всеми мыслимыми видами современного оружия. Последний писк военно-чеченской моды: когда на ляжках понацеплены крепкие ремни, и за ними ножи в чехлах либо пистолеты...

— Смотрите, как от меня «украсишься»! Как елки новогодние. Страшный я такой! — кричит Вадик Ибрагимович.

Но и солдаты не обращают на него никакого внимания — много теперь по чеченским селам сумасшедших. Солдатам тоже надоела эта война, хуже зубной боли.

Вот только им, наверное, есть куда возвращаться, а Вадику — нет. Из всего имущества уцелели только шахматы — он их нашел, разгребая завалы. Выташил, оттер от пыли и вдруг понял, что забыл, как в них играть.

— А он, между прочим, раньше был чемпионом Чечни по шахматам..., — тихо шепчет маленький старик с моисеевой скорбью в глазах. И утыкается Вадику в плечо, громко рыдая.

Это так странно для чеченского мужчины, что Вадик будто выходит из умственного затмения, в которое погружен. Он гладит друга по плечу и ласково просит не принимать его беду близко к сердцу.

— Мусид, у тебя больное сердце. У тебя было два инфаркта...

Но теперь уже маленький старик никак не может успокоиться, и Вадик осторожно ведет его домой.

Там они пьют чай, заваренный на травах женой Мусида. И потом Румиса укладывает Вадика спать и, удостоверившись, что сон безумного бездомного глубок, накидывает на голову платок и спешит по селу в ту землянку, которую на зиму вырыл для своей семьи Вадик — сказать его жене, что на сей раз ничего страшного с ним не случилось.

...Много разговоров о потерянном поколении. О тех, кто родился в конце 80-х и начале 90-х, чуть подрос в первую чеченскую войну, кто, уже сознательными, почти десятилетними детьми, нырнул на дно между войнами и кто, наконец, превратился в подростков и юношей во вторую.

Одни предрекают им путь вечных мстителей, и они правы. Другие же — вечную забитость и депрессию от пережитого, и эти правы... Мало кто из них уцелеет — не физически, конечно. Их очень жалко. Как жертвенный пепел, обреченный.

Но вот как быть со стариками? С теми, кто уже прожил большую часть свою жизни и теперь пенсионер? И совершенно не может понять условия игры вокруг? «Пришли красные — бьют, пришли белые — бьют, опять пришли красные — опять бьют?..»

— Я почти вставал на колени перед тем подполковником, который мне в сыновья годится. — Тот оскорбленный, раненый крик, крик Вадика Ибрагимовича так и преследует. — Я! Я! Как я мог унизиться? И я сломался.

Махкетинская спецзона

Джохар, мальчик из Сельментаузена

Совсем маленький ребенок, укутанный в грязное тряпье — и не понять, то ли мальчик, то ли девочка, — успокаивается, лишь когда тыком, по-телячьи, нащупает мамину грудь. Остальное время худенькое тельце извивается в хаотичных подергиваниях. Плачет? Хохочет? Хнычет? Дрожит?..

— Как зовут?.. Вашего?.. — И — тупик: не знаешь, как спросить, не обидев, — сын это или дочка...

Тоита, мать, к чьей груди ребенок просится каждые 10–15 минут, молчит, как на допросе.

— Она что, не понимает по-русски?

— Почему? Понимает... — говорят женщины и прячут глаза. Виснет пауза: разве бывают причины, чтобы не сказать, как зовут крошечного нездорового младенца?

— Джохар он, — наконец решительно и зло выдавливает Тоита. — Я просто отвыкла произносить его имя вслух. Вдруг солдаты услышат?.. Убьют. Или его, потому что Джохар. Или меня — что так назвала. Сынку скоро два года.

— А почему он?.. Такой?..

— Да, совсем не развивается. Спим в землянке. Джохар не знает, как спать не в земле, — он родился как раз, когда эта война началась.

У Тоиты и Джохара — рядом с землянкой дом дырой в небо. В феврале 2000-го снаряд пробил крышу, а заделать некому, и снег наметает маленькие белые сугробики, залетая в жилище сквозь пулевые отверстия в стенах.

Тоита — вдова: муж пропал без вести, еще когда она ходила беременной. И теперь мама с сыном живут в страшном месте — там, где вряд ли кто поселится по доброй-воле, — в забытом мире горном селении со странноватым для Чечни пронемецким названием Сельментаузен. Тут нет воды, света, газа, тепла, телефонной связи, врачей, свободы передвижения... Ничего, что составляет обычную жизнь обычных людей.

- Радио слушаете?
- Никогда...
- Газеты?
- Не припомним.
- Телевидение? —
- Давным-давно...
- А что тут есть у вас?
- Война.

Уже 18 месяцев подряд — со дня объявления антитеррористической операции. А Тоита — одна из тех, кто не выдержал и подписал коллективную просьбу десятков семей, проживающих в Веденском районе Чечни, в несколько важных адресов. Во-первых, в российское и новое чеченское правительство. Во-вторых, в Госдуму. В-третьих, в МЧС, которое спасает. В-четвертых, в правозащитные организации.

Сотни отчаявшихся людей умоляли господ с полномочиями вывезти их куда угодно — только за пределы родной им Чечни. Требования к новым условиям жизни оказались просты: чтобы не стреляли, чтобы не бомбили, раздавали бы хлеб и дали встретиться с врачами...

Подобного в истории нынешней войны до этого еще не встречалось.

Как такое могло произойти? Тем более, когда война вроде бы утихает? По крайней мере, нас всех в этом столь сильно уверяют в Москве...

Резервация в резервации

...Даже в спецзоне под названием Чечня Веденский район — особая статья. Он — как индейская резервация в США начала прошлого века, развитие которой идет в направлении дальнейшей изоляции от остального мира. Сюда не ездят проверяющие комиссии из чеченской столицы, где заседают правительство и глава администрации Кадыров. Тут не показываются важные птицы из Москвы — очень боятся. Нога спецпредставителя президента по соблюдению прав человека в Чечне не имеет привычки топтать эту забытую землю. Даже гуманитарные конвои тут не припомнят...

Весь внешний мир для жителей Веденского района сузился до неизвестных в масках, в белых маскхалатах (горы — зима — снег), без знаков отличия, с автоматами, голодных, злых и жестоких.

Естественно, подобное не может быть случайным. Во-первых, люто ненавидят Веденский район военные. За то, что это горы, где полно, по их мнению, боевиков, а потому воевать и нести потери приходится ежедневно. Ненависть удесятерена тем, что Ведено — родина Басаева, которого никак не изловят, и военным мерещится, что со дня на день он заедет в близлежащие селения погреться у печки, а он все не появляется, и процесс уже слишком затянулся — и это раздражает...

Во-вторых, не переносит район и глава республики Ахмад-Хаджи Кадыров — как родовые места своего личного врага, того же Басаева. И поэтому ни о какой гуманитарной помощи для Ведено речи быть не может.

В-третьих, резервация Ведено неоднородна. Тут есть люди и села, которым просто плохо и которым совсем плохо. Внутри района — зоны — еще одна зона, и — в нее входят селения Махкеты, Товзени, Сельментаузен, Хоттунни. Они расположены совсем близко друг от друга — кустом вокруг самого крупного из них населенного пункта Махкеты, с числом жителей около 7 тысяч человек. Отсюда название: Махкетинский куст Веденского района.

Так вот, махкетинцы — изгои уже в самом Ведено. Веденцы не любят их за оппозиционность райцентру, также возникшую на военной почве. Суть разногласий в том, что махкетинцы не поддерживали Басаева и, более того, в 2000 году создали в селах своего куста ополчение против него.

В результате даже та немногочисленная гуманитарная международная помощь, которая доезжает до Ведено, в махкетинский куст не попадает никогда. Единственной, что один раз за 18 месяцев войны привозила сюда рис, сахар и масло, и то лишь для детей-сирот, оказалась общественная организация «Эхо войны», базирующаяся в Назрани (Ингушетия).

Итак, бежать! Прочь! И это единственное, что надо делать!.. Созерцание махкетинской жизни других эмоций не вызывает.

Однако выясняется, что просто так за пределы Махкетинской зоны Веденской резервации не выбраться. По словам Айны Макаевой, сельской паспортистки, выдача документов,

удостоверяющих личность, остановлена — до особых распоряжений. Так ей объявили в Ведено. Почему и за что — в подробности не вдавались. Функциональные обязанности сельской паспортистки — только собирать и готовить бумаги для выписки паспортов, а потом возить их в райцентр и забирать оттуда готовые паспорта. Несколько месяцев назад Айна столкнулась с тем, что начальник паспортно-визовой службы Веденского района отказался принимать у нее документы, особенно когда это касалось подростков.

В результате у Айны на руках скопилось 250 комплектов бумаг. В основном, это заявления на получение паспортов от молодых людей 14-18 лет.

Айна с возмущением пересказывает свои бесплодные беседы с тем самым начальником паспортно-визовой службы — военным и офицером МВД:

— Я ему говорю: наших молодых ребят замучили зачистками, их хватают, сажают в ямы, родственники должны их оттуда выкупать! Несколько подростков уже замучили там до смерти! Паспорта в наших условиях — это жизнь! Нет паспорта — смерть. А начальник отвечает: не моя проблема, у меня банный день. И такая история — каждую пятницу... Только по пятницам принимают документы...

Совершенно ясно, что в махкетинских селах таким путем создаются искусственные условия, чтобы удерживать людей на месте, не дать им куда-либо перебраться. А удерживать, чтобы постепенно уничтожить. Иначе как все это расценить?

Смертельный трюк с лесом

Когда у тебя ничего нет, ты становишься способен на иррациональные поступки. Тут например, знают: в лес, хоть он и единственный спаситель местного люда, ходить нельзя. Ни за дровами, ни за черемшой — источником витаминов. Военные стреляют без предупреждения.

Однако люди все равно ходят, деваться некуда, даже зная, что на сельском кладбище лежат те, кто решил запастись дровами и был пристрелен. Игра в рулетку под названием «заготовка дров» постоянна и беспощадна. И каждый надеется, что пронесет...

Вот рассказ Вахи, жителя селения Сельментаузен:

— Два дня были сильные обстрелы. Потом они прекратились. Я встал рано утром, послушал, подумал и решил идти на окраину леса. Жена плакала, но дров уже не было несколько дней, и поэтому надо было идти. Не все ли равно, как умирать — замерзнуть вместе с детьми как немужчина или получить пулю... Я помолился и двинулся. На этот раз все закончилось благополучно. Принес дров дня на три — сделал пять заходов. Видите, как у нас тепло...

— Но ведь пройдет всего пара дней, и надо будет опять повторять смертельный трюк с лесом?

— Я готов. — Ваха отвечает коротко и жестко, будто доброволец, который делает шаг вперед перед строем.

Готовность умереть — главное правило местной жизни, ежеминутно шарахающейся между бытием и небытием.

А байки о том, кто из соседей как умер, при каких обстоятельствах и от какого числа осколков, — основное вечернее развлечение, под которое младенцы отходят ко сну.

Залетные

— Помните, как 5 января 2001 года с самолета упала авиабомба? — обращается к собеседникам Макка Джабраилова из Махкетов. В тот день были убиты отец и брат Макки — Газихаджи и Газали Ахмадовы, ее надежда и опора, поскольку у самой Макки 12 декабря 2000 года, в час дня, пятью снарядами в щепки разнесло дом... В тот же день погибли ее соседи — вся семья Тагировых, 11 человек. Да так, что даже хоронить было нечего, — положили в могилу просто землю с места убийства...

Макка плачет, а женщины уже дальше спешат:

— 16 февраля со стороны воинской части взяли да обстреляли в который раз школу — прямо около двух часов дня.

Сельская школа по дурному стечению обстоятельств расположена в прямой видимости — через поле от палаток воинской части, расположенной на окраине селения Хоттуни.

Родители побежали в часть. Им сказали: не знаем, кто стрелял, не мы, снаряды — залетные...

Что делать дальше? И неужели сельчане сами должны выяснять происхождение снарядов? Или все-таки это работа военных прокуроров? И что такое — местная власть?

Глава администрации селения Махкеты — Абдулла Эльбуздукаев. Он производит впечатление навсегда испуганного и сломленного человека. Хотя в прошлом Абдулла — районный судья.

Он признается, что ничего не может сделать для своих односельчан. И панически боится военных, которые считают его пособником боевиков, а значит, пристрелят, когда посчитают нужным... Поэтому Абдулла такой: он не надеется выжить, но и умирать не готов...

...В результате родители решили детей в школу пока не пускать. Тем более что школа — одно название, дети ходят туда общаться, а уроков совсем нет.

Звони Путину

Малика Юнусова слушает других безучастно. Она молодая, но совершенно седая. Ее история недавно потрясла даже махкетинцев, и без того потрясенных.

Малика — сельская медсестра. Она всегда готова оказать сильную помощь раненым и больным, хотя в их больнице нет зарплаты уже несколько лет, и вообще больница не работает.

В ночь с 10 на 11 февраля 2000 года бомба попала в ее дом, разрушив его полностью. Погиб весь скот. Сгорели все хозяйственные постройки. У семьи остались галоши и то, во что были одеты.

За минувшее лето построили сарай, а односельчане подарили корову. 15 декабря около восьми вечера начался обстрел. Юнусовы сидели в подвале у соседей. Снаряд попал в их новый сарай, начался пожар. Муж Малики Саид-Али выскочил, чтобы спасти корову. Его обдало осколками.

Всю ночь Саид-Али пролежал без сознания у соседей на полу — обстрел продолжался. Рано утром Малика бросилась в часть: если есть вертолет, можно ли отправить мужа? Вы ведь виноваты!...

Долго муржили, в конце концов отказали, но обещали созвониться с госпиталем в Ханкале: если сами туда приедете, пустят. Соседи нашли машину, повезли. Но в Ханкале не взяли, сказав: ранение тяжелое, добирайтесь до госпиталя в Моздоке.

Добрались. А там нейрохирург вдруг говорит: «Если бы ваш муж был боевиком или военнослужащим, я бы оказал помощь. Как стороне военного конфликта. А если он просто мирный житель, не имею права, только за деньги. Платите 40 тысяч рублей наличными прямо сейчас, и тогда начну оперировать».

Малика увидела, как раненного Саид-Али вывезли из операционной в коридор. Ей дали телефон: звоните тем, кто может принести деньги.

— Мне некому звонить., — плакала Малика, женщина из далекого горного селения, где нет телефона.

И нейрохирург ответил:

— Звони Путину.

Малика спросила:

— А если бы меня сейчас здесь не было, рядом с ним, у кого бы ты просил деньги?

Врач ответил:

— Ни у кого бы не просил... Просто отправил бы его в морг.

Тогда Малика опять нашла машину, водитель согласился бесплатно довезти ее и Саид-Али до Аргуна. Там познакомил с теми, кто довез до Грозного, до 9-й горбольницы. Все это — с блокпостами, с остановками на комендантский час. В 9-й больнице Саид-Али наконец прооперировали — когда закончились третьи сутки после ранения.

Муж Малики прожил еще месяц. Его не смогли спасти от сепсиса: операция запоздала...

Окрепнув духом, Малика отправилась в Ведено, в райцентр, к военному прокурору. Но он отказался принять заявление: «Нет состава преступления». А позже, после этой поездки в Ведено, Малику нашли в селе военные из части полка, расстрелявшего мужа — значит, прокурор все знал, ей врал, но им сообщил о ее жалобе — и объяснились следующим образом: первые снаряды — по сараю — выпустили не они, а кто это сде-

лал, они не знают. Позже стреляли уже они, потому что увидели большой костер в темное время суток и бегающего вокруг человека. Чтобы не бегал в комендантский час.

Малика закричала: конечно, костер — ведь пожар начался, и муж бегал по двору, пытаясь спасти горящую корову, единственную кормилицу...

Военные постояли и ушли, не извинившись, а Малика подумала: спасибо, что ее не застрелили, дети остались одни и без дома... Людям в погонах тут нечего бояться и некого стесняться. В Веденском районе нет ни суда, ни следствия — в зоне этого не требуется. Тут царствует иррациональный хаос, и виноват всегда тот, кто подвернулся под руку.

Теперь у Малики нет ни мужа, ни жилья. С тремя детьми она живет, где придется. Есть нечего, одеться не во что... И Малика умоляет: помогите уехать — куда угодно...

— Мне хоть чеченский закон, хоть русский, хоть корейский, хоть японский — главное, чтобы был какой-то закон. И поест бы...

— Я не могу тут больше оставаться, — поскуливает Тоита — мать, скрывающая имя собственного ребенка и жалеющая, что так его назвала. И затыкает вялым соском ротик хнычущему Джохару. И, как эхо, вторят им другие вдовы и жены Сельментаузена, Махкетов, Товзени, Хоттуни:

— Мы не видели врачей уже несколько лет... Мы погибаем. Нам нечего есть. Нечем топить печку... Дайте отдохнуть от бомбежек... Солдаты влетают в дома и забирают последнее. Измутили нас.

Простой крестьянский люд... Тут не знают слова «геноцид» и даже модного теперь «беспредел». И поэтому говорят:

— Неужели это конец?

Март 2001

Коммерческий концлагерь

В январе 2001 года в редакцию принесли коллективные жалобы 90 семей, проживающих в нескольких селениях горного Веденского района Чечни — Махкеты, Товзени, Сельментаузен, Хоттуни. Текст был беспрецедентен — несколько сотен человек умоляли содействовать скорейшей их депортации по собственному желанию — куда угодно в Россию, но за пределы Чечни. Причины: постоянный голод, нестерпимый холод, отсутствие врачей, полная оторванность от всего мира. И особой статьей — жестокие карательные набеги, совершаемые на эти населенные пункты силами военнослужащих, расквартированных большим отрядом на окраине селения Хоттуни.

Факты казались столь фантастичными, сколь и вопиющими. Значит, надо было ехать проверять. Командировка началась 18 февраля.

А дальше — вся эта горная история, как ни подступишься, упорно распадается на клочки. С одной стороны, десятки жутких, инквизиционных рассказов, о пытках, применяемых федералами; странно-потусторонние лица людей, испытавших на себе изощренные измывательства военных, когда от ужаса того, что тебе надо записывать, останавливается рука, фиксирующая все в блокноте...

И вдруг — совершенно отдельно, осколком большой мозаики — те же самые рассказы, но только наяву, не в пересказе. И уже с тобой. Ожившие картинки в доказательство услышанного. И это уже тебе орут: «Стоять! Вперед!» И фээсбэшник в сопливом возрасте старшего лейтенанта уже тебе лично — а не твоему недавнему рассказчику, — улыбаясь гадливым ртом своих профессиональных предков из 37-го года, шепчет всякую дрянь и мерзость: «Расстрелять тебя мало... Слишком много моргаешь, значит, врешь...»

Картинка первая. Ожидание ареста

Крепкий 50-летний горец Ваха из селения Товзени — сейчас общественник, а ранее работал в органах советской госбезопас-

ности и также учителем местной школы. Теперь на добровольных началах он собирает сведения о зверствах российских войск, является командиром отряда сельской самообороны и ждет от военных ареста каждую ночь.

Ваха рассказывает любопытнейшие истории о кратковременном пребывании в их селе Басаева с его бригадой. О том, как все жители тогда надеялись, что Басаева наконец-то арестуют... Басаев был истощен, как и все его бойцы. И надо было только захотеть... Но войска, до того стоявшие плотным кольцом вокруг села, неожиданно отвели прочь — ровно на время пребывания в нем Басаева.

И он ушел. Хотите — верьте, хотите — нет.

Но, как только бандиты ушли дальше в горы, военные стали хватать и истязать тех сельчан, которые не имели никакого отношения к бандформированиям, оставляя на свободе тех, кто действительно замешан в крови... В селе-то ведь все про всех знают. Итог: сотни погибших. Сотни пропавших без вести. Их списки — у Вахи в тайнике.

Картинка вторая. Красивые попки

Иса живет в Сельментаузене. В начале февраля он попал в концлагерь на территории воинской части на окраине Хоттуни.

О его тело тушили сигареты, ему рвали ногти, его били наполненными водой пепси-бутылками по почкам.

Потом скинули в яму, именуемую «ванной». Она была заполнена водой (зима, между прочим), и вслед сбрасываемым туда чеченцам швыряли дымовые шашки.

Иса выжил. Но это удалось не всем.

Иса был не один в яме — шестером. Офицеры в младших чинах, проводившие коллективные допросы, говорили чеченцам, что у них красивые попки, и насиловали их. Добавляя, что это потому, что «ваши бабы с нами не хотят».

Изнасилованные чеченцы сейчас говорят, что мстить за «красивые попки» — дело всей их оставшейся жизни: «Лучше бы нас расстреляли, чем...»

Иса так и не оправился от шока. Его отпустили за выкуп, который собирал весь Сельментаузен. Но не просто так, а сначала вволю поиздевавшись еще и над родственниками, собравшимися у полкового КПП, чтобы выяснить судьбу своих, уведенных в яму.

Конвейер мародерства и рэкета под маркой «выявления бандитов» тут бесперебойный. И, значит, пора подводить промежуточную черту: вторая война в Чечне лишь поменяла вектор твоимых преступлений.

На этой земле то, против чего была объявлена «контртеррористическая операция», — оголтелое заложничество, рабство, работорговля и выкупы за живой товар — все это теперь делают нынешние хозяева положения, федеральные военнослужащие, то бишь государственные служащие от имени Президента и Конституции Российской Федерации.

Мы сидим в единственной крохотной комнатке Исы, где только нары и печка — семья очень бедная, и нет возможности топить вторую.

Четырехлетняя дочка Исы с ужасом, не отрываясь, смотрит на меня. В неестественно расширенных от страха серых глазах этого щупленького истощенного существа — такое выражение, будто я медведь, пришедший ее съесть.

Жена Исы объясняет:

— Она видит, что вы — не наша, той же масти, как те, которые при ней били отца. И увели его.

Картинка третья. Пытки током

Розита из селения Товзени шевелит губами еле-еле. Глаза ее, как бы отрекшись от естественного предназначения, застыли и глядят куда-то внутрь. Розита как неживая. Ей пока трудно ходить — болят ноги и почки.

Месяц назад Розите пришлось пройти через фильтрационный лагерь — она так это называет. За то, что «приютила в доме боевиков». Именно так ей кричали военные, отправившие ее «в лагерь».

Розите уже немало лет. У нее много детей и несколько внуков. Младшая, трехлетняя, ранее не говорившая по-русски, но

видевшая, как зверски обращались с ее бабушкой, теперь постоянно кричит русские слова: «Ложись!» и «На пол!».

Розиту забрали из дома на рассвете — «тепленькой», полностью окружив дом и не дав толком собраться. И бросили в яму, устроенную для таких случаев на территории военной части на окраине селения Хоттуни.

— Толкали? Пинали?

— Да, как обычно у нас.

Ничего себе слова: «Как обычно...».

Поджав ноги, Розита просидела в яме на земляном полу 12 суток в январе. Солдат, который охранял яму, как-то ночью сжалился — бросил кусок паласа.

— Я подложила под себя. Солдат — он же человек, — еле шевелит губами Розита.

«Ее» яма была неглубокая. Метр двадцать, не больше. И оказалась устроена таким образом, что вроде ты на свежем горном зимнем воздухе: над тобой нет никакой крыши и круглосуточно очень холодно. Но при этом не можешь распрявиться: сверху положены массивные бревна, головой их не сдвинуть. Так 12 суток — на корточках или сидя на том паласе.

Но за что?

Розита так и не узнала, кого она «приютила». Ей так и не предъявили обвинения, хотя трижды водили на допросы. Молодые офицеры, представившиеся сотрудниками ФСБ, надевали Розите «детские варежки на резинке». Это значит: на пальцы одной руки — один конец оголенных проводов, на пальцы другой — другой конец. А сами провода — через шею, сзади.

— Да, я очень кричала. Признаюсь. Больно было, когда ток пускали. Но все остальное вытерпела молча. Боялась еще больше их раздражить.

Фээсбэшники приговаривали: «Плохо танцуешь. Подбавить бы надо».

И подбавляли, называя «танцами» конвульсии Розитино тела. И Розита кричала все сильнее.

— А что они хотели, пытая?

— Они ничего конкретного не спрашивали.

«Конкретное обсуждали» с родственниками Розиты. Через посредников получили от тех же офицеров задание: искать деньги на выкуп. Им объяснили: спешите — Розита плохо переносит яму, может не выдержать.

Сначала военные запросили пять тысяч долларов — сумму, о которой сельчане (деньги на выкуп тут теперь принято собирать всем миром) сказали: даже если продать все село, все равно не расплатиться. И военные оказались сговорчивыми, снизив выкуп в десяток раз.

Через сутки деньги привезли, и Розита, еле переставляя ноги, вышла на свободу, к полковому КПП.

Так кто же, выходит, она — бабушка Розита из Товзени? Боевичка? Если нет, то зачем держали? Если же да, то почему отпустили? И в любом случае, зачем пытали? А потом использовали, как живой товар? Много безответных вопросов, переходящих в риторические. И самое время подвести первую промежуточную черту: на территории военной части, расположенной на окраине селения Хоттуни Веденского района, где дислоцируются 45-й воздушно-десантный и 119-й парашютно-десантный полки Министерства обороны, а также подразделения МВД, Минюста и ФСБ, существует настоящий концентрационный лагерь с коммерческим уклоном.

Картинка четвертая. Воспитатель хрюшек

Командир 45-го воздушно-десантного полка — интересный и волевой человек. Полковник прошел Афганистан и «первую Чечню». Он костерит войну, думает вслух о своих детях, растущих безотцовщиной, и готов закончить «вторую чеченскую» сразу, с ходу, как можно быстрее — она ему надоела.

Его позиция: пусть как можно быстрее и нормально заработают гражданские власти — и мы уйдем.

... Мы гуляем по полку. Командир показывает столовую — вполне симпатичную для горно-полевых условий. Ведет на склад, забитый тушенкой и всякой прочей снедью, что, по его мнению, полностью исключает стремление вверенных ему военнослужащих воровать у жителей скот, на чем настаивают все жители без исключения.

Командир подводит к изрешеченному пулями темному «хаммеру», стоящему поодаль, за палатками полка, на пробитых, спущенных колесах.

— Это «хаммер» Басаева, — говорит полковник с гордостью. — Мои ребята притащили с гор. Он был там спрятан. Это тот самый «хаммер», который Басаеву подарил Надыр Хачалаев из Дагестана. В оплату за пленных перед войной.

— Что будете делать с этой машиной?

Полковник пожимает плечами:

— Наверное, Ханкала заберет...

— А в Ханкале — что?

— Ну, что же сама все понимаешь...

Полковник на «ты», потому что, во-первых, тут по-другому не говорят. А во-вторых, у нас нашлись общие знакомые в Москве, и это сильно сближает в горах, на самом краю чеченской войны, когда дальше только Грузия и политый кровью пятачок, где недавно умирали псковские десантники, попавшие в засаду и так и не дождавшиеся ничьей помощи, в том числе и 45-го полка, дислоцированного в нескольких сотнях метров по прямой и снабженного всеми видами оружия, включая тяжелую артиллерию...

— Сама понимаешь, не было приказа.., — говорит полковник. И ему это очень плохо это говорить.

Так добираемся до квинтэссенции до «приказа». Командир показывает ямы, куда после «зачисток» они сажают чеченцев. Полковник заботлив: он придерживает под локоток, чтоб не съехала по жирной глине на шестиметровую глубину.

Яма выглядит точно так, как ее описывали многочисленные сидевшие в ней люди. Где-то три на три метра. В неразличимую преисподнюю вьется веревка — по ней положено выбираться на допросы. Несмотря на небольшой мороз, от ямы несет специфически. Тут так заведено: чеченцы должны опрavlяться себе под ноги. И продолжать круглосуточно стоять на той же земле. Хочешь — сидеть.

Командиру неловко за все происходящее, и он рассказывает удивительные вещи: как-то прилетел в полк с проверкой сам ко-

манdüющий группировкой генерал Баранов, увидел стоявших на поле задержанных чеченцев и, чтобы не маячили на глазах, приказал посадить их в ямы, первоначально вырытые под бытовой мусор. С тех пор так и повелось. Полковник искренен:

— Но ведь мы только боевиков туда сажаем. Не простых же людей...

— А почему тогда выпускаете? Не заводите уголовные дела? Не передаете их в прокуратуру?

— Это не мы, — произносит полковник трагически.

Вопросы повисают в атмосфере. Как и тот, главный: а почему вы, спецназы, спецподразделения, СОБРы, РОВДы, ВОВДы и все прочие, растыканные по Чечне, так и не изловили Басаева, Хаттаба и прочую гвардию? И лишь довольствуетесь их «хам-мерами» и «шевроле»?..

У полковника опять нет слов. Кроме:

— Ты же сама все понимаешь...

— Нет, не понимаю.

Мы попросались.

Картинка пятая. Проверено на себе

Прошло всего две минуты после того, как мы расстались с полковником, и меня задержали.

Это было так: сначала неизвестные в военном камуфляже больше часа велели стоять прямо посреди разъезженного поля. Потом прикатила бронированная машина с вооруженными бойцами и старшим лейтенантом также неизвестной военной этиологии. Схватили, пхнули прикладами — повезли. «Документы у тебя фальшивые, твой Ястржембский — прихвостень Басаева, а ты — боевичка», — так было объявлено там, куда привезли.

Дальше потянулись многочасовые допросы в палатке. Без протоколов. Без предъявления обвинений и документов. Молодые офицеры, сменяя друг друга, не представляясь и лишь вкрадчиво напоминая, что они из ФСБ и командир им только Путин, обернули дело так, что свобода закончилась, звонить и ходить нельзя, вещи — на стол...

Самые омерзительные детали допросов предпочитаю опускать — ввиду их полного неприличия. Однако именно эти детали — палачи, конечно, не могли этого и предположить — стали главным подтверждением того, что все сообщенное ранее чеченцами о мучениях и пытках — не ложь. Их информация с каждым следующим часом допроса полностью подтверждалась.

Периодически к рьяным молодым подключался старшой — в чине, по-моему, майора, со смуглым лицом и темными туповатыми глазами навывкате. По фамилии Дураков — из песни слова не выкинешь. Время от времени Дураков отсылал молодняк из палатки, включал музыку, которую считал лирической, и намекал на «благополучный исход» мероприятия при некоторой сговорчивости — ясно, в какой форме. Дураков был, действительно, дураком.

В перерывах между ним «молодые» издевались изощреннее, стараясь надавить на самые больные точки: рассматривали фотографии моих детей, не забывали сказать, что бы с ними стоило сотворить «за маму»...

Наконец Дураков, периодически еще и рвавший рубаху на груди — мол, кровь тут проливаю, сказал, глянув на часы: «Пойдем. Буду тебя расстреливать».

Вывел из палатки, и была уже полная темень. Ни зги в этих местах, лишенных электричества. Прошли недолго, и подполковник произнес: «Кто не спрятался, я не виноват». И тут рядом все запылало прерывистым огнем, заскрежетало, загремело и заухало.

Подполковнику очень понравилось, что «сработало» и я в ужасе присела.

Оказалось, он подвел прямо под реактивную установку «Град» в момент боевого залпа, зная, когда он будет, поэтому и смотрел на часы.

— Ну, пошли дальше!

И скоро из тьмы показались ступеньки вниз. «Это баня. Раздевайся».

Поняв, что эффекта никакого, очень разозлился, твердя, что «целый майор к тебе всей душой, а ты, гнида боевицкая, еще...»

И добавил: «Помнишь? Кто не спрятался, я не виноват... А?»

В баню вперся еще один офицер — из ФСБ, он сам так представился. Подполковник подвел черту: «Мыться не желает». Фээсбэшник брякнул на стол принесенные бутылки и сказал: «Ну тогда я ее повел».

И снова долго водил по темному лагерю. Казалось, что туда-сюда. Наконец опять велел спускаться по лестнице.

Это был бункер, ставший мне прибежищем до самого освобождения днем 22 февраля.

На стене висел плакатик: «119-й парашютно-десантный полк». И объяснения: восемнадцать из его военнослужащих удостоены звания Героя России. Откуда-то принесли чай. Отхлебнула — и тут же закружилась голова, ноги стали ватными, и пришлось проситься за дверь — сильно рвало.

Какую-то даму приставили. Она висела над душой, неумело вызывая на откровенность, и поджимала недовольно губки, когда ей ничего не удавалось. В туалет?.. Можно, но в сопровождении. «Жучки с тела пойдешь в туалете сбрасывать», — так объясняли.

Требовала: предъявите наконец обвинение, составьте хоть один протокол, этапируйте в тюрьму, родные принесут хотя бы зубную щетку и пасту...

Нельзя! Боевичка! Работала бы на нас — все бы у тебя было! А ты — ямы смотреть! Гнида! Гадина! Ястржембскому заплатил за тебя Басаев, Ястржембский заплатил твоему главному редактору, и главный редактор послал тебя сюда...

О, ужас военной тупости!

Утром 22 февраля в бункер вошел офицер и сказал, что он — мой сопровождающий до Ханкалы и у него все мои документы и вещи, которые «сдадут в ФСБ». У вертолета стоял тот самый Дураков, попрощавшийся следующим образом: «Расстрелял бы тебя, моя бы воля».

Когда машина села в Ханкале, прямо у люка меня стали отбивать у сопровождающего какие-то другие офицеры. Они оказались сотрудниками военной прокуратуры Грозного, за что я им крайне признательна, иначе сидеть бы мне опять под при-

смотром очередного фээсбэшного офицера, подорвавшего психическое здоровье на «контртеррористической операции». В прокуратуре дала все объяснения, сопровождающий также был допрошен, и оказалось, что, кроме моего аккредитационного удостоверения № 1258, 12 января 2001 года выданного аппаратом помощника президента РФ Сергея Ястржембского, у него ничего при себе нет. Значит, смуглый подполковник пошло лгал. Ни вещей, ни диктофонных кассет, ни фото пленки — офицеры все стырили в полку под Хоттуни.

Написала соответствующее заявление на имя военного прокурора с требованием привлечь к ответственности своих пленителей и мучителей. Ни на что особенно не надеюсь, конечно. Аккредитацию сдала прокурору для проведения официальной экспертизы — чтобы расставить точки над «i»: подлинной она выходит из недр ведомства господина Ястржембского или фальшивой. Прошла медицинское освидетельствование в Ханкалинском госпитале, по собственному желанию и стремлению, дабы исключить в дальнейшем любые фээсбэшные инсинуации. Которые, впрочем, начались тем же вечером. В теленовостях появился г-н Зданович, тогдашний начальник пресс-центра ФСБ России, с сообщением, что «по его сведениям» журналистка Политковская употребляет наркотики и именно поэтому ей «примерещились» ямы там, где «их нет». Почему и была «нами послана на обследование...» Бог тебе судья, Зданович: но на «вы» никогда тебя уже не назову — слишком ты много врал всю эту войну...

Кошмар закончился полетом в Моздок, откуда члены правительства Чеченской Республики и лично его председатель Станислав Ильясов быстро перебросили в Пятигорск и Москву.

Вот так клочки и разрозненные картинки соединились в единое целое, и, значит, пора подводить окончательную черту...

Это, друзья, все — в нашей стране. В данный с нашей жизнью момент. При действующей Конституции. При «волевом» президенте — ее гаранте. При не вымершей Генпрокуратуре. Правозащитниках: общественных и официальных. Седом красивом лорде, замучившемся гонять из Страсбурга в Чечню и обратно... Но все на месте — ямы, «детские варежки», «танцуешь плохо», «кто не спрятался — я не виноват»...

И никто не посмеет сказать, что я этого не видела, не слышала, не осязала. Проверено на себе.

Февраль 2001

P.S. Короткое добавление из 2002 года.

Ямы на территориях военных частей, дислоцированных в Чечне, используемые как места предварительного заключения и пыточные, — давно не новость. Туда кидают чеченцев, там содержат провинившихся солдат. Эти «ямы» получили уже и строго юридическое описание, в так называемом деле Буданова, командира 160-го танкового полка, похитившего и убившего чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву. Частью этого дела является описание эпизода со старшим лейтенантом Романом Багреевым, который отказался выполнять преступные приказы пьяного командира, за что и угодил в подобную яму, как позже зафиксировали в деле следователи военной прокуратуры, офицеры-танкисты содержали незаконно арестованных чеченцев.

Однако Иса, Ваха и Розита, свидетели и жертвы этих ям, давно расстреляны, причем довольно скоро после нашего знакомства. Пуля их настигла однотипно: неизвестные приехали на БТРе, спросили: «Такой-то? Такая-то?» И вскинули «калашниковы».

Дураков стал полковником, скакнувшим через подполковника: война — повод для быстрых карьер.

Зданович получил генерала ФСБ и внедрен в «независимые СМИ» — трудится на посту заместителя председателя Всероссийской гостелерадиокомпании (2-й канал). Говорят, там он заместитель по безопасности всего!

Похороны каждый день

Середина июля 2001 года. Двадцать два месяца назад в России началась вторая чеченская война. За плечами у страны — тысячи жертв. А впереди — новый ее этап. Военные называют его: «Приступить к ликвидации».

...Мы встречаемся с Айной, будто она — разведчик-нелегал, а я — связной из центра. С предосторожностями, достойными кинодетектива. Айна пробиралась к месту нашего свидания тайными тропами, путая маршруты и никак не афишируя, даже перед своими соседями, куда и зачем отправляется.

Но вот беда, мы с Айной — никакие не подпольщики и нам вообще противно положение, в которое нас поставила власть. Ведь всего-то: Айна — вдова из селения Махкеты Веденского района, а я — журналист, желающий знать, что же там творится и почему уже несколько месяцев подряд Махкеты оцеплены и фактически изолированы от внешнего мира.

Краткая предыстория

Есть в Веденском районе четыре села — собственно Махкеты, а также Товзени, Хоттуни и Сельментаузен. Они прилеплены друг к другу и представляют собой единый массив для не менее чем 25 тысяч человек. Всю минувшую зиму из этого анклава приходили письма-SOS: люди просили помочь им уехать прочь куда угодно, поскольку житья нет от набегов федералов, расквартированных на окраине Хоттуни, которые грабят, пытаются в ямах, убивают, торгуют трупами... Дальше были командировка, проверка фактов, общение с бойцами сводного мобильного отряда (СМО) из-под Хоттуни, не принесшее удовольствия ни одной из сторон...

И что?

— А вы знаете, убит тот самый водитель, который отважился доехать тогда, в феврале, до Шали, чтобы сообщить за пределы Чечни о вашем аресте в отряде под Хоттуни? Его отговаривали ехать, а он сказал: «Надо спасать человека».

— Как? Убит?

— Подъехали военные, спросили имя. Свернулись между собой — и расстреляли в упор. Звали человека, спасшего вас, Имран.

Значит, я живу ценой жизни Имрана?..

— Но ведь то, что именно Имран поехал тогда в Шали и зачем он это делал, знали только в селе? Ваши люди? Значит, кто-то из них донес военным?

— Конечно. У нас теперь столько стукачей, что не знаем, как быть. Федералы развращают наших людей, платят им — за смерть односельчан. Я сама, идя на эту встречу, больше всего боялась стукачей. Военные приходят в села по их наводкам. Правда, спустя какое-то время они же их и уничтожают... Помните в Сельментаузене старый дом, куда мы ходили, чтобы встретиться с четырьмя мужчинами, только что выкупленными из ям на территории 45-го полка ВДВ?

...Отлично помню. Дом был совсем бедный. Хозяин оказался веселым остроумным человеком одного со мной года рождения и поэтому тут же показался близким — мы ведь учились по одним учебникам и когда-то слушали одни детские радиосказки, о чем с удовольствием и поболтали...

Хозяин совсем не жаловался на пытавших его федералов, чем и ошарашил. Он смеялся над ними... Говорил, растирая раздробленные пассатижами пальцы: «Несчастные... Придется же за все отвечать перед Богом. Какая разница, что мы называем его Аллахом...»

— И его убили, — произносит Айна. — Пришли, забрали, где-то расстреляли и труп выбросили на дорогу. Никто в селе не сомневается, почему так произошло: потому что рассказал вам о пытках над собой. Мы решили попросить вас и сейчас не называть его имени в газете, чтобы семья выжила. Как бы на ней не отыгрались... А помните того черноволосого парня, что тогда сидел на самодельном топчане рядом с хозяином?

— Конечно. Тоже веселый был и очень смешливый. Который еще успокаивал...

— Да-да, он вам все говорил: «Да не расстраивайтесь так! Чечены — мы живучие. Вот меня никакая зараза не берет».

— Это он так отвечал на вопрос, снятся ли ему по ночам пытки, через которые прошел...

— Его тоже нет. Убили. Пришли, уточнили фамилию, забрали. Только труп не выбросили, а заставили родственников выкупить. Из пятерых мужчин, с которыми мы тогда разговари-

ли в Сельментаузене нет троих... А тракториста помните? Он чинил трактор у крайнего дома в Сельментаузене, и вы говорили с ним минут пятнадцать. Он вам рассказывал о набегах федералов, а вы его еще спросили: «А боевиков давно видели? Когда они приходили?»

— Да, конечно. И он сказал: «Давно. Год назад. Когда отступали из Грозного. Зашли в село, сутки отсидели, федералы на эти сутки прекратили обстрелы, боевики отогрелись, помылись, пошли дальше — и тут-то начались у нас облавы...» Это его рассказ.

— Тракторист тоже застрелен... А помните людей, с которыми сидели ночью в Махкетах — и говорили, говорили, говорили? В комнату набилось тогда человек 20—25. Так половины из них теперь тоже нет на свете... Помните Таус Тагирову? Она так много плакала... Двоих ее сыновей забрали из дома в 45-й полк, и уже два месяца ничего о них не известно — пропали... Помните Магомедхаджиевых? Харона и его жену? Той ночью жена Харона долго-долго говорила. Забрали Харона, избили на глазах у шестерых детей, уволокли, и тоже ничего о нем не известно... Сгинул. Люди не знают, что делать дальше. Похороны — каждый день... — говорит Айна, и глаза у нее совсем сухие.

— Айна, а как же Каламанов? Села, наверное, обращались к нему, когда начался весь этот кровавый поток? Ведь он — спецпредставитель президента по соблюдению прав человека в Чечне!

— Да, писали, — отвечает Айна. — Умоляли разобраться. Нам даже сказали, что он приедет в села, назначили день. И мы собрались — сотни людей. Но вышел какой-то офицер и сообщил, что ничего не будет... Каламанов не появился. Потом мы писали Кадырову, Ильясову, прокурору Чечни. Никакой реакции. Будто мы — жители другой страны. Что делать дальше? Чем можно помочь нам? Как порвать кровавую цепочку?

Смотрю на несчастную, загнанную в угол Айну. Каждые пять минут разговора она вспоминает о собственных детях, оставленных сейчас в Махкетах. Ее колотит от одной мысли, что, пока ее не будет, с детьми может случиться что угодно... Смотрю на Айну и вспоминаю лицо Юрия Эма, полковника в отставке, и детали общения с ним. Сузив глаза, Эм тогда говорил: «Обещаю, там все будет нормально».

Эм — первый заместитель председателя правительства Чечни по взаимодействию с силовыми структурами. Еще недавно он командовал в Чечне полком. Лично знает всех старших офицеров тут, и значит, сможет разрядить обстановку.

Но! Бесплезно. Все данные Эмом слова — помочь людям Махкетов, поддержать, посодействовать, разобраться — обернулись лишь еще более жестокими репрессиями против жителей этих сел.

Айна меня понимает: оказывается, она тоже ездила к Эму на прием, передавала коллективное письмо махкетинцев, доведенных до края. И Эм тоже пообещал Айне разобраться и нормализовать обстановку...

Стоя на ступенях здания правительства ЧР в Грозном, и Айна, и я — мы смотрели в глаза ему, носителю звания Героя России, и он нам повторял: «Обещаю вам, все будет нормально».

И после этого военный беспредел взметнулся с новой силой! Значит? Теперь даже просить ни за кого нельзя? Чем больше просишь, тем хуже делаешь тем, за кого просишь?..

Непоправимая ошибка: мы не договорились с Эмом о главном — о терминах. А они у нас с ним оказались совершенно разные. Мое «нормально» значит жизнь. Его «нормально» — это смерть. Не может человек, утюживший танками чеченские села, переродиться и превратиться в агнца, голосующего за мир. И поэтому моей принципиальной ошибкой было искать у него защиты для махкетинцев.

Но ошибку допустила и власть. Эму дали гражданскую должность именно в расчете на мир. Чтобы он помог его установить. А он спонсирует дальнейшую войну. И конечный результат его личных усилий в Чечне один: в условиях методов, какими ведется вторая чеченская война, он — уже от имени гражданских властей — помогает созданию отрядов народного сопротивления. 12 июля пришло очередное сообщение: в Веденском районе нашли и с боем обезвредили очередную банду боевиков, скрывавшуюся в лесу.

Во-первых, не верю, что банда.

Во-вторых, а что вы, собственно, хотели? Сила действия обязательно равна силе противодействия. И, скорее всего, — из опыта — по веденскому лесу бродили люди, решившие мстить или за своих замученных родных, или за пытки над собой.

Смерть от своих. Опять

История жизни Данилы Выпова в России

«Одно огнестрельное сквозное ранение головы и шеи». Судмедэксперт 632-й военной судмедлаборатории Северо-Кавказского военного округа майор Игорь Матюхов именно так и написал в официальном отчете об очередном произведенном им солдатском вскрытии. И какие, собственно, могут быть претензии к майору?.. Что увидел — то и написал...

И добавил еще: «Острая массивная кровопотеря. Разрыв левой сонной артерии». Это уже о непосредственных причинах смерти вследствие «одного огнестрельного ранения», имевшего место 5 февраля 2001 года в Ханкале, прямо на главной военной базе в Чечне, где расположен Объединенный штаб группировки войск и сил на Северном Кавказе. Той самой Ханкале, которая охраняется в несколько кругов, периметров, «колючек», сетями блокпостов, минных полей и пр. и пр. Что и подтвердил судмедэксперт Матюхов, указав в свидетельстве о вскрытии кое-что о месте, где произошла смертельная для солдата Данилы Выпова «травма»: «дислокация отдельного подразделения, в/ч 20004».

Итак, Ханкала. Святая святых воюющего на Северном Кавказе генералитета. Спрашивается: ну, какие тут, внутри, могут быть фугасы?..

Однако именно так — солдат Выпов «подорвался на фугасе, тело разнесло на кусочки, надо хоронить в запаянном гробу» — сообщили семье Данилы из той самой в/ч 20004 (Министерство обороны, так называемый Камышинский полк).

Слава Богу, забеспокоились старшие Данилины братья, потребовали ясности и один из них самолично поехал в военный морг в Ростов-на-Дону и потребовал открыть гроб — и тогда увидел под нижней губой явное входное отверстие от пули! Но никак не от фугасного осколка. И никакого разорванного на ключья тела! Значит? Все нет так?!

20 февраля братья Данилы, живущие в Санкт-Петербурге, написали соответствующие заявления в Главную военную прокуратуру, в военную прокуратуру Санкт-Петербургского гарни-

зона, командованию Ленинградского военного округа, в военную прокуратуру Чечни, а также рассказали обо всем случившемся сотрудникам правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга».

И что? После этого вокруг них образовался вакуум. Молчание. Подушка. Тело Данилы из Ростова перевезли в Санкт-Петербург... Запретили хоронить. Мать Данилы — в шоке и ужасе... Но генералы наложили запрет и на проведение независимой гражданской судмедэкспертизы, с которой семья Выповых связывает надежды на выяснение обстоятельств гибели Данилы. Тупик.

Вам понятно, чего хотят братья? Поставьте себя на их место, и вы поймете их правоту. Они хотят только законного — истины. И больше ничего. Если Данилу застрелили «свои» — пусть их найдут и судят. Разве это так трудно сделать?..

Оказалось, невозможно. Вся военная машина консолидировалась и работает на себя. А не на Данилу, не дождавшегося двадцатилетия.

Неизвестный солдат из Челябинска

...22 февраля, именно в те дни, когда, спасая убийц от тюрьмы, тело рядового Выпова перевозили из военного морга в Ростове-на-Дону в военный морг Санкт-Петербурга, я летела вертолетом из расположения 119-го парашютно-десантного полка, что в Веденском районе Чечни, в Ханкалу, на ту самую военную базу, где внутри «фугасы». На полу вертолетного чрева лежало укутанное в защитный саван тело солдата. Этим утром его смертельно ранило в полку, и он скончался за несколько минут до взлета вертолета.

Солдатик был 82-го года рождения и родом из Челябинска — на саване, сверху, лежала его солдатская книжка. И перед взлетом вертолета я могла своими глазами видеть «тайну за семью печатями» — как офицер ФСБ, проходящий службу в Веденском районе, вместе с начальником штаба 119-го полка дурными немислимыми воплями приказывали солдатам, принесшим тело очередного скончавшегося от «огнестрельного ранения», «выплюнуть» из своих автоматов пули на экспертизу... Так бывает всегда, когда военнотружущих подозревают в том,

что это они застрелили... Прибежал еще один офицер — взъерошенный и всклокоченный, раздетый и разутый, в растрепанных чувствах. Это был его солдат, из его роты. Он нервно курил и сплевывал.

Показалось, что процедура «выплевывания» удивила только меня. Из примерно двух десятков стоявших рядом офицеров... Остальные выглядели привычными ко всему.

В Чечне творится невообразимое. Разгул. Разврат. Разбой. Свои — своих. Каждый день без перерыва на обед, ужин и завтрак. Кто угодно — по кому угодно... И не найти правды...

Доколе мы будем это терпеть? Наше «это» — совсем не так, как у американцев, например. Там тоже случается похожее, когда из своего же самолета во время учений снаряд падает прямоком на территорию своей же военной базы — и об этом тут же кричит весь мир, и скорбят генералы, и президент США узнает о трагедии, и при первой же публичной возможности чтит память погибших солдат и офицеров минутой молчания, и требует расследования, и все это становится предметом гласности по всему свету...

У нас все по-другому. Солдаты гибнут чуть ли не ежедневно. Из их тел достают пули, выпущенные сослуживцами. Потом военное командование занимается тем, что и эти пули, и эти тела скрывает от родственников, желая похоронить солдат вместе с причинами их гибели. Если же позже общество все-таки и узнает о некоторых деталях, то совершенно случайно. Впрочем, даже если какая-то правда куда-то проливается, за этим тоже не следует ничего. Ни первополосных теле- и газетных новостей. Ни шума. Ни гама. Что гарантировано семьям, воспитавшим солдат, — это информационный вакуум. Обществу на все наплевать. Европейское сообщество равнодушно взирает на наши внутренние муки. Президент катается на лыжах в чудном сибирском местечке. Дума даже и не подумает приподнять свои коллективно откормленные мослы над мягкими парламентскими креслами — в память об очередном солдате, погибшем в Чечне от своих. Правительство не обнажит головы — и продолжит делить между собой бюджетные деньги, ничуть не беспокоясь, что одного их месячного финансового вливания в Чечню на «проведение боевых операций» вполне достаточно, чтобы эту разрушенную Чечню восстановить... Генеральный штаб привыч-

ным движением припудрит свои еженедельные данные о потерях на Северном Кавказе. Ястржембский съездит на Запад и расскажет о зверствах боевиков... И все они дружно, при случае рьяно, завопят о том, что некоторые журналисты не любят нашу армию и потому они есть истинные враги своего народа...

Тупик. Он очевиден. Страна совсем разучилась краснеть и испытывать хотя бы неудобства перед матерями, чьи сыновья вернулись из Чечни в наглухо заколоченных гробах. Без права на последний поцелуй холодного лба...

Вы помните, что такую страну победить очень просто? Дунь, и она рассыпется, как пепельный каркас сгоревшего сарая.

Остается добавить немного. Что ребенком мама поменяла Даниле Выпову Родину — мальчик родился и подрос в Узбекистане, но в связи с невозможностью дальнейшего проживания русских в городке Ширин Сырдарьинской области семья переехала на историческую Родину. В Волгограде Данила превратился в юношу и его взяли защищать эту новую Родину. Остальное вы уже знаете.

Март 2001

Почти голливудский боевик «Грозный — Москва»

Война, продолжающаяся на Северном Кавказе и ничем пока не останавливаемая, уже много раз убеждала: не верь, когда в мирной жизни тебе говорят: «Не суйся. Это не твое дело. Себе дороже будет...» Там, в Чечне, всегда надо соваться. Потому что всему цена — жизнь.

С одной стороны, история эта очень простая: 27 августа 2001 года, утром, грозненку бабу Клаву положили на носилки в Грозном и поздним вечером она уже была в Москве.

С другой — путешествие получилось не просто длинным и сложным, а выворачивающим наизнанку всю нашу сегодняшнюю жизнь. В этой истории в результате переплелось все: и грозненские руины, так никем и не тронутые, где старикам уготовано добывать пропитание лишь по законам военного времени; и «тоннель генерала Романова» в самом центре чеченской столицы, рядом с которым жила баба Клава, и мины, снаряды и обстрелы были ее ежедневным «развлечением»; и группа господ, окончательно утратившая облик человеческий, списывающих это на войну; и люди, отдавшие все, что у них было, для спасения совершенно не известной им старушки; и генералы, завравшиеся до косоглазия в угоду собственным карьерам и амбициям; и полковники с капитанами, оказавшиеся на голову выше своих генералов; и наконец, любовь, ненависть, злоба, отчаяние и зависть...

Однако по порядку. Познакомились мы летом 2000-го года. Обычная случайная встреча: на скамейке в растерзанном грозненском дворе между проспектом Ленина и улицей Интернациональной сидела немолодая женщина. И все было, как обычно: рядом со скамейкой зияла огромная воронка от бомбы. От развалин шел дурной запах всеобщего разложения. А в стороне, у люка с технической водой, в очереди стояли люди — они черпали мутную жижу и несли ее по каморкам для чая.

Клавдия Васильевна Ануфриева выделялась из общей картины одним: она ни к чему не проявляла интереса. И была полностью слепа — инвалид первой группы. И ничего не могла предпринять самостоятельно, даже разжиться грязным питьем из люка.

Представить слепого человека, живущего в том Грозном, где повсюду тебя ждут мины-растяжки, и значит, любой поход в туалет может закончиться взрывом, было трудно. Но пришлось. Так мы и познакомились. Клавдия Васильевна ни на что не жаловалась, не плакалась, хотя давно ничего не ела, кроме хлеба, и была в платье многомесячного непрерывного ношения.

— У вас есть родные где-нибудь в другом городе?

— У меня сын в Москве.

— Так почему же не едете к нему? Вам нельзя тут оставаться...

Клавдия Васильевна тогда лишь на минутку смутилась — от какой-то семейной тайны, в которой и заключался, по-видимому, ответ на этот вопрос, но быстро собралась с мыслями и весело ответила:

— Жду поезда. Вот пустят его, я и поеду в Москву. Сама. Чтобы никого не обременять.

— А телефон сына помните? Давайте позвоню ему, когда вернусь домой, расскажу, как вам трудно...

Телефон продиктовала, но попросила подробности не описывать:

— Он будет волноваться, у него ответственная работа...

— А вы? О себе подумали?

Молча, равнодушно пожала плечами...

Подобный разговор был не первый в том Грозном. Десятки грозненских стариков, для которых жизнь в разрушенном городе абсолютно противопоказана, диктовали телефоны и адреса своих родственников в надежде, что весточка дойдет и те кинутся им на помощь, заберут из военного ада в города, где не стреляют.

Впрочем, надежды оборачивались реальностью редко: Грозный — место обитания забытых стариков. Каждая командировка в Чечню — и ты, вернувшись, должен слать телеграммы по вновь записанным адресам следующего содержания: «Имярек! Ваша тетьа (дядя, сестра, мама...) жива и находится в Грозном. Условия ее (его) жизни крайне тяжелы. Просьба срочно связаться с редакцией...». В результате у меня получилась «своя» карта России: карта пустых сердец. И я знаю, где живут люди, бросив-

шие своих близких в тяжелейшей беде, и никто уже не посмеет сказать, что карта эта не написана кровью и человеческими жизнями, — многие из стариков, которые еще были живы в Грозном в первый год после штурма, теперь скончались, так ничего и не дождавшись...

Клавдии Васильевне повезло. Ее единственный сын постоянно передавал ей в Грозный деньги. Однажды это было так. В редакции собрали гуманитарный груз для Грозненского дома престарелых, обитатели которого, полностью забытые властью, сидели там без еды, вещей и лекарств. Узнав об этом, сын Клавдии Васильевны попросил взять с собой 4 тысячи рублей для мамы, когда поеду в Чечню. Я объяснила: постараюсь передать, но не обещаю, так как гарантии, что удастся попасть именно в ту часть Грозного, где находится Клавдия Васильевна, никакой, — ехать предстоит вместе с военными, а они боятся и маршруты менять, и остановок в городе.

Однако когда колонна с несколькими тоннами продуктов, одежды и медикаментов въехала в Грозный, я поняла, что судьба благосклонна и мы вскоре обязательно проедем мимо двора, где находится Клавдия Васильевна.

Рядом, в кабине грузовика, идущего первым, сидел молодой капитан, старший колонны — тот, который принимает окончательное решение, двигаться дальше или остановиться. Разговорились — объяснила все про стариков Грозного, показала конверт с деньгами, рассказала о московском сыне. И капитан оказался человеком. Подумав какое-то время, он приказал сделать остановку и пошел в нужный двор вместе со мной.

Клавдия Васильевна лежала на кровати — плохо себя чувствовала — посреди многомесячной грязи никогда не убираемой комнаты, но уже по шагам узнала меня: «Анечка? Ты?» Хотя к этому времени мы не виделись месяца три, никак не меньше, да и само знакомство наше было шапочным. Но Клавдия Васильевна так ждала весточки от сына и так связывала эту весточку со мной...

Капитан присел на единственный хромоногий стул у двери, молча слушая наш разговор, ни разу не вмешавшись.

— Как там Валера?

— Все нормально.

— Не тяжело ли ему было послать мне эти деньги?

— Вам тяжелее.

— А вы ему лишнего не наговорили обо мне?

...Мы пробыли у Клавдии Васильевны минут десять, первой встала я. Капитан не торопился. Я заметил: бравый и строгий, он плачет и поэтому не спешит туда, где нас ждут его товарищи по оружию.

Собственно, только эти слезы и не позволяют мне называть здесь его имени. Других причин не существует.

«Спасибо, — сказал капитан, когда мы вышли, — что взяли меня с собой. Мы же не видим всего этого. Мы же не знаем. Мы сюда не ходим. Мы сидим за колючей проволокой в несколько рядов. Мы...».

Очень скоро капитан заплатит службой за собственное добросердечие.

А я, не успев доехать до Москвы, получу «телегу» из Министерства обороны. Донос то бишь.

Оказывается, я имела злой, уголовно наказуемый умысел — «намеренно подвергала опасности жизни российских военнослужащих», действие, выразившееся в том, что «заставила остановиться колонну» и пошла куда-то «по своим личным делам»...

Вот так. В той колонне среди офицеров был контрразведчик, он-то и начирикал фальшивку, как привык...

Я дала все требуемые объяснения, и те, кому их дала, поняли — и про бабушку, и про деньги, и про ее сына. И отстали.

Меньше повезло капитану: его уволили. За Клавдию Васильевну. За ее жизнь — на привезенные нами деньги она довольно долго жила не впроголодь.

Но военным неимется. И поэтому дальше — цитата из опубликованных книгой мемуаров генерала Геннадия Трошева, получившего на второй чеченской войне Героя России, но так и не разучившегося лгать:

«В августе 2000 года Политковская сопровождала гуманитарный груз для дома престарелых в Грозном. Военные выделили

охрану, сформировали колонну, вынуждены были задействовать людей, оторвав солдат от выполнения прямых обязанностей в зоне боевых действий. Ведь любое продвижение колонны по городу далеко не безопасно. Но Анна Политковская, похоже, об этом даже не думала. По пути следования требовала **неоправданных остановок для решения своих личных проблем** (*выделено мной. — А.П.*), чем подвергала риску сопровождавших ее солдат и офицеров. Она остановила колонну и, приказав военным ждать, растворилась в городском квартале. Около часа солдаты и офицеры торчали на улице, как в тире, представляя собой отличную мишень для боевиков. Командир извелся. Всего одной гранаты какого-нибудь отморозка хватило бы для трагедии. Именно об этом он и сказал в конце концов вернувшейся Политковской. Журналистка закатила истерику и стала оскорблять военных, насколько злобы хватило. Вот бы послушали ее родители и близкие солдат и офицеров! Глаза бы заплевали Политковской».

И это — слова мужчины? Государственного мужа? Когда ложь смачно смешана с правдой? «Глаза бы заплевали»... Только вот кому?

И под всем — подпись Героя России.

Неистребимо стремление наговорить за спиной гадостей о том, кто просто по-иному думает. Обременил ли себя генерал Трошев проверкой фактов? Нет. Поговорил хотя бы с тем командиром — капитаном, который «извелся»? Нет. Подумал ли о Клавдии Васильевне Ануфриевой? Нет.

Потому что такова там война. И принцип ее один: лес рубят — щепки летят. Не человек живет — а «имеется человеческий материал». Не бабушка — а отходы войны. Рисковать жизнью ради судьбы 75-летней старухи нельзя, потому что бессмысленно, — за это не получишь ордена. Вот и читайте после этого генеральские мемуары.

Прошло время, и снова был Грозный, а в конверте — опять деньги от ее сына.

Клавдия Васильевна уже лежала на кровати, застеленной вонючим тряпьем, и постанывала: «Слабею я, Аня, вывези меня отсюда...» Ее муж, дядя Леша, дал бабушке снотворное, и она стала редко откликаться на зовы внешнего мира. Мы виделись

всего пятый или шестой раз в жизни, но пройти мимо было уже нельзя. Пройти — означало очень простые и ясные вещи: смерть.

Но как выполнить бабушкину просьбу? Ведь вывезти кого-то из Грозного — это настоящая операция. Почти военная. Ее надо разрабатывать, проводить разведку и подготовительные мероприятия и лишь тогда что-то предпринимать. Один тут в поле не воин — бабушку можно вывезти, лишь объединив усилия многих самоотверженных людей.

Возглавил операцию от начала до конца полковник Шарпуддин Шарипович Лорсанов — начальник отдела собственной безопасности УВД МВД РФ по Чеченской Республике. Он купил бабушке билет на самолет — между прочим, это очень дорого, и ни разу более чем за год, прошедший с нашего знакомства, родные бабушки в Москве не попытались сделать то же самое. Это он, Шарпуддин, нашел милиционеров в грозненских райотделах, чтобы день за днем они помогали то со «скорой», то с врачами, то с переговорами в Грозненском доме престарелых, куда бабушку забрали на несколько суток, чтобы помыть, подкормить, последить за состоянием перед долгой для нее поездкой...

И ни слова о деньгах и опасностях. Люди в Грозном научились жить, как в последний день, — это уже особая порода. Они знают, что такое смерть, и поэтому особенным образом ценят, когда в ком-то еще теплится жизнь.

Рустэм с Магомедом, милиционеры из Октябрьского районного отдела милиции, не были обязаны вечером после работы бегать со мной по городу, подставляя свою жизнь под пули, которых тем больше, чем гуще сумерки. Но бегали. Потому что видели: Клавдию Васильевну больше ни на одну ночь нельзя оставлять одну. И говорили: «Поможем, конечно», благородно не посмотрев на часы. Город пустел, все старались убраться из него подобра-поздорову, блокпосты начинали палить во все стороны, а милиционеры пошли домой, лишь когда Клавдию Васильевну уложили в чистую постель в доме престарелых, и было почти темно и, значит, совсем опасно.

Путь в Ингушетию, в аэропорт «Магас» у станции Орджоникидзевской, по 40-градусной жаре оказался не менее трудным, чем все предыдущие усилия. Клавдия Васильевна плохо переносила марш-бросок через десятки блокпостов в «таблетке», кото-

рая неслась по развороченной дороге с максимально дозволенной ей скоростью, и носилки мотало по полу в такт воронкам, влетающим под колеса. Бабушка то и дело впадала в беспамятство, и мы с милиционерами поочередно мочили тряпки и платки, оказавшиеся под рукой, чтобы обтереть ее лоб.

И вот долгожданный ингушский аэропорт — и тут же смена настроений: помогать никто не спешит, тут не война. Побежали за врачом — пришла дама с перекошенным от злости лицом по имени Лейла Мальсагова. Узнав, что мы из Чечни, разгневалась и сразу перешла на «ты». Потребовала расписку, что бабушка не умрет ни в аэропорту, ни в полете. И, даже не дотрагиваясь до Клавдии Васильевны, прошипела сквозь красивые ровные зубы: «Она вам что — родственница?»

— Нет, она — из Грозного. А там — плохо.

— Тогда зачем вам это? Оставляйте ее здесь. На борт не пушу.

Ужас. Вступаю в дискуссию. «Представьте, пожалуйста, сколько людей объединили свои усилия, чтобы бабушка доехала из Грозного к вам, в Ингушетию, и вот вы теперь...» Но ответ категоричен: «Нет». Позвала аэропортовское начальство, начался мерзкий торг прямо у носилок.

Спасли положение два человека: врач отряда Центроспаса МЧС России Алексей Скоробулатов и командир авиалайнера компании «Карат» Виктор Селезнев. Первый подтвердил гражданке Мальсаговой, что «не умрет». Второй, уже в воздухе, признался: «Я знаю, как со стариками трудно. Сам тещу парализованную пять лет носил на руках с пятого этажа вниз и обратно». Все хорошо, что хорошо кончается.

Все хорошо, только когда люди остаются людьми. Поздно вечером семья Ануфриевых наконец объединилась.

И еще: за сутки до операции по вывозу бабушки вдруг увидела того самого доносчика из колонны — бывает же?! В Грозном, при начальстве, естественно. Погоны подросли на «раз». Страшно стало: вдруг опять дознается про бабушку? И все испортит? Новый донос накропает, еще кому-нибудь выписывая приговор. Спасибо, пронесло.

Этнические чистки в Подмосковье

Спасались от Чечни, но здесь еще хуже

Что страшнее — грозненские бандиты или подмосковные начальники? Вопрос надуманный. Достаточно перебраться лишь парой фраз со Светланой Назаренко, и вы сразу поймете, что она, несмотря на свои 24 года, огромные доверчивые глаза и светлые кудряшки, успела пережить уже слишком много.

За плечами у Светы — Грозный.

Это значит все войны подряд, которые там случились в последнее десятилетие, гибель отца, многомесячное, по навету соседей, мечтавших заполучить ее с мамой квартиру, пребывание в плену у бандитов (со всеми вытекающими для женщины обстоятельствами).

Редкую фразу Света произносит без нервных содроганий и слез... Тем не менее пора бы уже чуть успокоиться от всего пережитого — полгода, как Света живет в подмосковном Красногорске, в общежитии местного жилтраста.

Однако и здесь жизни не выходит.

Красногорский этап Светинового существования сложился так. Когда она исчезла из дому (попала в заложники), Любовь Ивановна Кочешева, мама, схватила в охапку маленького Светинового сыночка Руслана и бежала куда глаза глядят. Главным было — подальше от Чечни, где со дня на день могли прийти и за ними...

Оказалась в Москве, жила по углам у добрых людей, скиталась с внуком по вокзалам. В конце концов пришла в комитет помощи беженцам «Гражданское содействие», там ее поняли и поддержали: депутат Госдумы Вячеслав Игрунов по комитетскому ходатайству сумел добиться, чтобы Любовь Ивановну, инженера-радиоэлектронщика с большим опытом работы и высокой квалификацией, взяли на место вахтера в общежитии Красногорского жилтраста (Московская область).

На большее беженцы из Чечни сегодня рассчитывать не могут. В стране действует негласная квота трудового сдерживания

граждан России с паспортами, в которых последним местом жительства была Чечня, и поэтому лично знакома с бывшими директорами чеченских школ, подрабатывающими теперь продажей газет, бывшими милиционерами — ныне дворниками, инженерами-нефтяниками в прошлом — ночными сторожами в настоящем.

...На крыльях превеликой благодарности в сердце Любовь Ивановна тогда полетела в вахтеры — к рабочему месту прилагалась служебная комнатка, а к ней — временная регистрация и значит, право посещать поликлинику, лечить ребенка, записать его в детский садик.

Так Любовь Ивановна обрела временное пристанище — вместе с Русланом. Летом 2000-го она даже оформила над ним опеку — оплавав Свету, будучи уверена, что дочь сгинула в войну. Любовь Ивановна обживалась, обрастала связями, нашла вторую работу — в местном техникуме. Да и вахтерствовала за всех и каждого, соглашалась на любую подмену, только бы к ней никто не цеплялся и, не дай бог, не лишил регистрации.

Ей было чего бояться — начальник красногорского жилтреста Николай Прокудин, хоть и подчинился давлению сверху — из Думы и райадминистрации, — но беженцев в душе своей не жаловал.

Начальник не скрывал: ему претит их стремление поселиться непременно в Москве или Подмосковье. Не единожды Прокудин высказывался в том духе, что раз уж стал беженцем (можно подумать, по собственной воле) — место тебе где угодно, например в брошенных домах Тульской или Тамбовской области, но никак не в «элитных регионах» вроде Красногорского...

Несчастье свалилось на Любовь Ивановну об руку с большим счастьем. В октябре 2000 года нашлась Света, выбравшаяся из плена. Точнее, сама Света наконец нашла маму и сына под Москвой. Руслан сначала совсем не узнавал ее, но потом все-таки вспомнил...

Хуже получилось с соседями по общежитию. С первых дней Светиноного пребывания, вдохновляемые Прокудиным, они занялись откровенной травлей и без того гонимого человека. В конце концов ситуация окончательно зашла в тупик — молодую женщину буквально загоняют в петлю и Света не видит выхода:

над ней ежедневно измываются, подкарауливают по коридорам, избивают, дерут за волосы, оскорбляют. Свете запрещено выходить из комнаты в туалет, на кухню, в душевую. Прокудин не стесняется приходить в общежитие и регулярно подливать масла в этот огонь. Общежитские подростки, подзуживаемые собственными родителями, прямо в лицо Свете кричат: «Тебя в Чечне не доби́ли — так мы здесь тебе жить не дадим». К 8 Марта Любовь Ивановне подбросили открытку:

"Поздравляем. Желаем счастья с трудным внуком и кривой дочурой. Любимый коллектив".

Мы — такие?

Волна ненависти докатилась, конечно, и до пятилетнего Руслана. Мальчик очень издерган. От постоянных нападков на маму, от ее слез стал крайне агрессивен ко всему миру, его окружающему. Он хочет защитить маму и бабушку, но слишком мал для этого, а простить обидчиков не в состоянии. И теперь Любовь Ивановна и Света сами перестали выпускать ребенка из комнаты. Вообще.

Чего же хотят эти неугомонные люди, ненавидящие всякого чужака и получающие удовольствие, издеваясь над слабым? Они хотят весьма простых вещей: настоять на своем превосходстве над тем по признаку места рождения. Формальный повод тоже имеется: обозлившиеся соседи уверены, что три беженца — слишком много для их общежития. Они требуют разлучения семьи. Пусть в общежитии останется лишь Любовь Ивановна, если сжались, то с внуком, но, во всяком случае, без дочери.

На этом же настаивает начальница общежития Людмила Беляева. «Цементирует» идею разлучения г-н Прокудин. По телефону Николай Сергеевич сказал примерно следующее: ОНА не должна там жить, буду ЕЕ выселять, и скоро. Вопрос решен.

Николай Сергеевич имел в виду Свету, не желая даже называть ее по имени.

— А маму?

— Маму оставлю.

— Не кажется ли вам, что разъединять семью, и без того недавно воссоединившуюся, настрадавшуюся, не по-людски?

— Не кажется.

И добавил вместо «до свидания»: «Если напишете, буду все отрицать».

Вот это дядечки-руководители у нас пошли. Буквально от всего у них трясунчик. Спокойны и уверены, только когда воюют со слабыми, больными, зависимыми от них женщинами, а попросишь отстоять свою точку зрения — юлят, вертятся, сучат ножонками от страха...

Быть может, кому-то трудно в подобное поверить: как прямо у нас под боком доводят людей до петли. Но деваться некуда — такова наша жизнь. Таково наше лицо — когда налицо. И нет на нем ни тени мысли: КАКОЙ РЕБЕНОК перед ними? Пятилетка, куда лучше отличающий звук глубинной бомбы от просто бомбы, чем грохот новогодней хлопушки от фейерверка... Ребенок, у которого второй раз отнимают мать... Только раньше это были грозненские бандиты-уголовники, теперь — подмосковные начальники... И ЧТО это за Света? Измордованная, с выхолощенной нервной системой, когда каждое обидное слово воспринимается как пуля, уничтожает, умерщвляет заживо. Потому что кажется: если уж ты смогла вырваться ОТТУДА, из АДА, здесь тебя обязательно примут с лаской и приглубят, поймут и простят, а раз не получается, то...

Что же дальше? Света говорит так:

— Я спасалась от Грозного. Но здесь хуже, чем в Грозном. Я не могу уже всего этого вытерпеть.

Р.С. Первой из властей на эту историю среагировала администрация президента Путина. В лице сотрудников аппарата помощника президента Сергея Ястржембского. Позвонил Александр Мачевский, помощник помощника президента, и сказал:

— Русским мы обязательно поможем, надавим на Прокудина.

— А не русским?

Вопрос остался без ответа, но Прокудин действительно успокоился, и Свете с мамой и сыном стало полегче.

Март 2001

Погром по национальному признаку

— Они заставляли нас раздетыми ползать по полу из комнаты в комнату...

— Они ходили по нашим кроватям прямо в ботинках...

— Они называли нас обезьянами, черными тварями...

— Они плевали нам в лицо...

— Они били нас по голове книгой «Судьба чечено-ингушского народа»...

— Они драли у нас волосы...

— А вы?..

— Лично я? Я — Труффальдино. Который из Бергамо. У меня сейчас эта роль. А вообще-то я — Бес. Беслан Гайтукаев, староста группы. Сам из Грозного.

— И вы тоже ползали по полу?

— Да. Они мне кричали: «Задний ход! Заползай в комнату!» И я полз... Потом: «Хватит! Двигай обратно в коридор». И я опять полз...

28 марта 2001 года студенты национальной чеченской театральной студии «Нахи», в октябре прошлого года созданной при Московском госуниверситете культуры и искусства для подготовки ядра будущей труппы грозненского театра, впервые не вышли на занятия. В полном составе. 6 девушек, 19 юношей. Художественный руководитель — профессор Мималт Солцаев, народный артист России. А также куратор — заслуженный артист и Кабардино-Балкарской, и Чечено-Ингушской АССР доцент Алихан Дидигов.

Однако это был не массовый прогул с целью протеста. В 5.30 утра на пятый этаж общежития, где все они живут на улице Библиотечной в подмосковных Химках, без стука и звонков, орудуя кувалдами для взламывания дверей и замков, ворвался отряд крепких вооруженных дядек в масках и с собаками. Ловко, как спецназ при штурме захваченного террористами самолета, братва рассредоточилась по комнатам, и уже через секунды у каждого «спящего» виска был автомат или пистолет.

Следующий акт последовал без антракта, тут же: полусонных студентов-актеров принялись стаскивать за волосы с кровати,

одновременно избивая, пиная и вопя всяческую непотребную нецензурщину.

Беслан-Труффальдино, староста, пришел в чувство первым — и зря. Он лишь еще больше разгневал захватчиков. Лежа в одном нижнем белье на полу, староста только и спросил: «А одеться можно?» За что получил, во-первых, добротную зуботычину, во-вторых, витиеватый, с отборным матом, отпор. В-третьих, фразу с издевкой: «А чайку не принести?..», за которой последовало вот что: дальше дюжий битюг в камуфляже и маске, но без имени, удостоверения или любого другого опознавательного для его личности знака распахнул балконную дверь, а другой аналогичного вида мужик протянул руку к входной...

С того самого момента и на ближайшие три с лишним часа студенты, разложенные в одних трусах по полу, «прохлаждались» на весеннем утреннем сквозняке. Пока длился этот погром по национальному признаку.

— Нас обзывали грязными чичами, обезьянами, черными тварями, быдлом, моджахедами, которых надо резать, чабанами... Говорили, что чеченцы всю жизнь пасли баранов, и они нам устроят возврат к пастушьей жизни. Вопили, что раз мы чеченцы — значит, во всем виноваты... — вспоминает Шудди Зайраев, элегантный юноша с манерами героя-любownika. Он — Сильвио из «Труффальдино».

Удивляет, до какой степени в его рассказе нет ни тени изумления. Только констатация.

Эмоции перегорели еще в Чечне. Студентов в студию «Нахи» набирали по беженским лагерям и в Грозном, а там ведь теперь живут особые люди — привыкшие к геноциду больше, чем к завтраку.

Самый младший в студии — Тимур Лалаев. Ему только что исполнилось 17. Худющий, улыбчивый, юркий и смешливый, как Купидон на модернистской картине. У Тимура — роль по характеру. Он готовит Хлестакова к переводному экзамену, и, видно, она ему идет, а он, заметно, ею очень гордится.

В то утро Тимура травили собаками: наверное, непоседливостью не приглянулся... О своих переживаниях, впрочем, в отличие от Хлестакова, рассказывает скупо. Предпочитает говорить о других:

— Шудди больше других досталось. Они спросили: «Есть тут кто из Старопромысловского района?» Шудди ответил: «Я». И

началось!.. «Мы туда, в Старопромысловский, в 95-м заходили... Сколько наших ребят там полегло...»

Шудди-Сильвио, у которого действительно в паспорте прописка на одной из улиц Старопромысловского района Грозного, исколошматили вдосталь. А потом сказали, что повезут в лес расстреливать и закопают там в яме.

— Вы о чем тогда подумали? Что пугают?

— Нет. Решил, конец мне... С другими ведь не шутили. Тимур Батаеву и Орце Зухайраеву вырвали клоच्या волос.

...Так кто же они, собственно, эти невменяемые хлопцы, что свалились к студентам «Нахи» на рассвете? И главное — зачем?

28 марта в Химках лютовал подмосковный РУБОП (региональное управление по борьбе с организованной преступностью), 9-й его отряд, неоднократно ранее замеченный в аналогичных «подвигах». На сей раз отряд объединился «по интересам» с областным СОБРОм. Смысл-прикрытие — якобы проверка анонимного звонка на «02» о возможном месте нахождения тротила. Настоящая цель — поразмять душу в жесткой «адресной зачистке». Истинный повод к мероприятию один — национальность студентов.

— Вам было понятно, что же конкретно они хотят?

— Нет. Абсолютно. Били, крушили. И все.

...По ходу погрома выяснилось: большинство «масок» только что вернулись из боевой командировки в Чечню. Естественно, никакой реабилитации после войны, перед вступлением в мирную жизнь, они не прошли. Чему итог налицо: постчеченский синдром обуревает, накал внутренних страстей как душевный вулкан, требующий выхода, руки чешутся, головы шалеют, души, как только наступает рассвет, горят и требуют похода на «зачистку», как наркоманские вены — иглу.

— Мы поняли — им просто надо было на ком-то оторваться, — говорит грозненец Анзор Хадашев из комнаты №34. Сейчас он репетирует мольеровского Сильвестра из «Плутней Скапена», и как полнейшие качели от виртуозно-утонченных сценических реалий, признается Анзор, — грубость окружающей действительности. По-актерски кокетливо встряхивая шикарную смоляной кудрявой шевелюрой, он продолжает:

— В Чечне они — хозяева. Вернулись и тут тоже хотят быть хозяевами. А мы — самый подходящий материал для этого. Если же серьезно, то у них — съехавшие «крыши». Зачем, спрашивается, у меня забрали семейные фотографии? Зачем они им?

Зачем у другого нашего студента украли даже телефонную карту? И сгребли все деньги, собранные на еду, — мы питаемся, как и большинство студентов, в складчину. Я заметил: они панически боялись всего. Когда нас подняли, чтобы везти в РУБОП на допрос, лишь слегка понимаешь глаза — тут же вопль: «Не смотреть в глаза! Хочешь запомнить?.. Отвернись!» Боятся, даже когда в масках. Разве это жизнь? У себя дома?..

На каждой адской сковородке, тем не менее, всегда есть место анекдоту. Даже если вперемешку с кровью.

Тамерлан Дидигов — сын куратора театральной студии доцента Алихана Дидигова — выпускник Московской государственной юридической академии. Он живет вместе с отцом — тут же, в общежитии, в комнате № 37. В утро погрома Дидиговым досталось больше всех. Быть может, потому, что Тамерлан не спал в тот момент, когда нагрянули камуфляжники, — он уже встал, чтобы не спеша собраться на госэкзамен. В то утро Тимур должен был сдавать гражданское право. И как только его попытались повалить на пол, он так и сказал: «Ну посмотрите мои бумаги! Какой я боевик? У меня в десять экзамен по гражданскому праву!»

Кто бы мог подумать, что бандитов это так разозлит: «Ах, ты еще и гражданское право изучаешь, обезьяна! Твое место — в горах. Отправляйся туда!» И дальше отца — 55-летнего доцента, стали зверски избивать прикладами, ногами. Плевали ему в лицо. Ходили по спине. Рвали одежду, выкручивали пальцы... Когда же сын попросил за отца, потерявшего сознание Тамерлану надели наручники, заведя руки назад, вставили между ними автомат — и стали крутить его...

Однако что тут может быть анекдотичного? Посреди расистского ада?

Вот рассказ Тамерлана:

— У нас в комнате лежали пачки номеров газеты «Державные ведомости». Отец дружит с депутатом Госдумы Асламбеком Ахмедовичем Аслахановым, который, например, подарил студии «Нахи» машину «Газель». «Державные ведомости» выходят с помощью Аслаханова, а также при содействии Совета Федерации, Госдумы и Центризбиркома. Кредо издания — пропаганда идеологии пропутинской партии «Единство». Аслаханов иногда дает нам номера «Державных ведомостей», и мы распространяем их среди знакомых... Так вот, когда «маски» увидели эти пачки газет, они как закричат: «Что?! Антироссийскую пропаганду тут

ведете!» Совершенно неграмотные люди — ничего не знают, не понимают, не читают. Порвали все плакаты с изображением депутата Аслаханова...

Анекдоты, конечно, были коротки. Когда доцент Дидигов от побоев потерял сознание, прямо на глазах у Тамерлана ему под подушку засунули пистолет и спросили: «Где пальто отца?» Сын показал, и тогда в карман опустили глушитель от пистолета... Обувь выбросили с балкона. Забрали документацию студии «Нахи». 900 рублей. А также духи жены доцента... Сгребли в карманы все, что под руки попадалось: носки, ручки, мелочь с холодильника, остатки растворимого кофе, боксерские перчатки...

Зачем? Ну носки, например?.. Ответ примитивен: потому, что так привыкли в Чечне. Зашел в дом — берешь, что захочешь. И никаких иных объяснений, кроме «я так хочу».

Погром продолжался до полудня. Потом бойцы стали собираться. Они выстроили всех чеченских студентов-актеров в затылок друг другу и покомнатно стали сводить вниз, к машинам... Там, конечно, места на всех не хватало. И потому опять их били и унижали, «складируя» один на другого. Допросы в РУБОПе длились до вечера, и занятия 28-го студия прогуляла...

Впрочем, у студентов осталось впечатление, что спрашивать их было не о чем. Вот примерный перечень вопросов: воюют ли родители? где гексоген? видел ли боевиков? как относишься к армии?..

Мы — за опасной чертой. Не маргиналы-баркашовцы-лимоновцы, а представители правоохранительных органов — госслужащие по своему статусу, действующие от имени закона и Конституции, — провели в Химках настоящий расистский погром, и никто их не остановил, никакие прокуроры не прибежали, чтобы восстановить попорченную законность.

Это значит: не Петька и Васька с соседней улицы, а люди в погонах, абсолютно безнаказанно и беспрепятственно, не просто заняты разжиганием межнациональной розни, что автоматически влечет за собой уголовную ответственность, — они иницируют моноэтничность в стране, а значит, дальнейший ее распад по национальным квартирам, что, в свою очередь, неминуемо ведет к сепаратизму. Тому самому сепаратизму, с которым якобы борется президент Путин на Северном Кавказе.

Напоследок — о нашей столичной творческой интеллигенции и творческой среде. Негромкая она у нас — в который уже раз. На химкинский погром театральная корпорация отреагиро-

вала настолько апатично, будто в Москве не проживает армия более чем влиятельных актеров и режиссеров, постоянно говорящих по телевизору о том, что исповедуют либеральные ценности. На помощь студентам пришли только их педагоги...

— Я работаю в Институте культуры 25 лет. Преподаю русский язык. Сейчас учу ребят из чеченской студии. Они очень трудолюбивые, стремление учиться — огромное... После всего случившегося с ними я просто заболела, — голос Светланы Николаевны Дымовой, педагога Московского госуниверситета культуры и искусства, дрожит. — Первое, что я сказала им тогда: «Знайте, это были бандиты, они могут прийти и к вам, и ко мне. Не отчаивайтесь! Мы, педагоги, очень хотим, чтобы вы у нас учились». Я понимаю, что бандитов не найдут, никого не привлекут к ответственности, и это очень плохо. Ведь самое страшное, что они кричали им тогда: «Мы вам не дадим учиться в России!» Отношение педагогов, которые работают с «Нахи», — прямо противоположное. Я хочу, чтобы об этом все знали.

...Финал погрома оказался полностью в его же стиле. Вечером весь мужской состав студии «Нахи» просто-напросто отпустили на все четыре стороны, не предъявив никакого обвинения. При этом некоторые рубоповцы, как рассказывают студенты, пытались даже извиняться, уверяя, что это собровцы «плохие» — «торпеды, сначала бьют, потом думают».

Но сейчас, согласитесь, это уже не важно — кто там из погромщиков был чуть «хуже»...

Главное в другом: кто ответит за уголовно наказуемые деяния силами представителей правоохранительных органов, имевшие место 28 марта в подмосковном городе Химки, на улице Библиотечной, 236? И в какой форме?

Как и положено, мы попытались выяснить точку зрения второй стороны — следователя Лысенко. Однако от комментариев он умело уклонился, сославшись на закон, который ему это позволяет.

Это значит слишком многое, принципиальное: из многих вариантов поведения господин Лысенко пока выбрал корпоративную немоту и курс на отмывание «своих» добела. Люди-то мы опытные и отлично знаем, когда следователи готовы обсуждать с журналистами очередное превышение служебных полномочий, совершенное коллегами, и когда — нет. Интуиция подсказывает, что в данном случае Лысенко вряд ли устоит на страже закона.

Апрель 2001

С кем вести переговоры?

«Западники» против «востоковедов»

Армия втягивается в уже третье военное межсезонье и готовится обняться с третьей окопной зимой. Почему так долго? Вот в чем вопрос. Кто ей противостоит, что ничего она поделать не может? Как чувствуют себя так называемые полевые командиры? И если большинство из них дали деру в сопредельные государства, «спасаясь бегством ради будущей борьбы», и тем самым цинично подставили под уничтожение ту часть своего народа, которая никакого бегства себе позволить не в состоянии, то кто все-таки воюет против? И потому ежедневно из Чечни продолжают уходить похоронки по городам и селам российским?

«Старички»

Среда, именуемая чеченскими полевыми командирами, сегодня лишь условно может считаться таковой.* Многие с громкими недавно фамилиями и званиями бригадных генералов превратились в имяреков, окруженных собственной охраной, дело которой — заслонить собой охраняемое лицо, но не воевать.

Отсюда первый вывод: «отряды» этих полевых командиров вряд ли способны к полноценным боевым действиям.

Впрочем, недооценивать происходящее тоже не стоит. Да, некоторые бывшие крупные формирования скукожились до минимума, но это вовсе не означает, что они неспособны разрастись, когда потребуется. «Бригадные генералы» только сейчас без войск. Завтра же они имеют все шансы превратиться в лейтенантов при собственных взводах.

О механизме такого разрастания — позже, а пока пройдемся по персоналиям — оставшимся в живых полевым командирам первого, дудаевского, призыва борьбы за независимую Ичкерия. Это прежде всего сам Масхадов, Гелаев, Арсанов, Басаев, а также примкнувший к ним Хаттаб.

Основная черта сегодняшнего характера Масхадова — молчанка. Именно не пауза, выдерживать которую бывает для политика и полезно, и мудро, а упорное молчание, выдаваемое за военную хитрость. Что, конечно, совсем не так. Два года назад, осенью 99-го, по чеченским дорогам из республики шли потоки беженцев, Грозный готовился к штурму, через села проходили отряды, именующие себя Сопротивлением, после чего на головы сельчан сыпались бомбы и ракеты, а Масхадов все равно хотя бы внятно излагал свои взгляды на происходящее. Теперь — иное. Война Масхадова стала немой, он предпочитает молчать всегда и по любому поводу — народ недоумевает...

В чем причина? Масхадов забыл свой страдающий народ? Предал его, даже не попросив прощения? Или Масхадову просто нечего сказать?..

У этого странного на первый взгляд поведения есть свои веские мотивы. И не потому, что они — оправдание, а просто их надо знать. На третьем году войны Масхадов уже никому не главнокомандующий, хотя и президент с подтвержденной легитимностью. И ему это отлично известно. Так о чем говорить?.. О том, что бывшие полевые командиры дышат в разные стороны, и их взгляды и мироощущения не просто неоднородны — они не совпадают.

Разногласия внутри среды были ощутимы и в начале войны — достаточно вспомнить хотя бы знаменитый отборный мат Масхадова, когда ему стало известно о походе Басаева на Дагестан, и ответную наплевательскую реакцию Басаева. Дальше все только усугублялось: пропасть, разделяющая большинство из выживших командиров, столь глубока, что многие из них даже неспособны сесть за один стол. И Масхадов с Басаевым, и Геллаев с Масхадовым, и Арсанов с Басаевым. Какую пару ни возьми — это лютая ненависть друг к другу, претензии и вечные подозрения в связях с ФСБ.

В «дружеской» связке по интересам находятся разве что Хаттаб и Басаев, но основа их сегодняшнего сердечного мезальянса тоже недолговечна — это деньги и «легитимность»: Басаеву требуются арабские деньги Хаттаба, Хаттабу. Потому что врожденность Басаева хоть в какую-то чеченскую реальность, поскольку иных возможностей у Хаттаба нет.

Так что, «по ту сторону» — полный раскол. «Утки» же, периодически вылетающие из некоторых СМИ о якобы имевших место кое-где у нас порой «слетах» полевых командиров с целью «выработки единой стратегии и тактики», — не более чем дезинформации. Во-первых, федеральных спецслужб, когда надо в очередной раз оправдать собственное существование. И во-вторых, полевых командиров, крайне заинтересованных в подъеме рейтинга и имиджа.

Впрочем, это побочная, хоть и любопытная тема — как интересы спецслужб затейливо сливаются с интересами противоположного «берега». Главное же в другом: по какой линии пролегает раскол и что это несет обществу и миру?

Басаев против Масхадова

Не стоит думать, что полевые командиры переругались между собой из-за дурного характера и трудных условий горного обитания.

Их раскол куда более серьезен, потому что принципиален. Он связан с представлениями о будущем Чечни. И конечно, о деньгах: откуда их брать на это будущее? •

Итак, часть полевых командиров сегодня может быть условно причислена к так называемым «западникам». Другая — к «востоковедам» или «арабам». «Западники» с надеждой смотрят прежде всего на Европу и весь иной западный мир. Они стремятся добиться применения к Чечне общеевропейских правил общежития, ориентированы на права человека в их традиционном западном понимании, апеллируют к Совету Европы и международным правозащитным организациям. Отсюда и стратегическая цель — Международный трибунал для тех, кто совершил в ходе войны воинские преступления, сбор материалов для будущих судебных разбирательств, аналогичных тем, под каток которых попал бывший югославский лидер Милошевич.

Первый человек на этой стороне пока Масхадов. По взглядам к нему отчасти примыкают Геллаев (что не мешает им продолжать испытывать ненависть друг к другу) и Арсанов. Последний, впрочем, «западник» «от противного» — не в связи с европейской ориентацией, а от неприятия ваххабизма и Хаттаба. Арсанов — сторонник дальнейшего развития именно чечен-

ских традиций жизни и, значит, пришлое исламские экстремисты, покусившиеся на них, ему близки быть не могут.

Другая сторона чеченской военно-политической верхушки, объявленной в федеральный розыск и так ему и не подвергнутая, — это условно «арабы». Те люди, которые связывают свои планы прежде всего с арабским Востоком. Они уверены, что дальнейшая исламизация Чечни по арабскому образцу с неизбежным отходом от старых чеченских обычаев — несомненное благо, которое заодно с воспитанием душ населения в определенном стиле принесет в разрушенную республику немалые ближневосточные и арабо-африканские деньги. И эти средства — что важно — первым делом потекут в карманы лидеров «восточного» альянса, а не Масхадова.

Самыми известными и рьяными представителями этого клана являются Басаев и Хаттаб. И если со вторым все предельно понятно — он просто «индеец», воюющий всегда и везде, то первый из той породы, кто сегодня за деньги сделает все, что принесет ему еще больше купюр, и эта черта басаевского нутра ни для кого давно не секрет и в ближайшем окружении, и за пределами его.

Довершает картину «арабского» крыла Мовлади Удугов — именно он обслуживает сегодня эту идеологию. Тот самый циничный Удугов, выигравший первую чеченскую информационную войну, но теперь давным-давно сбежавший из Чечни, получивший ПМЖ в Катаре и руководящий оттуда интернет-сайтом kavkaz.org. Kavkaz.org — ностальгическое местечко, сюда можно забредать разве лишь с целью посмеяться над подзабытым советским стилем пропаганды. Кстати, одна любопытная деталь из жизни удуговского сайта, позволяющая понять, насколько велики разногласия между «западниками» и «арабами». Недавно там появилась биография Басаева, из которой убраны все упоминания о роли Масхадова в чеченской истории последнего десятилетия, и в этой истории имеется только Басаев, предстающий в образе безусловного лидера чеченского народа.

Смешное, конечно, проявление борьбы за лидерство, однако это проявление чрезвычайно несмешных обстоятельств. Пока командирскую верхушку захлестывает конфронтация, боевую погоду на фоне общего неприятия «стариками» друг друга сегодня делает «серединая», «прослойка» — она реально воюет, минирует, взрывает и обеспечивает бесперебойный поток похоронок.

Кровники

«Середина», или «третья сила», нынешнего чеченского военно-политического пасьянса — это большое число небольших отрядов и мелких групп, вставших под знамена уже в ходе войны ради исполнения своего личного и, как правило, конкретного плана мщения за убитых и исчезнувших родственников. Принцип рождения таких формирований один: их тем больше, чем больше обиженных и униженных.

Суть их действий лучше всего характеризуется современными ханкалинскими терминами: «точечные удары» либо «адресные зачистки». Они созданы ради уничтожения тех, кто уничтожил их родных. Члены мелких отрядов не хотят ни серьезной координации между собой, никакого высшего руководства над собой им не требуется. Поэтому они не басаевцы, не масхадовцы, не гелаевцы. Они сами по себе. И это принципиально: у них собственная война против собственных обидчиков по собственным правилам, которые плохо поддаются учету и контролю в противовес, например, относительной предсказуемости Басаева, Хаттаба и даже Масхадова, Арсанова и Гелаева.

У «третьей силы», конечно же, есть свои командиры. Но, во-первых, их имена никому ничего не скажут, поскольку отряды — «дети войны», они родились из числа тех, кто ранее не собирался воевать и даже ждал прихода армии в качестве освободительницы от ваххабитского плена, и лишь методы, выбранные федералами для ведения так называемой «контртеррористической операции», заставили их идти другим путем. Ну и во-вторых, большинство отрядов перестанет существовать в тот момент, когда их личный план мщения будет исчерпан. И уже, собственно, перестали существовать. Другое дело, что их место под боевым солнцем занял кто-то другой, выяснивший, от чьих рук погибли их сын, брат, отец...

Важная деталь: как вооружается «третья сила»? Откуда деньги? Очевидно, что не из-за рубежа, как у хаттабовских или басаевских формирований.

Мелкие отряды кормятся от военнослужащих внутри самой Чечни, оказывая им различные услуги и зарабатывая деньги, участвуя в их коммерческих проектах. Например, помогают фе-

дералам в ночных проводках нефтеналивников и грузовиков с цветными металлами. Подчас выполняют и сугубо конфиденциальные поручения — это когда интересы совпадают.

Самый известный такой случай следующий: один из отрядов был создан членами одной из самых влиятельных в Чечне семей для ответного удара по Гелаеву и его людям за их коварный обман и последующий расстрел нескольких членов этой семьи в Курчалое в 1999 году. Так вот, этот отряд долгое время находился под крылом подразделения ГРУ, дислоцированного в Старо-промысловском районе Грозного. Бойцы жили в его казармах, стояли на довольствии, имели оружие — все, как положено. Причиной слияния стала одна из задач данного подразделения ГРУ — ликвидация Гелаева и его сподвижников. Лучших помощников, чем кровники, тут не найти.

Впрочем, нельзя утверждать, что отряд состоял на службе у ГРУ, это будет неправдой. Зато вполне можно говорить, что это был «клуб по интересам» (аналогичный нынешнему афганскому). В Чечне образовался этот крепкий конгломерат вооруженных людей, состоящий и из боевиков (разряда «народных мстителей»), и из федералов, заинтересованных друг в друге и поддерживающих друг друга материально, несмотря на то, что вроде бы числятся они по разные стороны невидимой линии фронта.

Ситуация многолика, и вполне можно все это назвать и по-другому: тайным спонсированием внутричеченской гражданской войны в связи с антитеррористической необходимостью. Хотя так бы хотелось прямо противоположного, чтобы имела место поддержка внутричеченского мирного диалога... Но! Мы не на облаке сидим, и в любой спецслужбе мира вам выдадут как аксиому, что куда лучше уничтожить врага чужими руками, чем своими... Вышеописанная «идиллия» (гэрэушники + кровники Гелаева) для Чечни, конечно, не рядовое событие. Так бывает редко. Большинство отрядов «третьей силы» ищет своих личных врагов среди федералов. Ищут — и находят. И тогда случаются покушения на вечерней дороге, фугасы, подрывы, камикадзе. Официально их приписывают басаевцам, гелаевцам и т.д... А на самом деле это демонстрирует свою мощь и серьезность «третья сила».

Отсюда вывод второй: с «серединой» уже нельзя не считаться. Ее много, и она тоже смотрит в какую-либо из сторон. И стоит думать: к кому же она примкнет?..

Исходя из опыта личных встреч, представляется, что большинство мелких отрядов и групп сегодня скорее «западнического» толка, чем «арабского». Басаева, а тем паче Хаттаба, они не приемлют, живя, что называется, «по-чеченски». Это означает вполне простые вещи: если Масхадов, наконец, проснется и продемонстрирует свою решимость, то поддержка многих из «середины» ему будет обеспечена, и это закончится уже не вылазкой в Гудермес, а куда более серьезными боевыми действиями.

Отсюда и третий вывод: чеченское «западничество» — доминирующая и саморазвивающаяся линия будущего республики. Данность, рожденная войной, точнее, теми методами, которыми она ведется, и поэтому с этим уже мало что поделаешь.

Игры в русскую рулетку: опять против ветра

Чем же отвечают на весь этот раскол и расклад наши спецслужбы, работающие в Чечне? Эти многочисленные секретные подразделения, высокообразованные офицеры, ФСБ, ГРУ и т.д. и т.п.

Естественно было бы предположить следующее: во-первых, если мы действительно хотим расправиться с Басаевым и Хаттабом как с международными террористами, то внутречеченский раскол должен быть использован для этого на полную катушку. Тем более что есть все необходимые естественные условия. И во-вторых, сыграть на стороне «западников». Наверное, так бы действовали все спецслужбы мира для достижения безопасности своего народа.

Все, да не все... Наши спецслужбы в Чечне сегодня демонстрируют «любовь» с «арабами». Категорически отвергая возможность переговоров с Масхадовым, оказывают поддержку тандему Басаев—Хаттаб и их братве, зная, что этой парочке такая помощь крайне необходима. Дело в том, что внутречеченские позиции Басаева — хуже не бывает. Чеченцы-«западники», придя к пониманию необходимости хоть какой-то консолидации против «арабов» ради сохранения нации, время от времени

пытаются образовать некую пусть эфемерную, но все же коалицию типа «дружба против». Они даже сумели выставить перед Басаевым несколько категорических требований.

Главное из которых — Басаев должен собственноручно покончить с Хаттабом, это перережет финансовую пуповину с арабским миром, а смерть Хаттаба станет единственно возможным «коридором» для возврата самого Басаева в лоно и чеченской традиции, и военно-политической жизни на относительно равных с другими условиями. Альтернатива в случае отказа «западникам» — смерть. Естественно, вместе с Хаттабом.

Когда ультиматум Басаеву стал очевиден, спецслужбы ринулись не на помощь Масхадову, имея целью помочь ему в уничтожении Басаева! А самому Басаеву — дабы он не рухнул. Например, Басаев «случайно» получил информацию о дате доставки больших «федеральных» денег в Гудермес (с чего и начались события 16 сентября). Его люди получили соответствующие коридоры для «путешествия» в Гудермес и обратно. По некоторым сведениям, не обошлось и без помощи оружием. Разве это не предательство? Доказывающее, что мир в Чечне пока не нужен тем, кто дергает за ниточки этой войны. В Кремле продолжает доминировать ориентация на управляемо тлеющий конфликт на Северном Кавказе как главный политический резерв верховной власти. А уж лучшего соратника в этом деле, чем Басаев, право, не найти. И он, и Хаттаб уже два года никому не отдают званий главных гарантов возникновения боевых очагов в Чечне. Нужно подкрепить американскую трагедию гудермесскими событиями? Пожалуйста... Десятки погибли? Ну и что... Рулетка!

И еще об одном: после 11 сентября мир сегодня в ужасе отшатнулся от того, что называется исламской его частью, не желая вникать, что мусульманство так же неоднородно, как и христианство, и что недопустимо мазать одной краской Ирландскую освободительную армию и орден Матери Терезы на том лишь основании, что они христиане... Вслед мировой тенденции и наш телеящик заполнили круглосуточные разговоры о том, кого и как выбирает Америка, и даже советы, как ей быть в Афганистане. А у себя дома? Мы-то что творим? В какие безумные городки заигрались?

Октябрь 2001

Кому служил ликвидированный Бараев?

В Чечне уничтожают агентурную сеть, которая обеспечивала непрерывающуюся войну и беспредел. Например, Бараева — одну из самых омерзительных личностей как обеих чеченских войн, так и масхадовского межвоенного периода. Сделав убийство своей единственной профессией, он мало кого щадил, наслаждаясь кровавой мистерией вокруг. Нагло воровал людей и торговал ими, невзирая на национальную принадлежность жертв. Совершал подлости, вызывая стойкое к себе отвращение, в том числе и у большинства чеченцев. От многих из них приходилось слышать: «Если федералы позволяют спокойно жить такому человеку, как Бараев, в Ермоловке, значит, мы не верим Москве...»

И Москву очень долго такая позиция чеченцев ничуть не волновала. Больше года продолжалось невероятное: Бараев жил себе недотрогой при зачистках и окруженный блокпостами. Его дом обходили стороной те, кто нагло врывался в соседские, помародерничать. Его автомобиль, в каком угодно виде — например, без номеров, — военные тоже не трогали.

А как тут тронешь? На лобовом стекле бараевской машины регулярно обновлялись пропуска-«вездеходы» — самые заветные и уважаемые, какие только есть в объединенной группировке войск. Бандит свободно гонял по Урус-Мартану, когда вздумается и сколько захочется, в то время как люди, спасая детей и стариков, вынуждены были покидать родные дома из-за репрессий со стороны федералов.

А чего только стоит последняя бараевская свадьба? Он ее сыграл прямо под боком у подразделений, только что завершивших штурм Грозного... «Есть вещи и хуже войны, — писал Хемингуэй, знавший толк и в войне, и в мире, и вообще во всем на свете. — ...Предательство хуже...»

Спрашиваешь, бывало, военных: «А что же вы Бараева-то не арестуете? Вот он...»

И они отвечают: «Приказа нет».

Надо сказать, мало кто в Чечне сомневался, что именно Бараев выполняет федеральный «гособоронспецзаказ» по провока-

циям, в пользу дела продолжения войны. Именно его боевики регулярно объявлялись ответственными за взрывы, убийства, расстрелы, по причине которых ни в коем случае нельзя вывести войска, сокращать контингент, останавливать зачистки...

Итак, теперь **приказ есть**. Значит, самое время подумать: почему пришла такая пора? По какой причине именно сейчас состоялась «специоперация ФСБ»? А чего стоят кадры, показанные телевидением!

Якобы идут бои, дом Бараева берут чуть ли не штурмом, а тело его замуровывают сподвижники — так показали по всем телеканалам.

Прежде чем ответить на неизбежно возникающие вопросы, еще несколько событий из жизни Чечни. Они рангом ниже бараевской биографии, но из той же оперы.

11 июня на дороге, ведущей из райцентра Шали, на окраине селения Агишты был расстрелян из засады Танкиев Албек, весьма известная личность в рамках своего Веденского района. Танкиев был так называемым «посредником» — агентом, стукачом или доносчиком, называйте, как вам нравится. Его деятельность состояла в том, что он приносил сотрудникам ФСБ, отвечающим за работу в Веденском районе, интересующую их информацию: кто есть кто по селам; кто к кому пришел; кто кем был раньше... А одновременно — так обычно и происходит в Чечне — информаторы участвуют в выкупной коммерции. Она сводится к следующему: именно «своим» людям (в данном случае — Танкиеву) федералы (в данном случае — из сводного мобильного отряда, расположенного на окраине селения Хоттунни) доверили работу по оглашению родственникам суммы выкупа за задержанных при зачистках людей, а также за трупы замученных и уничтоженных при фильтрации. Надо сказать, что расстрел Танкиева силами боевиков по многим характерным деталям исключается. Значит, свои?

14 июня — новое происшествие того же ряда. В районе блокпоста на горе Керкан-Дук из засады расстреляны еще два «посредника»: Орцуев Шамиль и Мухмадов Шавади, с момента дислокации федеральных войск в Веденском районе сотрудничавшие со спецслужбами. Обоих на Керкан-Дуке явно поджидали — блокпост сделал вид, что не заметил огня.

Действия боевиков тут тоже исключены по ряду сопутствующих причин...

Подобные примеры из июньской жизни Чечни можно продолжать — в большинстве районов спецслужбы приступили к уничтожению своей агентурной сети. Тех людей, при посредничестве которых на протяжении более года они поддерживали войну в перманентно тлеющем состоянии и которые являются свидетелями многих воинских преступлений.

Как известно, войны не просто когда-нибудь кончаются, потом люди переписывают их истории — и тогда «героев» ищут по всему свету и сажают за решетку. Не будет исключением и вторая чеченская война. Уничтоженные в июне агенты — это прежде всего свидетели.

Вот их и убирают.

Будем надеяться, что дело к концу войны. В недалеком будущем нас, похоже, может ожидать сообщение о гибели — конечно же, при оказании сопротивления — другого известного активиста-исполнителя «гособоронзаказа» и полевого командира по совместительству. Басаева то бишь. Надо думать, и тут свидетеля не оставят в живых для грядущего суда.

Июнь 2001

Станислав Ильясов:

«Я понимал: да, Грозный разрушен...»

Интервью председателя правительства Чечни — первого на фоне войны.

Досье:

Ильясов Станислав Валентинович. 47 лет, женат, имеет четверых детей (двух сыновей и двух дочерей). Родился в г. Кизляре (Дагестан). Окончил Ленинградский электротехнический институт. Прошел все ступени в энергетическом производстве — от мастера электросетей до начальника «Южэнерго» (120 тыс. работников) и вице-президента РАО «ЕЭС России». Работал главой правительства Ставропольского края. Доктор технических наук. Член-корреспондент Академии наук. Мастер спорта по вольной борьбе.

— Вы — новый человек в Чечне. Ваше главное впечатление от того, что увидели? Что вас потрясло?

— Нищета. Я понимал: да, Грозный разрушен... Но то, что сам увидел... Жалко народ. Я родился в Дагестане, в Кизляре, — это 120 километров от Грозного. И мы всегда пользовались его аэропортом, потому что до Махачкалы — 200 километров. Мы постоянно ездили на рынок в Грозный, и он был самым богатым не только на Кавказе, но и в Союзе. Я — бывший спортсмен, и мы часто приезжали на грозненский стадион, прекрасный, ухоженный... Раньше, когда бывал в Чечне, видел очень богатый народ. Чеченцы — работящие, умели крутиться, у них все было. Считаю, правительству надо срочно создавать рабочие места. В сельском хозяйстве, строительстве. Народ очень хочет работать, томится без дела. С военными мы уже оговорили такую форму занятости — формирование рабочих стройбатов из местной молодежи призывного возраста. Принцип прост: оставлять в республике парней, которым пришло время служить в армии, чтобы они занялись восстановлением разрушенного. Будем открывать этим стройбатовцам личные счета, и через два года у тех, кто заканчивает службу, набегут в банке деньги. По той же схеме надо создавать железнодорожные войска — и специалистов подготовим, и полотно будем охранять силами республики.

И еще, главное: если мы говорим, что пора переходить от военной жизни к гражданской, республику надо открыть. Сегодня она закрыта. Чеченцы сидят, как в камере, а мы в волчок на них смотрим: пресса и вся страна — на муки народа, запертого в клетку... Вот почему, кроме сострадания, я ничего не испытываю к чеченцам. Поезда не ходят, самолеты не летают, блокпосты везде и по периметру границы. В первую очередь надо пересмотреть схему охраны дорог и коммуникаций. Что касается коммуникаций, то охрану усилить, а многие блокпосты убрать. И надо, наконец, запускать и самолет, и поезд Москва — Грозный. Народ должен двигаться! Будет движение — заработает малый бизнес, активизируется торговля. И это тоже — рабочие места.

Уверен, нужно отменять комендантский час. Работать ведь невозможно! Люди вечером не могут никуда двинуться. Если не ушел с работы до пяти, ночуй, где сидишь. Мы в Чечне должны приводить жизнь к привычному для всей страны ритму. Думаю, сможем договориться с военными и снять ограничения. Начальник Генштаба Анатолий Квашнин — не против, я с ним встречался.

— Вы говорите о малом бизнесе как спасении от безработицы. Но ведь в Чечне так и нет банков?

— До 1 марта в каждом районе будут открыты полевые банки. Мы получили разрешение открывать в них расчетные счета и физическим, и юридическим лицам. Естественно, гражданским. Каждый может прийти и это сделать.

— Но там будут работать военные?

— Да, пока так — полевые банки во главе с офицерами. Именно на их базе начнется постепенное создание филиалов, которые войдут в Национальный банк Чечни. Планирую, чтобы гражданские банки реально заработали во втором полугодии. А следующий шаг после организации Нацбанка — создание Сбербанка. Готовлюсь к тому, что в Чечне не удастся все сделать сразу, — только поэтапно. Я сам, например, приехал в Гудермес, и в одном кабинете правительства работали по двадцать человек. Один туалет на сорок душ. Теперь один туалет на десять человек. Одно название, что правительство, — условия работы трудные...

— И поэтому ваша опора в Чечне все-таки на военных?

— Нет. Я считаю, надо, конечно, сотрудничать с комендатурами, которые постепенно превратятся в обычные военкоматы. Но как можно быстрее уходить от полевой жизни.

— Представьте, пожалуйста, уже назначенных членов вашего правительства.

— Заместители — Юрий Эм и Виктор Алексинцев. Эм — полковник, знаменитый Герой России, командовал полком в войну, прошел большую школу, знает Чечню досконально.

— Он — член правительства в погонах?

— Эм будет увольняться из армии и отвечать в правительстве за силовые структуры. Между прочим, самая большая проблема сейчас — увязать гражданскую жизнь с военными. Шаг за шагом мы должны их отодвигать. Для этого — Эм. Другой зам-пред, Алексинцев, работал моим заместителем в Ставропольском крае. И я его позвал к себе сейчас, я ему доверяю*.

— Пока вы говорите о членах правительства — нечеченцах. Таков ваш принцип?

— Нет. Принцип: профессионал ты или нет. Министр жилищно-коммунального хозяйства прежний, потому что он очень хороший специалист. Если чеченец грамотный, оставляем. Если нет специалиста нужной квалификации, решили приглашать из других регионов, а местных работников будем ставить у них замами, чтобы учились. Это правильная схема — она успешно работала еще в советские времена. Однако не все специалисты, которых я приглашаю, соглашаются работать в Чечне... Люди боятся. Все министры будут назначаться на три месяца — на испытательный срок. Если не окажется результатов — до свидания.

— Назначен ли уже министр по управлению нефтекомплексом? Ведь это ключевая фигура для Чечни?

— Пока нет. Но я не считаю этот пост принципиальным. Сегодня добыча нефти в республике мизерная, до 20 тысяч тонн в месяц. Горят скважины... Есть такая поговорка: если стричь свинью, то шерсти мало, а визгу много. Так и здесь. Больше разговоров о чеченской нефти, чем ее самой. Нет тех объемов, которые можно брать в расчет. Даже воруют нефть, по прикидкам, лишь на покрытие нужд двух-трех процентов населения. Однако, согласен, порядок тут должен быть наведен. «Роснефть», которой принадлежит нефтекомплекс, обязана, наконец, начать работать. Мы поставили жесткую установку: чтобы в течение

* И Эм, и Алексинцев уволены. Эм не справился с гражданской работой, Алексинцев назначен председателем правительства Ингушетии (Сноска из 2002 года).

трех месяцев все скважины были потушены силами «Роснефти», военных и пожарных.

— Каково, на ваш взгляд, будущее разрушенных нефтехим-заводов?

— Мы начинаем их инвентаризацию. Цель — решить, что можно законсервировать, что готовить к восстановлению, что списать.

— Вы не боитесь, что весь металлолом оттуда как раз и расташат?

— Нет. Когда в республике у людей нет никаких средств к существованию, конечно, продадут все, чтобы выжить... Однако предстоит входить в рамки. Вывоз цветного и черного металла за пределы Чечни будет запрещен, а также его прием — на территории. Следующим шагом станет создание республиканского госпредприятия — ему будут принадлежать приемные пункты вторсырья во всех районах. Станет возможным сдавать металл только по накладным, с участием оценочной комиссии — откуда привезли, что за лом...*

Кстати, помимо инвентаризации, мы готовим полную перепись населения республики. Это очень важно. Погрешности в цифрах огромные. Мы точно не знаем, а какое же тут население... И как в таких условиях планировать? Как определить Пенсионный фонд? Сколько надо детских пособий? Компенсаций?

— Какими деньгами располагает правительство?

— Чечне выделено 14,4 млрд руб. Но сюда входит все: и детские пособия, и пенсии, и связь, и энергетика, и инвестиции на восстановление. Инвестиционные деньги — это более 4 млрд. 1 млрд 80 млн — на восстановление жилья. На сельское хозяйство — 750 млн. На реанимацию промышленности — 100 млн руб. Системе образования — 623 млн. Здравоохранению — 780 млн. Культуре — 125 млн руб.

На восстановление системы информации — 125 млн. Финансирование откроют через неделю. Первые деньги придут через Моздок, но с марта будут поступать в полевые банки. Я поставил такое условие: и банки, и казначейство — только в республике. Денежные потоки должны быть понятны.

— Однако Чечня — большая черная дыра. Деньги сюда и раньше приходили, но потом их народ не видел...

* Эти планы так и остались на бумаге (Сноска из 2002 года).

— Нельзя так говорить. Больше никаких черных дыр. Все строительные организации, занятые на восстановлении, будут работать, только пройдя регистрацию в налоговой инспекции и открыв расчетные счета. Чтобы не бегать потом по всей России и искать их. Все должно быть здесь, на месте. Такая задача поставлена.

— Хорошие задачи ставились неоднократно, да толку чуть...

— А теперь я их выполню. Мой оптимизм основан на том, что я умею жестко требовать.

— Ваше правительство, как и Ахмат-Хаджи Кадыров, будет отсиживаться в Гудермесе?

— Нет. В конце марта — начале апреля мы переедем в Грозный.

— Вас устраивает Бислан Гантамиров в качестве мэра Грозного?

— Пока он выполняет все то, что я прошу. А «устраивает, не устраивает» — с этой позиции я людей не рассматриваю. Я требую: «Все амбиции убрать. И работать». Кадырову тоже хотелось иметь председателя правительства своего, чеченца. Но президент выбрал меня. И теперь наша общая с Кадыровым задача — без всяких амбиций, как можно скорее облегчить жизнь населения. Кто к этому способен, будет в нашей команде. Кто не способен, уйдет.

— Вы спокойно относитесь к тому, когда при вас сотрудники аппарата правительства и администрации говорят по-чеченски?

— Ничего страшного. Меня это не смущает. Я вырос в Дагестане, там все говорят на разных языках. Поговорят-поговорят на чеченском, а потом переходят на русский...

— На ваш взгляд, какова сегодня самая большая проблема Чечни?

— Надо вернуть народу надежду и веру в то, что власть хочет стабилизировать ситуацию.

— Сколько потребуется времени, чтобы под вашим руководством в Чечне наступила жизнь, похожая на нормальную?

— Я реально смотрю на вещи: еще не менее четырех лет, если без лукавства. При этом только если пахать день и ночь.

— Долго ли вы колебались, чтобы принять предложение стать председателем правительства Чечни?

— Мне предлагали давно, еще до Николая Кошмана. Я не хотел: понимал, каков объем работы, и если будешь себя жалеть, ничего не сделаешь. Тут работа такая: надо и себя не жалеть, и тех, кто рядом с тобою.

— Фронт?

— Да.

— Значит, настроение все же военное?

— Так точно. Единственное, что я пока разрешаю членам правительства, это поспать в воскресенье до 10—11. Остальное — работа, без выходных и праздников. Только с таким графиком мы сможем вернуть Чечню к мирной жизни.

— Так зачем вам это нужно? Вам 47 лет, и можно найти место и поспокойнее?

— Меня попросили. Если бы мне сказали: «Иди», я бы не пошел. А мне сказали: «Станислав, помоги, ты нужен» — и я согласился. Но сейчас уже понимаю, насколько эта работа интересная и уникальная, — сегодня это самый сложный участок в России. Когда председателю правительства спать негде... Поймите, как живут все остальные! И если потянуть, отдача будет огромная. Думаю, Всевышний меня отблагодарит, если сумею сделать людям доброе.

— А кто ваш Всевышний?

— Я христианин.

P.S. Из 2002 года. В Чечне немного изменилось. Веры народа в Россию все меньше. Заводы разворовали дотла. Банки так и не заработали. Правительство давно переехало в Грозный, но на большей части территории чеченской столицы света с водой так и нет. Перепись не проведена. Нефть воруют... Комендантский час действует. Рабочих мест очень мало. Молодежь слоняется без дела. Эм и Алексинцев завалили то, что им было поручено. «Восстановление Чечни» вылилось в бесконечное воровство.

Февраль 2001

Кто похитил Кеннета Глака — неизвестно

Но ясно, кто от этого пострадает

Похищение Кеннета Глака, координатора международной программы «Врачи без границ», одного из самых активных иностранцев в Чечне, будет иметь самые печальные последствия. Одна за другой (а их и так немного), вслед за похищением, международные гуманитарные организации объявили о своем отказе возить в Чечню благотворительные конвои.

Без всякого преувеличения — это смерть для части населения республики.

Типичная современная чеченская картинка. Из жизни, например, тех же Старых Атагов, селения, где произошло похищение, либо близлежащих к ним Новых Атагов, а также селений Шали и Чири-Юрт, расположенных в нескольких километрах. Все они — по сути огромные беженские анклав в предгорьях. Здесь, на выходе из Аргунского ущелья, находятся тысячи людей, чьи жилища либо разрушены в горных селениях, либо они боятся возвращаться домой из-за постоянных обстрелов, время от времени переходящих в боевые операции. В анклавах нет ни работы, ни продуктов, ни лекарств. Свиристствует туберкулез, царствуют голод и антисанитария. Люди выживают **исключительно** за счет привезенных со стороны продуктов и лекарств.

Кто же привозит? В последние полгода тут нет никакой гуманитарной помощи ни от государства, частью которого является Чечня, ни от чеченских бизнесменов, работающих в России и за границей. Кормят и лечат беженцев, заложников продолжающейся войны, **только** представители международных миссий, базирующихся в соседней Ингушетии.

Сколько раз приходилось попадать в тот же Чири-Юрт между вояжами туда представителей Датского совета или тех же «Врачей без границ», когда почти все привезенное уже съедено, а до следующего приезда еще долго. Бродят голодные дети... Отовсюду — надсадный кашель... Анемичные женщины. Апатичные мужчины. Мальчики зимой в летней одежде и обуви.

И обязательный первый вопрос к тебе, новому лицу: «Вы американка? Или из Дании?» Лишь только говоришь, что из Москвы, интерес потерян. Так там приучены люди: помогают только иностранцы. Если ты из Москвы — значит, это не помощь.

Заметьте главное: от «родных» начальников, от главы республики Кадыров и его министров-капиталистов, вообще никто ничего не ждет, не спрашивает, не интересуется... Их тут никогда не бывает.

Следующий пример — Грозный, 9-я горбольница, единственная скорпомощная, где в постоянно подрываемом на минах городе работают оперирующие хирурги.

«Врачи без границ» — ее **единственные** доноры и спонсоры. Именно они обустроили осенью травматологическое отделение. Именно они снабжают, когда могут, препаратами, перевязочным материалом, инструментами.

Больше никто. Будто 9-я больница — американская больница, частная клиника Кеннета Глака...

Если быть резкими и честными, то все спасенные в 9-й раненые — «дети» «Врачей без границ»...*

В том же положении и единственный работающий в Грозном 1-й городской роддом. Положение таково: все младенцы, рожденные на протяжении последнего полугодия в Грозном, живы только благодаря поддержке от «Врачей», мужеству Глака и остальных миссионеров.

Что будет делать Чечня без Глака? Без гуманитарной помощи? Умирать. И это не преувеличение. Ахмат-Хаджи Кадыров хорош только в Москве, когда делает какие-нибудь заявления. В Чечне его не видать и не слышать — ниже воды. Режим под его формальным управлением держался только за счет того, что кто-то кому-то в Чечне привозил крупу, лекарства, одежду. И в первую очередь это были «Врачи без границ».

Закономерный вопрос: кто же своровал Глака? Ответ напрашивается: те, кто желает продолжения военных действий. Кому мир — поперек кармана. Сейчас в Чечне таких силы две.

Первая — бандиты-воры, захватившие контроль над нефтевышками и продолжающие вывозить металл разрушенных нефтехимзаводов. В эту группу входят как военные, так и боевики — их интересы сомкнулись.

Вторая — кадыровское чиновничество, которое может безнаказанно воровать то, что приходит в Чечню из Москвы, только при сохраняющемся беспределе.

И еще об одном: похищение произошло на той территории, о военном контроле над которой объявлено уже минимум полгода назад, где действуют не только принятые в России органы власти, но есть и военная комендатура, и регулярные боевые подразделения. Все есть.

Однако на деле оказалось, опять нет ничего. Никого не нашли. Похитители вместе с похищенным скрылись — как всегда, в неизвестном направлении.

Январь 2001

Вода как стиль жизни

Быть может, кому-то покажутся интересными несколько грустно-забавных деталей о том, как пишутся такие книжки. Что, собственно, делает человек, работающий журналистом на войне — в свободное от сбора материалов время? По утрам и вечерам? Когда, как и всем, ему полагается чистить зубы, мыться, есть? Ну, хотя бы иногда?..

Как помыться на войне?

Вода в Чечне очень дорогая. Даже не в смысле денег. Вода тут бесценна: потому что ее нет. Чаще — вообще нет. Или она такого качества, что, понюхав и приглядевшись, ты понимаешь: экспериментировать не стоит, твоя кожа тебе дороже сиюминутного чувства свежести этой кожи.

Вот и думайте: как поступить, если нет воды и нет крана, из которого она течет? А жить, как привыкла, очень хочется.

Ответ вроде бы понятен: человек должен искать естественный водоем — речку, пруд, озеро.

Однако и это в Чечне не всегда возможно. Когда работаешь тут не первый день, знаешь «военную» историю каждой такой «воды» — например, сколько трупов туда скидывали.

Значит?.. Значит, нельзя. Даже если очень хочется. И желание быть чистым вроде бы подавляет все остальные эмоции. Но...

Как-то летом я была невыносимо грязная и решительно двинулась к речке Сунже в черте Грозного: ранним утром все кажется свежим, даже могильная вода. Наклонилась, зачерпнула... И руки остановились по дороге к лицу, спасая меня от цинизма. Ежечасно, ежеминутно, ежесекундно — Сунжа продолжает омывать чьи-то тела, лежащие на дне, разложившиеся и не очень...

И ты, выходит, — туда же? Если переступишь и умоешься. Когда — жизнь без комплексов только приветствуется и «все дозволено»?

«Нет, — говоришь себе, — пока рано. Погожу. В эти воды попасть не хочу».

Не подумайте, что весело. Просто именно так все происходит в Чечне: жизнь вперемежку со смертью. Отсюда и юмор — черноватый. Потому что: если ты — тут, еще живой, а он — рядом, но уже мертвый, то все равно никто не знает, насколько долгим будет именно такой расклад. И... И надо научиться смеяться над собой и над жизнью. Чтобы не сойти с ума, например.

Кстати, раньше никогда не понимала, как это патологоанатомы обедают на столе, соседнем с прозекторским? А теперь отлично понимаю. И сама способна попить утреннего чаю по соседству с трупом, будучи абсолютно уверена, что «он»-то меня простит: ведь «он» — местный, и поэтому знает, что если не позавтракать сейчас, можно не позавтракать никогда. Или через несколько дней.

Но вернемся к воде и необходимости блюсти чистоту своего тела. Что остается, если не водоем? Какова альтернатива?

Почти всегда вода есть у военных. И она у них бесплатная — им воду привозят с военных баз, и, по всей видимости, в достаточном количестве, поскольку никогда не замечала, чтобы военные воду экономили.

Отсюда мое военное ноу-хау: чтобы помыться, надо идти в какое-нибудь небольшое воинское подразделение и сыграть там маленькое представление. Ради финального аккорда — радушного приглашения хозяев принять армейский душ.

Ведь все в Чечне — враг не враг — понимают, что такое вода, и поэтому знают: такое приглашение — лучший подарок. И сравнить его просто не с чем — в гражданских реалиях. Это и не приглашение в модный театр на премьеру, и не ужин в лучшем ресторане, и не цветы, подаренные любимым, не... Ничего. Это просто баня посреди войны. И это твое самое большое счастье в тот день и час, ни с чем не сравнимое. Больше, конечно, только то что ты вообще еще жив.

Итак, театр. Чтобы исполнилось заветное, надо, прежде всего, напроситься на разговор с командиром избранного для мытья отряда. Сесть напротив, проникновенно смотреть ему в глаза, изображать полнейшую лояльность, и конечно, задавать вопросы, которые ему понравятся — а не те, которые ты обыч-

но задаешь. Внимательно и старательно записывать ответы, переспрашивать. Долго-долго улыбаться, даже если командир — солдафон и просто крокодил, каких свет не видывал, стараться быть милее милой. Цель одна — не злить. Упаси Боже, влезать со своими антивоенными настроениями. Один намек в этом направлении — и «операция» сорвется. Проверено на собственной шкуре: случалось.

Итак, удача. Но что это такое? Если все сработало, ты получишь два принципиальных предложения.

Во-первых, выпить с командиром — ему тоже новые люди нужны, чтобы выпить, со своими заместителями уже так надоело, так надоело...

Во-вторых, помыться. В Чечне все — от боевика до генерала — отлично знают, насколько ценно второе предложение.

Впрочем, и это еще не конец игры. Очень важно, в момент поступления предложения помыться — совладать с нервами, не выдать своей необузданной радости (а значит, не обнаружить единственной цели своего визита), не разозлить тем командира — и, конечно, тонко и умно увернуться от необходимости вместе выпить. Лично я на войне никогда не пью, тут лучше быть начеку все время, а алкоголь расслабляет, и он — причина очень многих жертв среди военных. Столько глупых смертей позади! Когда: выпил лишнего — шагнул, куда не надо — и был застрелен. Своими же.

И вот, сладостный миг. Тебе говорят: отведайте нашей баньки. И дальше — дело техники. Как правило, в подразделении — ни одной женщины. Идешь в баню, конечно, сквозь строй. И выбираешь... Среди многих глаз — кого-нибудь постарше и поспокойнее. И обращаешься к нему: будьте добры, ну, очень вас прошу, посторожите у двери, вижу, вы человек понятливый, семейный, дочери, наверное, у вас, пожалуйста, благодарю...

И этот выбранный тобою человек, как правило, не только встает на часах, еще и дает тебе шампунь и гель для душа... Ведь с тобой только небольшая сумка на плече: ни сменного белья, ни помывочных принадлежностей, одна только зубная щетка, зубная паста и небольшой тюбик крема, которым мажешь все тело, от головы до пят, чтобы за время командировки с тебя не слезла кожа, как со змеи.

Самое же счастье, когда вдобавок ко всем радостям «обновленной» жизни «угощают» тебя еще и чистым — конечно, по местным меркам, чистым — полотенцем...

Впрочем, пора внести ясность и разрушить идиллию: военные бани редко бывают чистыми. И значит, это тоже игра в рулетку с возможными болезнями в качестве расплаты. Тем не менее из всех вариантов этот предпочтительнее. Бывает, кто-то (из тех, у кого дома ты спал в эту ночь) где-то достал воду — в баллонах или бидонах. Радость! Помылся... И понял, что все бесплатное, увы, чревато — все тело огнем горит. Будто перцем натерся да еще и облил себя свежеприготовленным соусом чили. Ни спать, ни сидеть.

Значит? Значит, кто-то проворный продавал воду, набранную все в тех же отравленных естественных водоемах.

Чтобы закончить разговоры о воде, надо обязательно сказать, что бывают, естественно, и очень противные командиры. Долго говорят, рисуются, «дают интервью» — а помыться так и не пригласят. Хотя, уверена, все отлично понимают. Значит, увы, на этот раз у тебя с «обновлением» ничего не получилось... Ты — грязная... И время безвозвратно потеряно — утро прошло, искать другого, более «понятливого» командира уже поздно — надо работать.

Интересно, что теплое, почти родственное чувство к командиру, который пустил тебя помыться — остается с тобой навсегда. И это так, даже если ты знаешь командира не с самой лучшей стороны. А быть может, даже с самой худшей. Когда весной 2001 года я услышала по телевизору о гибели в Грозном заместителя командира Санкт-Петербургского ОМОНа Юрия Петрова, наверное, я бы должна была лишь сдержанно промолчать — он не был добр к людям в Чечне, вел себя, как большинство, и ненавидел чеченских детей, о чем мне сам и рассказывал.

Но я плакала. Будто погиб мой товарищ. В 50-градусную жару, накануне летом, посреди ужасающего, похожего на конец света грозненского пекла, когда ты весь пропитан пылью и специфическим запахом руин, под которыми лежат трупы — подполковник Петров, без лишних слов и предисловий, пригласил воспользоваться омовальным душем, и случилось это уже после пары безводных дней... Спасибо ему. Быть может, стыдно об

этом писать. Но так — было. И это правда. А самое главное на войне — не забывать добра. Всех без исключения, кто это добро сделал.

Одно важное замечание: таким образом, как я, могут «мыться» лишь очень немногие, находящиеся на военной территории в Чечне. Ни для одного человека из числа гражданского населения этот путь не возможен. Ни один чеченец никогда не пойдет мыться в отряд к федералам. Ни за что. Его туда не пропустят.

Как почистить зубы?

Никак. Это — самое трудное. Если ты даже моешься у военных, это вовсе не означает, что у тебя хватит смелости взять эту воду в рот. А на кипяченую, конечно же, рассчитывать не приходилось — это, действительно, роскошь.

Долгое время после штурма 2000 года в забытом Богом Грозном люди собирали воду по лужам после дождя и по канализационным колодцам и трубам, кипятили ее на кострах. По каплям, суповыми ложками... И, конечно же, никому и в голову не приходило использовать ее для услаждения собственного тела, для чистки зубов. Только попить. Только на чай. Только в еду.

И поэтому у всех не зубы — а полное беззубие. Опустошенные войной десны.

...Нью-Йорк. Манхэттен. Немыслимо роскошная гостиница «Вальдорф Астория» — случайно, конечно, попала, игра судьбы. Но раз уж так вышло, можно и расслабиться — и это тоже «чеченская» привычка: если есть чем себя поразвлечь в данный конкретный, пусть совсем летучий миг, надо хвататься за эту возможность, потому что другой может не случиться.

Но! В любой гостинице мира теперь — и наверное, навечно — первым делом заскакиваю в ванную комнату и проверяю, есть ли вода. Именно — заскакиваю, влетаю, несусь, движимая «чеченскими» рефлексамии... Глупость, конечно, несусветная, проверять, течет ли в «Вальдорф Астории» вода из кранов, но...

И это — правда. Как с погибшим питерским подполковником Петровым.

И вот, опытный «военный» взгляд — тотчас же и сразу после «водяной пробы» — выуживает, выхватывает, выцарапывает

в шикарной вальдорфовской ванной, набитой всякой душистой всячиной, только одно из всего: бутылочку с жидкостью для полоскания рта. И — в голове, как молния: «Удача! Счастье!» Хватаю... Полощу рот...

На сердце — покой.

И только потом понимаю, как здорово, что этого безумия никто не видит. В нормальной жизни люди полощут зубы, когда они хотят, когда надо. В Чечне — когда... Когда придется. Или никогда.

Можно и умереть с нечищенными зубами.

Как поесть?

Ешь обычно — что попало. Где попало: Как попало. Но это не означает, что плохо. Просто абсолютно случайно. Поесть — тоже как Божий дар. А ты — как птичка, клюющая по зернышку. Нечто библейское. Никогда не знаешь заранее, когда это будет и что это будет. И снова и снова — случится ли вообще.

Собственно, механизм поиска пищи — схож с тем, каким образом ты добываешь воду. Нюансы, конечно, есть, но они несущественны и состоят лишь в том, что лучше вообще не есть, если ты не уверен в качестве. Лучшего места для голодания, чем война, не бывает. Чай и хлеб — единственное, что ты можешь себе безбоязненно позволить. Утром и вечером — чай и хлеб. Следующий день — опять чай и хлеб. На шестые сутки, правда, начинает подташнивать. Но очень согревает чувство, что это не от кишечной инфекции...

Отсюда оптимальная длительность «чеченской» командировки — неделя. Дальше организм требует восстановления, и ты уже не газетчик.

Где ты спишь?

В Чечне — это самый сложный вопрос. Когда ты спишь, ты ведь теряешь бдительность, и поэтому каждый, кто рядом, может сделать с тобой все, что захочет. Это значит, особая забота и очень специальный вопрос — где останавливаться на ночлег. Если ты, конечно, любишь себя.

Идеально: у давным-давно проверенных личных знакомых, которые за тебя горой. В чем — проверенных? В главном: что не приведут к месту твоего ночлега либо военных, мечтающих тебя арестовать, либо бандитов, желающих тебя своровать.

Проблема же — тотальное отсутствие телефонной связи. Обычно дело обстоит так: верным людям ты передаешь через чужие руки то, что хочешь у них остановиться. Но передаешь таким образом, чтобы поняли только они. Через некоторое время получаешь ответ — тоже криптограмму. Счастье, когда удастся поговорить лично.

Работа в Чечне приучила быть проще, и чем проще, тем лучше. И не питать надежд относительно комфорта твоего ночлега. И ни на что хорошее в этом смысле не надеяться — довольствоваться тем, что подвернулось. Если верные люди говорят: «Спи сегодня здесь», и это «здесь» — в подвале, на сеновале, под открытым небом или в землянке, слушайся и выполняй. Радуйся только тому, что есть люди, готовые отвечать за тебя и сохранить твою жизнь, и не обращай внимания на качество постели, расположение туалета, сырость, холод и прочую ерунду. Отлаженный быт ради уюта и во славу дизайнерской мысли — он для Москвы. А Чечня все подчиняет другому — одному выживанию. Пока.

«Тебя били?»

Как-то, в одном самых известных центральноевропейских городов, красивой теплой европейской осенью сидели мы в кафе — с одним добрым знакомым — из тех, кто желает тебе только добра.

Шутили понемножку. И, сопровождая веселую байку, этот знакомый вдруг резко выставил вперед кулак, прямо по направлению к моей скуле.

Как может отреагировать человек, побывавший на войне? Конечно, резким движением назад — от летящего в тебя кулака.

Неудобно, конечно, себя обнаруживать... И поэтому, минута общего замешательства, и естественный вопрос:

— Тебя били?

Ну, как тут ответить откровенно... Женщине трудно признаться, что ее били.

Но — из песни слов не выкинешь — били, конечно. И что еще более стыдно — били молодые офицеры, годящиеся в сыновья.

Били в начале войны. В середине ее. При аресте. При попытке выяснить обстоятельства убийства одного из грозненцев.

Увы, били. И только за одно — за работу, которую делает журналист, за сбор информации.

Но! Вернуться в Москву и заявить публично, что «тебя били» — невозможно. Будет еще хуже. Тебя же и осудят. Станут говорить: «Зачем ездила? Вот и нарвалась!» Российское общество, к тому же, продолжает быть патриархально-консервативным. В нем правят мужские законы, согласно которым женщина почти всегда виновата, и всем. Еще сюда же, почти всеобщая ненависть к Чечне, поголовное нежелание слышать, что там реально творится...

Вот поэтому война научила главному: молчать, вернувшись из Чечни. Всегда молчать о личном.

Так что ответ прост: «да, били». Но это деталь моей биографии, и только моей.

Не знаю, зачем об этом писать?...

Я так и не знаю, зачем об этом писать? Вдруг разобрало...

Журналист, как и любой другой работник, должен выдавать на гора свою продукцию — репортажи, комментарии, интервью. Вот, собственно, и все. И значит, «слезы», которые он при этом проливает, по большому счету никому не интересны. Пиши, что видишь, собирай факты, анализируй их, и только это имеет значение.

Однако посидишь, подумаешь и понимаешь, что слишком многое остается за кадром. В том числе, и бытовые условия пребывания в этих командировках. А жаль. Эти условия вполне могут рассказать читателю нечто важное и о предмете журналистского исследования, и об обстановке. Например, дать понять, какими глазами смотрел журналист на то или иное событие, свидетелем которого стал и которое теперь старается описать?

Помните: чаще всего, это были глаза голодного, недоспавшего, грязного, неумытого, забитого и насмерть испуганного че-
е.

ловека — то есть точно такого же, который постоянно живет в Чечне. Из месяца в месяц, из одного военного года в другой, вот уже почти целое десятилетие, сотни тысяч людей находятся здесь в условиях, абсолютно неприемлемых для человека нашего времени, и они, как все, живут, любят, надеются, ждут...

Пожалуйста, думайте о них иногда. Потому что они — такие же, как вы. Они и есть вы: когда политики, что есть силы, размахивают мечами, которые почему-то экспроприировали, никто не застрахован от того, что именно он окажется следующим.

И еще одно: тысячи людей прошли в Чечне науку разрешать все споры и противоречия одним-единственным путем — насилем. Избил, поиздевался — и добился подчинения. Конечно же, только видимого и внешнего. Знаю по себе. А еще гнева и ненависти — это то, что, молчаливое, живет внутри избитых. Тоже знаю по себе — как трудно и долго разжижаются эти сгустки затаившейся черной энергии внутри, как сначала ты абсолютно никому не веришь, всех подозреваешь и всех избегаешь, потом выбираешь из всей толпы вокруг кого-то одного, кто способен хотя бы чуть-чуть понять, и счастье, если попал в точку, и тогда оттаивание пойдет быстрее...

А если — нет?

На нет и суда нет — старая пословица абсолютно права. Битый небитому не товарищ. Как голодный — сытому. И ничто не изменит этого послевоенного противостояния. И не исключено, что наши главные редакторы, которые и посылали нас работать на войну, и говорили «спасибо» — за это же самое спишут нас в корзину, как залежавшуюся устаревшую заметку...

В заключение, маленькая картинка на ту же тему «Тебя били?». Глухой поздний вечер в чеченских горах. В палатку вваливается круглый белобрысый офицерик возраста не больше 30-ти. У него румяные щечки, он не скрывает, что только что с боевой операции.

— Я — из разведроты. — Говорит и пристально смотрит в глаза.

Что ж, опытный, знает, чем пришибить. «Из разведроты» — это визитная карточка в здешних краях. «Разведроты» — признанные головорезы, самые высококвалифицированные специалисты своего дела под названием «убивать». Мало

желающих попасть под их тяжелую руку. Солдаты-срочники очень их боятся. Я — тоже из числа «мало желающих».

Офицерик-колобок начинает тихо, с цинично разгуливающей улыбкой на пухлых губках маменькиного сынка.

— Ну, что, от Басаева шла? Лучше сразу колись.

— Да ты мне в сыновья годишься. Постыдись. Не тыкай. Война ведь закончится когда-то.

«Разведрота» начинает орать.

— Видели вас, перевидели, как корчитесь и все равно все рассказываете. Только вот щипчиками, щипчиками... Да ножичками. Да иголочками...

Колотит. Конец света, я ведь тоже могла его родить...

На подкрепление «колобку» объявляется длинный-длинный молодой офицер. Он говорит тем же тихим вкрадчивым голосом. Начинается перекрестный допрос. «Длинный» садится напротив, довольно близко, в полуметре — точно в той позе, в которой много месяцев позже красивой теплой европейской осенью в одном из центральноевропейских городов мой знакомый сидел напротив в кафе.

И тогда «длинный» одним резким движением выбросил правую руку вперед. Рука «длинного» достигла цели. Рука европейского знакомого, конечно, нет. Но его сочувственный вопрос: «Тебя били?», — заставил не только написать этот текст, но и снова передумать-перемучиться, какие же страшные, уже не могущие измениться последствия для страны имеет безответственное решение лета 1999 года начать вторую чеченскую войну. Решение, имевшее тогда всего одну примитивную, узко локальную цель — возвести на престол мало кому известного человека по имени Владимир Путин.

Последствия? Тысячи убитых. Из оставшихся в живых — тысячи битых. И тысячи бивших их.

И всем (вторым и третьим) — отвратительно дальше жить.

Зачем Ильясову Чечня? Почему Чечне Ильясов? И при чем тут «налаживание мирной жизни»?

Нет ничего любезнее уху российского чиновника, чем слово «откат». Для тех, кто не знает, — это взятка, только экономически куда элегантнее, чем деньги в карман. Это когда внешне работаешь честно, но кое-что непременно обязано отвалиться в сторону, как премия за хлопоты, например. Иначе не работаешь.

Искусство откатов в России, несмотря на их и без того традиционно высокий уровень, продолжает совершенствоваться. Меркнут секретные счета и корпоративные кредитные карты, открытые на двоюродных тетях. Теперь в откат назначена целая республика — Чечня.

Станислав Ильясов, председатель ее правительства, делая первое программное заявление, сообщил, что на выделенные из российского бюджета деньги в размере 14 млрд (программа восстановления) он прежде всего намерен создать в Чечне рабочие места путем поднятия из пепла разрушенных нефтехимзаводов.

Вот тебе на! О чем речь? Программа восстановления не подразумевает ни рубля на эти заводы? На том основании, что специалисты Госкомитета по строительству, проводившие соответствующую экспертизу летом прошлого года, признали их не подлежащими восстановлению? Выходит, бюджетные деньги вот-вот потекут на обслуживание руин, которые все равно невозможно превратить в цеха? Так это мы уже проходили — после первой войны.

Но зачем это Ильясову?

Заводы, о которых идет речь, расположены в Грозном. И отсутствие программы их восстановления стало причиной острейшей междоусобной войны, развернувшейся в чеченской столице минувшей осенью и нынешней зимой. Беспозволенные заводские руины стали грабить все, кто был на то способен. Люди сбивались в группы, брали себе «крышу» из состава различных федеральных подразделений — и тащили груженными колоннами свой ку-

сочек металлолома в соседние регионы. В первую очередь в родной для Ильясова Ставропольский край — он оттуда. Ставропольские пункты приема драгметаллов богатели на глазах, и война в который раз стала слишком выгодна всем, кто рядом.

А как же Ильясов? В начале процесса разграбления он — председатель правительства Ставропольского края и по должности все знает и понимает. Однако вскоре его с треском увольняют за слишком уж коммерческий размах на государственном посту, и Ильясов, будучи поддержан пропутинской партией «Единство», неудачно пытается прорваться в губернаторы. Оказавшись не у дел, Ильясов становится человеком Чубайса в регионе, возглавив «Южэнерго» — организацию, известную тем, что именно через нее в никем не контролируемых масштабах прогоняется сегодня электричество на Чечню и отдельно на Грозный. Спрашиваешь диспетчера на подстанции: сколько же потребляет Гудермес? Надтеречный район? Пожимает плечами. Сколько киловатт уже списано на войну? Об этом теперь знают лишь Ильясов да Чубайс. Ну а освещенную улицу в Чечне по-прежнему встретить очень трудно.

Но вернемся к заводам. Осенью мэром в Грозный назначают Беслана Гантамирова — заместника интересов начальника Генштаба Анатолия Квашнина. Гантамиров тут же рассредоточивает верных себе людей на ключевых постах — прежде всего в администрации и отделе внутренних дел Заводского района города (заводы именно здесь), одновременно пытаюсь подмять под себя вывоз металла с помощью подразделений, верных Квашнину.

Это происходит с боями: сопротивляются все. И прежде всего неквашинские «крыши». Поэтому осень в Грозном отмечена резким ухудшением обстановки, непрекращающимися перестрелками, подрывами и ощущением начала нового витка коммерческой войны. Город наводнен «неопознанными бандформированиями», которые оказываются слившимися в едином порыве хорошо заработать бандитами и военнотружущими.

Что же Москва? К середине осени становится ясно, что Путин просто не знает, что дальше со всем этим делать. Очевиден властный тупик — Квашнин распоясался, межведомственная грызня силовиков ни для кого не секрет, а Кадыров в доверше-

ние ничем в Чечне не управляет. Так к зиме всплывает фигура крепкого хозяйственника Ильясова. Именно он лучше других знает, почему может быть Чечня. И каков с нее откат? Ему предлагают — он соглашается, и с воодушевлением, «силами спецподразделений ФСБ» (Квашнина побоку) начинает восстанавливать то, что восстановлению не подлежит.

Последний вопрос: а во что обойдется сам Ильясов Чечне? Сколько заплатит истощенная республика за очередного назначенца Москвы?

Минимум — 14 млрд, «программные» деньги, они, видимо, растворятся в развалинах.

Ну а максимум пока даже не подсчитать. На что и расчет.

Воцарение Ильясова в Чечне и «замена войск на ФСБ» — события одного коммерческого поля. Москва приняла решение, кто будет грабить Чечню дальше. И кто будет распределять откат от этого.

Январь 2001

•

Генералы — олигархи

Как расходуются деньги второй чеченской войны

О том, что генералы воруют, мы знали. Знали и о том, что олигархи наживаются на бюджетных деньгах. Уникальность этой истории в том, что звание генерала и должность олигарха принадлежат одному и тому же лицу.

Что бывает с предприятием, у которого оказалось убытков на миллиард? Ответ ясен: предприятие перестает существовать.

Что случается в Министерстве обороны, если одно из его подразделений предъявляет бюджету именно такие, миллиардные, убытки-увечья?

Абсолютно ничего. И даже более — его работу старшие по званию рекомендуют для обмена опытом...

В доказательство — документ. Он родился на свет, когда в Министерстве обороны (МО) недавно подводили итоги 2000 года.

Итак, решение экономического совета при начальнике строительства и расквартирования войск, заместителе министра обороны РФ по итогам балансовой комиссии: «О результатах финансово-экономической деятельности предприятий и организаций ГУСС МО РФ за 2000 год». Побалуемся цитатами:

«Согласно представленного доклада начальника Главного управления специального строительства МО РФ генерал-лейтенанта А.В.Гребенюка, проведенного анализа бухгалтерской отчетности и материалов, Экономический совет отмечает... Показатели эффективности финансово-экономической деятельности ниже минимально допустимых значений. Структура баланса предприятий и организаций продолжает оставаться неудовлетворительной, при этом их платежеспособность ухудшается. За отчетный период допущен убыток в сумме 1116 млн рублей...

Экономический совет **решил:**

1. Финансово-экономическую деятельность государственных унитарных предприятий ГУСС МО РФ за 2000 год признать удовлетворительной.

2. Рекомендовать руководству ГУСС МО РФ провести на базе 766 УПТК специальные учебные сборы с целью распространения передового опыта по организации финансово-экономической работы...»

Вы поняли логику? При показателях финансово-экономической деятельности «ниже минимально допустимых значений» намечены учебные сборы «с целью распространения передового опыта»...

Прежде всего некоторые пояснения. Как известно, в армии есть военные строители. Когда-то их называли строительными войсками, а сегодня это просто военно-строительные части. Таков результат армейской реформы 1997 года. В то время в МО ликвидировали четыре мощных строительных главка, оставив один. Он и есть сейчас военно-строительный комплекс (ВСК) России. Возглавляет его Александр Давыдович Косован. По чину — генерал-полковник. По делам — опытный тыловик, всю свою офицерскую жизнь отслуживший именно по этой части. По должности — заместитель министра обороны и тот самый начальник строительства и расквартирования войск, при котором имеется экономический совет, столь странное решение которого вызвало желание разобраться, что к чему в ВСК.

Пойдем дальше. Что такое ГУСС, у которого столь фантастические убытки? Это Главное управление специального строительства. В структуре, подчиненной генерал-полковнику Косовану, ГУСС — управление №1 и вообще самое знаменитое в среде армейских строителей. Епархия ГУССа — космодромы, ракетные шахты, засекреченные объекты. Впрочем, много чего еще.

Возглавляет ГУСС генерал-лейтенант Анатолий Гребенюк, второй человек военно-строительного комплекса страны после генерал-полковника Косована. Властная вертикаль в ВСК выстроена таким образом, что основную роль во всех его заботах и делах Косован отводит именно ГУССу, а ГУСС под руководством начальника Гребенюка полностью подчинен Косовану.

О чем речь? О том, что все финансовые потоки, входящие и выходящие из строительного главка, подчиняются росчерку пера лишь одного человека — генерал-полковника Косована. А первый их получатель — ГУСС. Властная связка Косован — Гребенюк работает жестко и надежно, замкнув на себе основное бюджетополучение.

Помимо ГУССа, есть в структуре Косована ГлавКЭУ —

Главное квартирно-эксплуатационное управление. Оно на вторых ролях, но тоже очень важное в общей схеме. Рассмотрим ее на примере выполнения одного из самых лакомых гособоронзаказов 2000 года, имеющих в распоряжении ведомства Косована. Это работы по Чечне, которые, находясь под контролем высших лиц государства, соответственным образом и оплачиваются, и поэтому выгодны.

Каковы же эти работы? Строительство постоянных гарнизонов и мест дислокации войск на военной базе в Ханкале, полное расквартирование 42-й мотострелковой дивизии, постройка мобильных казарм...

Схема движения «чеченских» денег выбрана следующая: ГлавКЭУ назначено Косованом заказчиком работ по Чечне — естественно, и бюджетополучателем гособоронзаказа по Чечне. А исполнителем — ГУСС. Так что деньги ходят из ГлавКЭУ в ГУСС. Но не обратно.

Оба управления — самостоятельные юридические лица, так называемые ГУПы, государственные унитарные предприятия, что, как известно, является серьезной болезнью нашей переходной экономики. ГУПы, в большом количестве облепляющие различные госведомства и официальные структуры, хозяйствуют сегодня как коммерческие, однако для достижения прибыли используют основные фонды, принадлежащие государству. В нашем случае — фонды МО.

Однако из ГУССа деньги движутся еще дальше. И это самое интересное. По решению генерал-полковника Косована — а на нем, напомним, замкнуты все финансовые потоки ВСК — большую часть «чеченских» денег ГУСС отправляет еще в одну структуру. Она называется «ГУСП» — писать эту аббревиатуру следует именно так, в кавычках. «ГУСП» — это «Главное управление строительной промышленности», частная фирма. Форма собственности — акционерная холдинговая компания. А до 1997 года, когда, напомним, произошло реформирование Вооруженных сил, это был один из строительных главков МО. Превратившись тогда в частную компанию, «ГУСП» далеко от «мамы» (МО) все равно не ушел: тут и пасется. Как известно, это и есть секрет успеха бизнеса по-русски — возможность присосаться к бюджету. А удача тогда тебе скорее улыбнется, когда ты олигарх. Пусть маленький — чей-то карманный, местный... Но все же олигарх.

Собственно, это и есть современный портрет «ГУСПа»: он потому успешен, что успешно трудится в соответствии с планами официального бюджетополучателя, осуществляя важнейшую функцию круговорота бюджета в отечественной природе.

Успешно — естественно, для себя, а не для бюджета.

Что же касается тех гигантских, фантастических убытков, с которых потянулась эта цепочка, то убытки рождены «ГУСПом» следующим образом: по решению и с соизволения генерал-полковника Косована «ГУСП» занят тем, что закупает стройматериалы, оборудование и имущество для «чеченского» военного строительства. Стараясь делать это по завышенным ценам и у строго определенных фирм-поставщиков. Например, песок для строительства, вместо того чтобы приобрести его на ближайшем к месту событий Ставрополье, тащат из Подмоскovie, вздувая цены. Бетон — также родом из весьма далеких от Северного Кавказа территорий. Унитазы — будто бы итальянские, керамическая плитка — испанская...»

Только не подумайте, что в станице Калиновской, где располагается штаб 42-й дивизии, возведенный косовановцами, теперь вследствие евроремонта расквартированы сплошь итальянские унитазы. Ничего похожего. Унитазы все те же — отечественные, если они вообще есть. Только вот цена у них, как у итальянских.

Все то же самое с бетонными плитами, песком, цементом...

Надо заметить, даже минимальное, до десяти процентов, вздутие цен на стройматериалы дает бешеный, более 25, процент последующей, на выходе, убыточности.

И тут главное слово — «последующей». Ведь живые деньги-то за плиты, цемент и песок — сегодня... А убытки? Как в песне: «Сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду — я одна...», мужикам — гулять, девицам — плакать. Прибыль — «ГУСПу» и иже с ним, убытки — на шею Родине. А кому еще? Не себе же самим писать?

Важная деталь: сегодня в военно-строительном комплексе до такой степени все закольцовано на заместителя министра обороны Косоване, и «в целях контроля за расходованием бюджетных средств» он сам подписывает ВСЕ финансовые документы, что даже проверочную комиссию — проверочную по отношению к троице («ГУСПу», ГУССу и ГлавКЭУ) — возглавляет сам, все тот же Косован. С одной стороны, собственноручно закручивающий между ними финансовые потоки. А с другой — собственноручно же их раскручивающий с целью узнать, правиль-

но ли они закручены... Сам принимаю решение, сам трачу, сам себе отчет пишу. Уф...

Так и выходит: убытков — за миллиард, а работа — «удовлетворительная»... Попутно лишь одно уточнение. ГУСС и «ГУСП» заполонили своими недешевыми услугами уже не только МО. Сегодня в Чечне они возводят казармы и штабы для частей Внутренних войск МВД и Погранвойск. Это значит, генерал-полковник Косован и сопровождающие его «юридические лица» — монополисты «чеченского» военно-строительного рынка, осуществляющие перегон бюджетных денег, отпускаемых на МО, МВД и ФПС, прямым в коммерческие структуры, а также в чьи-то карманы. Уж не в солдатские, конечно. И только не говорите, что этот процесс безвозмезден и бескорыстен. Не повторяйте, что все это происходит на сугубо благотворительных началах... Такие подряды, как монопольная закупка стройматериалов (пусть даже формально проведенная через аукционы), для масштабных «чеченских» работ за красивые глазки и многолетнюю дружбу в нашей стране не получают.

Однако кто там как делится — это не наше дело. Главное, суть процесса: опять, в который раз происходит прикармливание «своего» олигарха как главного двигателя российского бизнеса.

И как результат: и этому олигарху, и генералитету отечественной военно-строительной верхушки чрезвычайно выгодны как сами продолжающиеся военные действия в Чечне, так и бесконечные «подрывы» силами боевиков тех объектов, которые они там только что возвели.

Так ВЫГОДНО воевать в Чечне можно сколь угодно долго — пока казна совсем не надорвется...

Самое время от общего опять вернуться к частному. Разберем, каков процент в структуре этих убытков — искусственные убытки, от завышения цен? И каков — естественные? Позиция ВСК, выраженная в интервью «Новой газете» полковником Федором Корабаном, заместителем генерал-полковника Косована по экономическим вопросам, однозначна: проклятые убытки от их ведомства не зависят, все они — пени и штрафы за неуплаты в бюджет, возникшие в связи с долгами самого бюджета перед ГУССом за выполненные им, но неоплаченные работы. А как еще скажет полковник?

Однако военные экономисты, работающие в ГлавКЭУ и чувствующие себя ущемленными (деньги на ту же Чечню лишь «хо-

дят» через них в сторону полукоммерческого ГУССа и сугубо коммерческого «ГУСПа»), уверены, что убытки — искусственные, результат намеренных действий под руководством замминистра Косована.

А теперь давайте подумаем: а так ли уж это плохо, когда в делах хозяйственных жесткая вертикаль и «крепкая рука»? Ведь как обычно говорят о скупых, но успешных бизнесменах? «Ни один доллар мимо не пробежит!» Рубль, попадающий из бюджета в систему Косована, ведь тоже наружу не выходит, оседая тут в виде коммерческой прибыли?..

Для бизнесмена такой подход — действительно большая заслуга.

А для госслужащих, задача которых беречь госсредства пуше глаза? Конечно же, нет. Ну, никак. Однако в том и беда, что определить ориентацию Косована и компании — дело непростое. Они и военнослужащие, и частнопрактикующие предприниматели в одном лице. Государственно-коммерческий конгломерат, когда люди вынуждены раздваиваться. Они — и те и другие. А точнее, все — в одном. Значит, сплошь эклектика и смешение стилей жизни. Что, как известно, нечисто, пагубно и быстро ведет к пороку. Когда тебе предоставляется возможность быть генералом, полковником, носить красивые погоны, копить выслугу, получать полевые, пайковые и прочая и прочая и одновременно заниматься бизнесом... Не рядом, не в свободное от службы время, а прямо на рабочем месте... Бизнесмен служит интересам бизнеса, и для него самое главное — добиться прибавочной стоимости, а хороший бизнесмен — тот, который умеет через многое переступить ради получения высокой прибыли. Офицер же служит интересам родины. А если ты и офицер, и бизнесмен? Кому ты служишь?

Интересы частного бизнеса и родины далеко не всегда совпадают... И нельзя ставить людей перед подобным тяжелейшим моральным выбором — они не святые. Именно из такой идеологии хозяйственного процесса, как он сложился в военно-строительном комплексе, все выше описанные беды и убытки в четверть произведенных в Чечне работ. Позволив госслужащим, а тем паче офицерам в высоких чинах, постоянно манипулировать своими лицами, одно из которых сугубо коммерческое, государство подписало приговор своему бюджету. **Государственные основные фонды в этом случае используются так, что они обязаны**

приносить убытки. Прибыль уходит в частный карман, а порочность примененной экономической схемы очевидна.

Трудно поверить, что, замышляя приватизацию, ее российские отцы-основатели имели в виду подобный исход, однако время показало, что публичный идеолог-рыночник Чубайс сегодня тоже куда лучше себя чувствует в обнимку с бюджетом, чем без него. Как «ГУСП» при заместителе министра Косоване — локальный олигарх, так и сам замминистра, в свою очередь, самый что ни на есть военный олигарх. Ведь верный признак олигархии — использование государственных структур в целях обогащения и паразитирование на госбюджете. Чем сегодня ВСК и занят. Выгодное для себя социально-экономическое положение на полную катушку используя в коммерческих целях. И еще, как и положено у олигархов, требует сегодня понимания — в виде списания убытков, долгов, пени и штрафов.

Куда? На бюджет.

Есть лишь один эффективный способ сопротивления наглости олигархии — отлучение ее от дойной коровки. И тут лишь два пути. Первый — полное и окончательное разгосударствление военно-строительного комплекса, когда генерал-полковник Косован, ежели он так увлекся этим делом, уходит в частный бизнес, из которого в МО больше не возвращается. Второй — прямо противоположный: запрет структурам МО заниматься бизнесом, их огосударствление. На октябрь нынешнего года намечено заседание правительства России, которое и должно принять соответствующее решение. И сейчас, к этому заседанию, Счетная палата как раз завершает проверку хозяйственной деятельности ВСК.

Насколько известно нашей газете, правительство склонно выбрать первый вариант развития событий. И поэтому уже сейчас в Москве развернулась хитроумная подковерная схватка с участием военной олигархии. Цель генералитета, не чуждого бизнесу, — оставить все как есть, чтобы и двуличие соблюсти, и бюджет при себе оставить. Или, если договориться все-таки не удастся и акционирование неизбежно, то выдоить у правительства решение об одновременном с приватизацией списании всех долгов, дабы выйти в бизнес чистыми, «обремененными» лишь основным подарком от государства — фондами... Вот только потянет ли страна такую благотворительность в отношении своих генералов? Решать стране.

Июнь 2001

Спецмероприятие «Чечня» губит всю страну

Почему надо просить лидеров «семерки» надавить на нашего Путина?

14 июня в ингушской станице Орджоникидзеvской на границе Чечни и Ингушетии прошел сход. В нем участвовали как беженцы из Чечни, так и просто граждане нашей страны, имеющие в паспортах неприятную по нынешним временам строчку о регистрации в воюющей республике. Двухтысячная толпа приняла обращение к мировому сообществу следующего содержания: «Провести экспертизу и анализ ситуации в Чеченской Республике на основе международного права — с определением прав граждан ЧР на самооборону в случае бесправных действий военнослужащих и при отсутствии правовой защиты со стороны российского руководства».

И далее: «Обратиться к Президенту США Бушу как к руководителю государства, которое играет одну из ключевых ролей в мировой политике, с тем, чтобы он призвал руководство России (Президента Путина)...» (Далее — по первому тексту.)

И еще: «Обратиться к главам “семерки” на предстоящем саммите повлиять на Президента Путина...» (Далее — тоже по первому тексту.)

Если перевести с официального языка на обычный, воззвание к американскому президенту и ведущим мировым лидерам выглядит так: «Помогите выжить! Мы не знаем, как себя вести! Утихомирьте армию и Путина! Станьте третейскими судьями! Мы не знаем, что противопоставить военному беспределу! Объясните, остались ли у нас хоть какие-то права! Или мы должны смириться с тем, что мы — не граждане...»

Трудно не заметить, что это вопль отчаяния людей, загнанных в угол.

Обращение схода в Орджоникидзеvской, однако, вызвало самую дурную реакцию в российском обществе — крайний нега-

тивизм в отношении чеченцев опять пополз вверх, чеченцев в который раз обвинили в антироссийских настроениях, сепаратизме и желании оболгать Путина перед лицом мирового сообщества...

Почему мы так глухи? Не от незнания ли?

Вот несколько характерных чеченских историй для размышления. Быть может, ваши сердца оттаят.

...В толпе схода — знакомые лица. Вон женщина со строгим лицом и холодными глазами — типичная чеченка времен войны. Она из горного селения Махкеты в Веденском районе. У нее трагедия: 14-летнего сына «замочили в сортире». Естественно «замочили», без всяких иносказаний — прямым попаданием снаряда в деревенскую «дырку», когда парень отправился по нужде. Дом этой женщины — на краю села, вот федералы и видели с постов, кто куда по двору идет. Поняли, зачем мальчик двинулся по тропинке в дальний угол огорода, — и пальнули. С одной стороны, в собственное удовольствие. С другой — непосредственно исполняя волю своего президента, — просил же главковерх «мочить»...

...А в сторонке — отец, незамужняя взрослая дочь которого прошла через фильтрационный лагерь в Урус-Мартане, где... Ох, в этом случае лучше уж не вслух... Лишь один штрих заточения: ее заставляли ползать по ступенькам вниз-вверх на четвереньках, по-собачьи, держа в зубах ведро с говном...

Зачем рассказываю? Ни та мать из Махкетов, ни этот отец из Урус-Мартана — им уже не до политических игр. Они не придут подпеть чужую песню сепаратизма — они сами по себе. Им и Масхадов, и Путин — до гроба враги. И если уж они просят на сходе: «Помогите!», обращаясь к мировым державам, — им можно верить...

Дальше — еще одна картинка с выставки под названием «Чечня». 5 июня, Грозный. Театральная площадь — такая тут есть, несмотря на руины. Люди вышли на митинг протеста. В руках у них лозунги: «Верните мою маму!». Это от детей, чья мама, будучи арестована при зачистке, исчезла в неизвестном направлении. И еще: «Верните трупы наших детей!». Это уже от

матерей, чьи дети при зачистках же пропали с концами, будто их никто и не рожал... Мимо митинга по дороге пыхтит парочка БТРов. На броне — федералы. Среднего возраста мужики, контрактники наверное, веселые, пассионарные и крепкие. В масках, косынках, с автоматами и гранатометами, наставленными на толпу. Хохочут до судорог, откидываясь в экстазе назад, на броню. Тычут пальцами в обрезанных перчатках — все больше на «Верните мою маму!». И в довершение неприличными жестами демонстрируют, как же они собираются возвращать и чужих мам, и трупы чужих сыновей...

Рядом — офицер, старший группы. Ведет себя так же.

Понятно, все это мелочи жизни — «неприличный жест», «замочили в сортире». Детали... Но сколько же в них трагизма — трагизма мелочей жизни, в конечном счете уничтожающих саму жизнь. Мало того, что у вас отняли маму, а у мам — детей, забыв вернуть трупы, так над этой вашей болью еще и измываются?! Кто может это остановить? Путин? Министр обороны? Грызлов, прыгнувший в кресло министра внутренних дел? Генпрокурор Устинов? Нет. Они не приучены думать о деталях. Лишь Запад их большой поклонник. Вот к нему и апелляция — исключительно ради выживания.

...Мы знакомы уже несколько недель, и мне стыдно смотреть в глаза измученному чеченцу по имени Шомсу. Я почти ничем не могу ему помочь — палачи были умные и совсем не оставили следов... Начиная с 8 января везде и всюду Шомсу ищет своего племянника Умара Аслахаджиева и его друзей — Нур-Магомеда Бамбатгириева и Турпал-Али Наибова. Все трое ехали в тот день на машине по селению Курчалой. Утром тут началась зачистка. В 10 утра зачистили и их — и до сих пор с концами. Вместе с темно-зеленой «восьмеркой» К 571 УМ. За полгода Шомсу прошерстил всю Чечню — вдоль и поперек, и много раз. И не знает сегодня, что же еще ему сделать, где найти ответы на вопросы... И я не знаю и не понимаю элементарного: а «восьмерка», например, где? В чем она-то виновата, даже если у кого-то были основания предполагать виновность хозяев? И кто конкретно ее экспроприировал? А своровав, почему не ответил за преступление? И почему до сих пор не выдвинуты обвинения в адрес «зачищенных» и так и не отпущенных? Сколько времени еще потребуется государству, чтобы их написать? Полвека? Как это уже

однажды было с «незаконно репрессированными»? И почему исключена возможность передать им в тюрьму — если они, конечно, в какой-то тюрьме — ну хотя бы письмо? И почему запрещено иметь адвокатов и осуществлять переписку? И какой вообще смысл в том, чтобы шумно, с участием множества серьезных господ нашей страны обсуждать с подачи генерал-командующего Трошева публичную смертную казнь для главарей боевиков, если бессудная смертная казнь для обычных чеченцев — это уже факт?.. Вопросов — вагон и маленькая тележка. И ни единого ответа. Или: если ответ все-таки следует, он неполноценный, будто рассчитанный на идиотов... Вот как это бывает: приходит родственник исчезнувшего к важному военному чину, от которого что-то зависит. Офицеры вокруг обычно услужливо подсказывают: «Да, тебе — к нему». А «тот» говорит так: «Я — Саша». «Как? Просто Саша?» «Да, просто Саша».

И начинается кишкомотание. Этот «Саша» без фамилии, звания и должности пару месяцев кормит обещаниями: вот-вот, завтра найду, не их, так могильник, где их тела... «Ну а пока процесс идет, — намекает «Саша», — костюм за 200 долларов на рынке в Хасавюрте я присмотрел...»

«Да-да, — понимает намек семья, — костюм, конечно, костюм... В субботу едем в Хасавюрт».

Только не подумайте, что тут иносказание — реальные обстоятельства описаны. Не раз, не два, не три слышанные от тех, кто прошел путем Шомсу.

...Сказано — сделано, и в воскресенье у «Саши» обновка. Но «Саша» прет дальше: баню просит хорошую устроить, для души и для тела... Сами понимаете, не маленькие, что это такое. И — устраивают...

А «Саша» сообщает, что трое разыскиваемых мужчин и машина — на территории 33-й бригады внутренних войск. Вскоре все оказывается чистым враньем — нет в 33-й ни тех несчастных, ни «восьмерки». Да и «Саша» сам, не попросившись с теми, кого цинично «доил» два месяца, пропадает, смывается... Это, выжимая из пострадавших семей все, что ему надо, «Саша» просто готовился уезжать из Чечни — у него подходил к концу срок «боевой» командировки и следовало прибрахлиться...

Еще раз: пожалуйста, не подумайте, что тут — художественный вымысел. Правда, увы. Чистейшая и пошлейшая. Так кто утихомирит этих «Саш»? Их Верховный Главнокомандующий? Нет, желания такого не выказывал — он все больше награды раздает.

Значит, что? Опять с головой и рукой помощи к Западу? Точно так...

А Шомсу продолжает... Он показывает якобы официальные ответы на свои запросы об исчезнувших. И это другая нынешняя разновидность деятельности офицеров по поиску пропавших при зачистках людей — лживые ответы, под которыми подписи якобы конкретных ответственных лиц. Но на проверку — анонимов. У офицеров в Чечне, как у нелегалов-разведчиков, — по два-три-четыре комплекта документов на разные ФИО. Они все НИКТО, и спросить не с кого — пиши в ответах, что хочешь, не привлекут... Право скрывать свое истинное имя — право, предоставленное военнослужащим, «чтобы боевики не отомстили семьям», — постепенно стало одной из главных причин безобразий и преступлений, творимых военнослужащими в Чечне.

А как же сориентироваться Шомсу и ему подобным в этом потоке лжи? Как выйти на правовой путь? Да никак.

Сегодня у Шомсу на руках бумаги за подписью полковника милиции Олега Мельника (который, наверное, и не Мельник вовсе), подполковника Юрия Соловья (который, быть может, совсем не Соловей), а также полковника Смолянинова. Последний, с одной стороны, вроде бы Николай Александрович, но, с другой — живет откликается на кличку «Михалыч»... Помимо этой группы, есть еще и «Юрич» — человек, называвший себя заместителем начальника Курчалоевского райотдела ФСБ. Многодневное его участие в деле поиска Аслахаджиева, Бамбатгирева и Наибова состояло в активном вождении семей за нос и в том, что Юрич наконец посоветовал «не лезть» и смириться, поскольку тут якобы замешано ГРУ...

Посоветовав, Юрич укатил в родной Белгород. А может, и не в Белгород... А может, и не Юрич. А может, и сам отправил на тот свет тех, кого ищет Шомсу, да следы замечает...

Позорная свистопляска круговой лжи и порока, организованная людьми, называющими себя офицерами. Они уже на-

столько распоясались в своем неумном безнаказанном вранье, что, уверена, унять их внутренними силами не представляется возможным. Впрочем, если кто-то продолжает думать, что руко-творная наша сегодняшняя «Чечня» проехала только по Чече, он опасно наивен. «Чечня» как образ мысли, чувств и конкретных действий гангренозной тканью расплывается по всей стране и превращается в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества. Мы дружно и вместе озвереем.

И снова — пример. Сейчас, спустя почти два года после начала второй чеченской войны, превратившейся, среди прочего, и в поле для разнузданного мародерства, выясняется, что воровать больше не у кого, чеченцы вокруг обчищены, и те, кто привык этим заниматься, берутся за своих.

Женя Журавлев — солдат мотострелковой роты 3-й бригады особого назначения внутренних войск МВД (в/ч 3724), дислоцирующейся в поселке Дачное под Владикавказом. Отсюда Женя попал в Чечню, где на какой-то горе отсидел 8 месяцев безвылазно. Письма с горы не шли. Ни туда, ни оттуда. Женина мама — Валентина Ивановна Журавлева, вдова и воспитательница детского садика в деревне Луговой Тугулымского района Свердловской области — безуспешно ждала от него весточки и проплакала все глаза, отправляя заказные.

Наконец письмо пришло: Женя, срок службы которого закончился еще в апреле, умолял приехать и забрать его из Владикавказа. Деревня собрала деньги, и Валентина Ивановна в сопровождении Жениной тети — железнодорожницы на пенсии Вассы Никандровны Зубаревой — оказалась в Дачном. А там?!

Там — ужас. Сначала Женю вообще не предъявляли — офицеры явно что-то скрывали. Потом солдаты шепнули, что Женю только вчера привезли из Чечни — и прямо в санчасть. Поздно вечером маму тайно провели в палату. Женя лежал там с гниющими по колено ногами. Сказал: не мылись несколько месяцев, и все в сапогах. Вот и результат. Мама пошла умолять офицеров отдать ей сына — долечит в деревне как-нибудь... А те — шантажировать: давай разделим его «боевые», 50 на 50, и получай сына...

Женя категорически запретил Валентине Ивановне делиться. И правильно сделал. И теперь... не может уехать домой. Продол-

жает находиться в Дачном, а рядом — Валентина Ивановна вместе с другими такими же мамами, которым офицеры не отдают сыновей, требуя делиться, делиться и еще раз делиться — в обмен на демобилизацию...

Наконец, Вассу Никандровну, тетю, с бесплатным билетом, все эти несчастные мамы-жертвы второй чеченской войны отрядили в Москву, и она пришла в нашу редакцию... И редакция нажала на все кнопки, переругалась со всеми московскими генералами внутренних войск.

Так Женя оказался дома. И с деньгами.

Но каждая ли солдатская тетя может себе подобное позволить?

Вот тебе и Чечня. Вот и привычка к мздоимству. Дальше — рассказ одного молодого москвича, просившего сохранить его имя в тайне — из-за боязни мести.

Однажды в выходные, в полночь, ехал он с друзьями на дискотеку: «Они (милиционеры, не предъявившие документов, спецномеров, на машине с частными номерами) стояли, закатав рукава выше локтя, с банданами на бритых лбах, и вещали: «Заберем девчонку-то».

А «девчонка» — жена одного из ехавших, впервые после рождения первенца выбравшаяся вместе с молодым мужем, потанцевать... «Заберем — и не отдадим», — орали «правоохранители». Друзья держали молодого мужа за руки и убеждали ментов: «У нее скоро кормление». — «А нам что?»

А всего-то вины юной мамы — забыла дома паспорт, расслабившись дома после беременности и родов...

Сговорились на 500 рублях. Вдумайтесь: муж заплатит за жену полтысячи, и тогда можно было двигаться дальше...

Как оказалось, патрульные недавно из чеченской командировки. Покинув «зону», заступили на «боевую» вахту среди нас. Мелочи жизни, опять скажете? Не стоит попадаться им на дороге? Может быть.

Но опять: мелочи жизни, уносящие саму жизнь... И если не повезло — и пути пересеклись?

«Хорошо, что не застрелили вслед, раз “чеченцы”», — парировали все, кому рассказывала эту историю. Серьезно так говорили, ничему не удивляясь — смирившись. Дожили!

Спецмероприятие по имени «Чечня» совратило всю страну и продолжает ее дальнейшее озверение вперемешку с отуплением. Цена человеческой жизни и так была в России ниже всякого предела, а теперь, по ходу войны, и вовсе скатилась до тысячных долей.

Вот почему еще прекращение войны для нас жизни подобно. И уже, надо сказать, не слишком важно, какими способами этого удастся достичь... Сход в Орджоникидзевской абсолютно прав. Чечня — как спасенный «Курск» — на не смертельной для себя глубине, где спасение возможно и даже почти очевидно. Но — вот незадача — нет приказа к спасению! И надо его добиться, пусть даже через голову вышестоящего большого босса. Но обязательно добиться.

Июнь 2001

Цена массового захоронения в Чечне — 50 000 рублей

О чем так и не узнал господин Хиль-Роблес

Чеченский разврат не только не затихает — он расползается, как метастазы, подло захватывающие все новые клеточные колонии. Чем дольше война, тем изощреннее военный цинизм.

Саид-Алви Лулуев из Гудермеса, седой человек с потухшими глазами, 13 марта был в Москве — в Верховном суде России. Вместе с другими он проходил аттестацию для переназначения федеральным судьей Ножай-Юртовского района Чечни.

Программа «Вести» под такую новость всюю демонстрировала стране, как идет мирное строительство в Чечне — вот, мол, и судей в Москве назначают...

Но Саид-Алви вдруг сорвался и стал говорить в камеру странные, мало кем понятые слова: «А я недавно жену похоронил...»

Судья Саид-Алви с шариатских времен был без работы, и всю семью, где четверо детей, последние годы тянула Нура, его жена. Торговала на рынке. 3 июня 2000 года, рано утром только лишь открылись после комендантского часа блокпосты, Нура поехала в Грозный вместе с двоюродными сестрами — Мархой и Раисой Гакаевыми.

Туда, перекупщику на так называемый Северный рынок, они повезли ведра с собранной черешней.

Уже к восьми утра женщины освободились и собирались возвращаться в Гудермес. И тут из БТРа, стоящего у рынка, вдруг выскочила толпа камуфляжников в масках. Похватали, завязали глаза, надели на головы мешки и погрузили на БТР...

Кто-то из свидетелей ареста быстро добежал до Ленинского районного отдела внутренних дел неподалеку, и приехал наряд милиции, но по нему с отъезжающего БТРа был открыт огонь.

«Маски» кричали: «У нас спецоперация!»

Узнав о случившемся, Саид-Алви ринулся в Грозный. Он обошел все райотделы внутренних дел, но женщин нигде не было.

Единственное, что узнал: у БТРа был бортовой номер 110, и принадлежал он 245-му полку Министерства обороны... **Это очень важная деталь.** В нашей газете 12 марта был опубликован материал «Обыкновенный садизм». В нем шла речь о ямах, случайно обнаруженных у селения Старые Атаги, с останками тех, кто за некоторое время до этого был задержан федералами. В одной из ям был обезображенный труп Эдилбека Исаева. Наведение конституционного порядка лично для Эдилбека закончилось тем, что ему вырвали сердце из груди... Так вот, Эдилбека при десятках свидетелей увезли на БТР №107, принадлежащем все тому же 245-му полку...

...С 3 июня и по 4 марта Саид-Алви занимался только тем, что ходил по инстанциям. Всюду, где над дверью имелась вывеска правоохранительных органов, Саид-Алви написал заявления о похищении жены — от заместителя министра внутренних дел Чечни Хизира Тепсаева, во все отделы и управления ФСБ, МВД, прокуратуры. И Грозненская даже возбудила уголовное дело по ст. 126, ч. 2 УК — о похищении. Но шло время, а ничего не менялось.

— Я продолжал писать, — рассказывает Саид-Алви. — Еще два заявления Путину, два заявления Кадырову, президентскому полпреду Казанцеву, военному коменданту Бабичеву, депутату Аслаханову... И везде говорили: «245-й полк нам не подчиняется...»

А кому подчиняется?

И лично вы в это верите? Что по Чечне бегают братва — бригада палачей, не подчиняющихся никому, в том числе даже своему собственному Верховному Главнокомандующему?

И нет никого, кто мог бы их остановить?.. И эта бригада — полк?!

Я — верю. Приходится верить. Таковы чеченские реалии. И даже понимаю, как такое могло произойти, — все вышеперечисленные инстанции и высокопоставленные чиновники нашей страны, куда бился Саид-Алви, **позволили** военнослужащим 245-го полка делать все, что им заблагорассудится. Чечня стала как вра-

жеская территория, отданная армии на откуп. Хочешь золота грабануть из ушей идущей мимо чеченки — пожалуйста. Хочешь ковер со стены — бери. Хочешь сердце у чеченца вырвать — нет проблем... Хочешь убить и забетонировать тело — действуй, «герой России»...

— За шесть месяцев поисков меня допрашивали только один раз, — продолжает судья Лулуев. — Допрос был формальный. Тот, кто его вел, пожаловался: мол, военные совсем не дают работать... Я сказал: «Дайте мне такой ответ официально». Офицер улыбнулся. Я прорвался к Чернову, прокурору Чечни. И сказал: «От попустительских действий прокуратуры правоохранительные органы превратились в праворазрушительные». Но Чернов только еще раз подтвердил, что военные не дают работать.

Это было 1 марта. В тот же день в Гудермесе Саид-Алви пробыл к приехавшему на очередную инспекцию господину Алваро Хиль-Роблесу, европейскому комиссару по правам человека.

Рядом с комиссаром стоял Владимир Каламанов, спецпредставитель президента по соблюдению прав и свобод человека и гражданина в Чечне.

— Я стал говорить Хиль-Роблесу, какая у меня трагедия. Каламанов закричал и потребовал прекратить. Хиль-Роблес же странно улыбался — видимо, переводчик ему не то переводил... Я протянул Хиль-Роблесу заготовленное заявление, но Каламанов вырвал его у меня. Я крикнул Каламанову, что должность обязывает его защищать нас... Тут меня оттерли».

Это было за три дня до того, как семья Лулуевых поехала посмотреть на трупы, найденные в конце февраля в яме под Ханкалой. Их, собственно, и приехал инспектировать комиссар Хиль-Роблес.

4 марта останки давно разыскиваемых женщин были обнаружены именно там. Нуру опознали по сережкам и 5 марта похоронили в родовом селении Найбера Гудермесского района...

Что теперь делать? Как судье Лулуеву добиться наказания виновных? Да и кто виноват? Имя? Фамилия? Отчество?

Чтобы получить ответы на вопросы, начнем с нуля — с того, каким образом информация о массовом захоронении стала достоянием общественности. Это многое объяснит.

Оказалось, все очень просто. Цена информации — 50 тысяч рублей. И это вполне в стиле установившихся взаимоотношений федералов с населением. Саид-Алви только потому нашел свою жену, что чеченцы, которые также искали своих исчезнувших после встреч с федералами родственников, заплатили военнослужашим, и те продали людям информацию о координатах захоронения на окраине Ханкалы. То, что не смогли все правоохранительные органы нашей «великой державы», сумели 50 тысяч рублей...

Не знаю, как в вашей, а лично в моей системе координат это конец. Финал драмы, именуемой «постсоветским развитием страны», начинавшемся, как известно, с того, что личность у нас теперь «превыше всего»...

Но дальше — больше. Трупы под Ханкалой валялись на территории дачного поселка в Октябрьском районе Грозного. Это в нескольких стах метров от главной военной базы, на охраняемой территории.

О Ханкале давно идет очень дурная слава. Сюда часто свозят арестованных со всей Чечни, и следы многих тут и теряются. Здесь же, при военной базе, всюду трудятся посредники. Они доводят до родственников, ищущих своих братьев, мужей, отцов и сыновей, сведения о требуемых суммах выкупа — либо за арестованного, либо уже за труп. К нынешнему моменту в Ханкале сложилась целая система торговли человеческим материалом.

Это к тому, что бесплатно грязную работу никто из федералов выполнять больше не желает: когда могильник был обнаружен, стало очевидно, что военные всячески противодействуют выяснению истины, а штаб Объединенной группировки не собирается создавать условий для работы прокуроров. По информации правозащитного общества «Мемориал», ссылающегося на прокурора Грозного, «не хватает самых необходимых вещей — начиная от мешков для трупов и до аппаратуры для фото- и видеосъемок. Все военные службы отказались вывозить трупы из Дачного, и эту работу пришлось взять на себя сотрудникам про-

куратуры. Нет условий для проведения полноценной судмедэкспертизы. Судмедэксперт не имеет в своем распоряжении ничего, кроме резиновых перчаток и скальпеля. Нет шансов провести анализы для точного установления даты гибели людей. Из тел не извлекают пули. Все это создает предпосылки для дальнейшего развала уголовного дела».

Одновременно в СМИ потекла чудовищная ложь — это уже прокуратура Чечни стала выводить федералов из-под удара. Например, пошла гулять «утка»: под Ханкалой — якобы братская могила боевиков, отступавших год назад из Грозного... И всячески скрывалась информация, что среди трупов, например, — тело шестилетней девочки с простреленной головой, и она уж явно не боевик, и Нура Лулуева с сестрами, захваченные БТРом № 110 на рынке...

Пора подводить черту: даже судья в Чечне не в состоянии добиться правоприменения по своему личному делу. А о каком правосудии для других может идти речь?..

Сегодня Саид-Алви Лулуев с трагической усмешкой вспоминает молодость. В 80-е он закончил Свердловский юридический институт, и его дипломная работа была признана лучшей в стране. Тема — «Юридические гарантии законного и обоснованного применения норм права». Беда... Грандиозное историческое насмехательство над конкретной личностью.

Так что же делать дальше? Как выйти из порочного чеченского круга? Когда совершенно очевидно, что прокуратура — ни военная, ни гражданская — не способна установить контроль над правоохранительной ситуацией в Чечне. И никакой закон по-прежнему не действует. А на армейский разбой лишь одна влиятельная управа — купюры. Будановщина оказалась неостановимой. И значит, ни один человек не может быть в безопасности, когда рядом федералы. И мы обречены жить от одного воинского преступления, совершенного в Чечне, до другого, от ямы №2 к яме №25... И нам остается лишь констатировать. Но ничего не менять.

Март 2001

Масхадов опять молчит?

Кто приговорил Мусу Мурадова и еще трех чеченских журналистов к смертной казни

Муса Мурадов — главный редактор единственной независимой чеченской газеты «Грозненский рабочий» — получил анонимную листовку, из которой следует, что он, а также вся мужская часть коллектива газеты (Кушалиев Абуезид, Муцураев Алхазур, Турпалов Лема) решением «Верховного Шариатского Суда и Общего командования ВВМШМ» (Шуры, надо думать; написание первоисточника) обязаны покаяться в сотрудничестве «с оккупационными властями» и получении «денежных подачек» от «иудея Сороса». В противном случае они будут казнены, и приведение в исполнение приговора возлагается «на амиров и судей района».

Стоит объяснить, кто такие Муса Мурадов и люди, с ним работающие, и тогда станет ясно, до какой степени нешуточны эти, на первый взгляд, опереточные угрозы в их адрес.

«Грозненский рабочий» никогда — ни в масхадовские, ни в военные времена — надолго не прерывал своего выхода. А также **никогда** не желал быть «под кем-то»: газете неоднократно предлагали «спонсорство» все участники чеченского конфликта (и федеральная сторона, и масхадовская), но Мурадов всякий раз отказывался.

Ради одного — возможности выполнения своего журналистского долга, а такой, между прочим, есть, что бы ни выкрикивали наши злобные недоброжелатели.

В предложенных обстоятельствах работы — войны, игр спецслужб — Муса нашел лучший способ газетного выживания. Он не взял деньги ни у одной из противоборствующих сторон (хотя это был самый простой выход из положения), а подал заявку на получение гранта в Фонде Сороса, прошел там сложную систему отбора и получил средства на издание газеты от того, кто никаких политических требований ему не выдвигал и не требовал ангажированности в пользу себя.

Я не поклонница Сороса и не политическая его сторонница, но если фонд его имени обеспечивает журналисту независимость в условиях войны, то я вижу в этом исключительно положительные стороны.

Кто же этого не понимает? Главный, между прочим, вопрос в создавшейся ситуации — вопрос возможного спасения Мусы Мурадова.

Как известно, штаб боевиков сегодня — как бы последние ни пыжились — это виртуальная система, лишь периодически выходящая на поверхность. А их «Сопrotивление» возникает как реальное лишь когда это требуется делу продолжения войны. «Поговорить» же с этим «Сопrotивлением» можно, используя «Кавказ-центр» — спецсайт в Интернете. Именно через этот сайт мир, как правило, узнает, что думает Аслан Масхадов о происходящем на его родине. Часто эти мысли выглядят неубедительными и исключительно пропагандистскими, что и дает основания утверждать: «Кавказ-центр» — это Ястржембский наоборот.

Вот туда-то мы и обратились за разъяснениями относительно угроз, полученных «Грозненским рабочим». Сайт откликнулся быстро, представившись главным редактором Юсуфом Ибрагимом, и сообщил, что «пока у нас нет никакой информации», хотя «решения шариатского суда в таких случаях обычно передаются нам очень быстро, и мы склонны считать, что эту дезу запустило ГБ, в связи с чем мы считаем, что жизнь Мусы Мурадова под угрозой. Его могут убить русские спецслужбы, чтобы кричать на весь свет о том, что моджахеды убивают журналистов...»

Оказался не в курсе и Мовлади Удугов, «папа» «Кавказ-центра», давным-давно сбежавший из Чечни, но вроде бы поддерживающий тесные, постоянные контакты с Шурой и ее командирами...

Общие слова, как известно, лакомство спецпропагандистов. И мы стали настаивать: сообщите, кто персонально является сейчас главой Верховного шариатского суда? И значит, способен подтвердить или опровергнуть «мурадовское» постановление? Как зовут того районного амира (Муса родом из Грозненского сельского района, ранее, до уничтожения, амиром там был

полевой командир Бараев), и поэтому хотелось бы знать, кто конкретно будет приводить приговор в исполнение, если таковой действительно имеется?

Ответом сайта стало глубокое виртуальное молчание. Так мы и предполагали: нет главы Верховного шариатского суда, нет и районного амира, кроме погибшего Бараева.

Остается добавить, что до сих пор нет точки зрения на «приговор» и Аслана Масхадова, которого мы попытались разыскать по своим информационным каналам, но безуспешно. Нам известно: ищет его и сам Муса Мурадов — журналист, которому Масхадов, между прочим, крайне обязан, поскольку на протяжении долгих месяцев лишь усилиями Мусы мир узнавал, что думает Масхадов по тому или иному поводу.

Еще мы обратились в ФСБ — к другой стороне. У нас ведь на ФСБ возложена обязанность по руководству так называемой контртеррористической операцией. К тому же она и есть те самые спецслужба, в зоне интересов которых на первом месте — защита конституционных прав граждан, а главное из этих прав — жизнь...

ФСБ отделалась невнятными репликами: «Это боевики». А по сути — тем же молчанием в отношении «дела Мурадова и журналистов «Грозненского рабочего», что и «Кавказ-центр», и виртуальный Масхадов...

Тишина. А она, согласитесь, плохой товарищ в таких делах. Когда тишина самоуглубляется, ширится и множится день ото дня, жди беды. Этому научила нынешняя война.

И поэтому пора переходить к выводам: Мурадов и «Грозненский рабочий» — кость в горле всем участникам конфликта. По принципу: он не служит никому и поэтому он враг. А листовка? Знак, сигнал — мы тебе оставим жизнь, только если ты будешь «под кем-то», останешься сам по себе — умрешь. Вот настоящий приговор, вынесенный Мурадову и еще трем журналистам в стране, где продолжает утверждаться такая «демократия», когда **абсолютно никому** не нужна независимая журналистика, и проще уничтожить и списать на конкурирующую спецслужбу, чем смириться с существованием.

Кто же, конкретный, хочет убрать Мусу и трех его товарищей? Ответ очевиден: те, кто мечтает о продолжении войны. А

война сегодня, как известно, может продолжаться только на фоне предательства — смычки заинтересованных в этом федеральных и промасхадовских спецслужб. И неважно, какие у господ представителей имена: Иван Петров из ФСБ или Шамиль Басаев из Шуры. Главное — такое у них сейчас спецмероприятие.

Предательство? Без сомнения, двойное, по законам жанра, утверждающегося в российском обществе в связи с предыдущей профессией ныне избранного президента. Вы же все видите, какой стиль доминирует: если в ельцинские времена мы жили от одной его болезни до другой, то теперь плаваем между одним спецмероприятием и следующим. Завершилось спецмероприятие по уничтожению Виктора Попкова, независимого журналиста и правозащитника, смертельно раненного в Чечне и впоследствии скончавшегося, началось спецмероприятие по уничтожению Мурадова.

Так что, если завтра с головы Мусы Мурадова, Абуезида Кушалиева, Алхазура Муцураева и Лемы Турпалова упадет хоть один волос, будет ясно, чья это работа, — любая из сторон чеченского конфликта не может действовать единолично, не будучи поддержана другой, якобы ей противостоящей.

Напоследок о чеченском гражданском обществе. Где же они, просто чеченцы? В первую голову заинтересованные, чтобы Муса Мурадов и его коллеги — люди уникальные для этого общества — были живы и работали? Быть может, они завалили письмами протеста и возмущения все столичные газеты, администрацию президента, ФСБ, МВД, Генпрокуратуру, Басаева, Масхадова и «Кавказ-центр»?

Ничего подобного. И не в первый, между прочим, раз чеченцы отсиживаются. Включая тех, кто пользовался помощью «Грозненского рабочего» не раз и не два. Ради которых и работал Мурадов.

Сентябрь 2001

Может ли Муса Мурадов спать спокойно?

Потому что Высший Шариатский суд его ни к чему не приговаривал

День ото дня становится веселее работать российским журналистом. Одни угрожают, другие недовольны, третьи стороной обходят. Недавно мы писали о смертном приговоре, вынесенном «Высшим Шариатским судом Ичкерии» Мусе Мурадову, главному редактору единственной сегодня независимой чеченской газеты «Грозненский рабочий», а также трем другим журналистам этого издания. Повод к вынесению приговора — то, что Мурадов как главный редактор берет деньги на издание от «иудея Сороса». В переводе на нормальный это означает: чтобы выходить дальше, газета получила грант от Фонда Сороса, спонсирующего в стране школы, институты, библиотеки и много чего еще.

По этому поводу мы назадали массу вопросов всем, кто в нашей стране отвечает за безопасность граждан, а также небезызвестному сайту «Кавказ-центр» (его деятельностью руководит Мовлади Удугов, и это прямая сегодня дорожка до всего ичкерийского), к тому же сайту, обслуживающему интересы Шамиля Басаева, первого человека при той самой шуре, под крылом которой трудится сегодня Высший Шариатский суд.

И вот ответ, он пришел в редакцию 23 августа от имени главного редактора «Кавказ-центра» Юсуфа Ибрагима.

Дословно это звучит так: «В Высшем Шариатском суде при Маджлисуль Шура моджахедов (Верховный кадий — Абу Умар, его заместитель — Абдулалим Абу Дуджана) нам сообщили, что никакого дела в отношении журналиста Мусы Мурадова не рассматривалось и даже никем не вносилось на рассмотрение в Верховный Шариатский суд Чеченской Республики Ичкерия. Верховный кадий Абу Умар выразил надежду, что Мусу Мурадова российские спецслужбы все-таки не решатся тронуть».

Если это не очередная удуговская «утка», то Муса теперь может спать спокойно. Выходит, если ответственность не желают брать господ из Шуры, то кого же надо бояться Мусе Мурадову? Хотя и это понятно.

Сентябрь 2001

Почем кресло Генсека?

Однако уж слишком глубоко мы увлеклись реставрацией эпохи Брежнева в эпоху Путина.

Как только влиятельная международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) обнародовала доклад лишь об одном из сотен обнаруженных массовых тайных захоронений в Чечне, приурочив его выход в свет к прилету в Москву генсекретаря ООН Кофи Аннана, и потребовала усилий международного сообщества (в первую очередь, конечно, ООН) для проведения полноценного расследования, кто убил людей, чьи трупы были обнаружены — тут-то и поднялась волна кремлевских опровержений, гневных откликов и отповедей, а высокопоставленные чиновники, обычно бегающие от телекамер, скорее всего нашли время, дабы поделиться информацией, что «ничего похожего нет».

С чего это вдруг наша власть так нервно заерзала на стуле, будто ей кнопку подложили?

И можно ли такой «кнопкой» считать визит генсекретаря Аннана?

И почему, в конце концов, высший ооновский дипломат промолчал там, где подобное поведение было абсолютно неприличным, исходя из занимаемого им поста? И требовались хотя бы гримаса примитивного сочувствия да пара пусть протокольных, но все же слов о необходимости обуздать военную преступность в Чечне?..

Очень многие нюансы свидетельствовали, что мы присутствовали при заключении бизнес-сделки на человеческих костях. Получился выгодный, с профитом для каждого, контракт — двух «высоких сторон»: Кремля и первого лица ООН.

Но при чем тогда нервозность? Это суетливое мельтешение с комментариями придворных лугунов?

Все вполне логично и укладывается в бизнес-схему. Первая нервическая реакция была связана с тем, что российская сторона, не будучи до конца уверенной в Его Превосходительстве, крайне опасалась, что в последний момент, после доклада HRW, сделка сорвется.

Однако обо всем по порядку. Сначала — главные положения доклада правозащитников, который представляет из себя предельно детализированный, почти прокурорский, текст о массовом захоронении, обнаруженном в январе—феврале этого года недалеко от Грозного и через дорогу от Ханкалы, главной российской военной базы в Чечне.

Общее число обнаруженных там трупов — 51. Характерен принцип: как удалось обнаружить это массовое захоронение? Информация о первом трупе — в нем опознали Адама Чимаева (исчез 3 декабря 2000 г.) — попала в руки семьи Чимаевых вследствие коммерческой сделки: родственники выкупили координаты захоронения у офицера, имевшего отношение к охране Адама, когда он находился на территории Ханкалы, за 3000 долларов (в рублевом эквиваленте).

После произведенной оплаты семье было позволено забрать труп в указанном месте.

Дальше по Чечне пошел слух об этом, и в поселок Дачное под Ханкалой хлынули родственники других бесследно исчезнувших либо похищенных военными чеченцев. В результате 19 тел были идентифицированы. Но 34 — нет, и 10 марта 2001 года, без предварительной огласки, неопознанные трупы были захоронены военнослужащими. Без сохранения положенных в таких случаях биопроб.

В своем докладе HRW привела многочисленные свидетельства о том, как вела себя прокуратура, российское правительство и президентские структуры в этот момент, называя его неадекватным. Суть поведения — российская власть не желала никаких особенных выяснений дела о массовом захоронении, отрицая, что это дело военнослужащих.

Однако правозащитники «выписали рецепт» и международному сообществу — оно ведь также оказалось глухо к трагедии Дачного. США, Евросоюз, Европарламент и ОБСЕ фактически сделали все, чтобы затушевать эту историю, а Алваро Хиль-Роблес, главный европейский комиссар по правам человека, слетав с инспекцией в Чечню сразу после обнаружения захоронения (27—29 февраля), даже не посетил Дачное и не встретился с родственниками опознанных, ограничившись официальным приемом военных.

Кроме того, HRW дала разъяснения, какие основополагающие документы ООН Россия нарушила, но ООН, фактически получив плевок, дипломатично это не заметила. Резюме доклада — возобновление расследования по массовому захоронению в Дачном обязательно. Для этого должна быть срочно создана специальная международная комиссия, первое дело которой — эксгумация 34 спешно захороненных неопознанных трупов силами Международного Красного Креста, группы содействия ОБСЕ, экспертов Совета Европы, представителей Комиссии по правам человека ООН. То есть — установление в некотором роде международного протектората над дальнейшим расследованием трагедии Дачного...

Чтобы понять механизмы реакции Кремля и генсекретаря Аннана на такие эскапады, взглянем поподробнее в то, что происходит в ООН весной 2001 года. И прежде всего к тому, как себя чувствовал Кофи Аннан. Вспомним в эту картинку с одной целью — возможен ли в принципе подобный международный протекторат в Чечне под эгидой ООН? Что может генсекретарь? И что хочет? Да и хочет ли вообще?

Надо сказать, когда доклада HRW еще не было и в помине, равно как и общественного скандала, с ним связанного, «Новая газета» уже пыталась найти ответ на те же самые вопросы в Нью-Йорке, причем непосредственно в штаб-квартире ООН. Более того, в самых что ни на есть дипломатических кулисах-кулуарах — комнате отдыха между заседаниями Совета безопасности, где, собственно, и варится международная так называемая «гуманитарная» политика.

Естественно, что в эти скрытые от посторонних глаз места корреспондента «Новой газеты» провели и представили, «кому надо», нелегально (легально — нереально). И тому, кто это сделал по нашей просьбе, огромная благодарность, поскольку пошел он на подобное именно потому, что знал вопросы, меня интересующие, истинную цель и причину нелегального проникновения в кулуары Совбеза, разделял эту боль: что может сделать ООН для разрешения тяжелейшего чеченского кризиса? Как остановить непрекращающиеся страдания гражданского населения в Чечне? Каковы реальные, не паркетные, настроения в Совбезе? Возможен ли международный протекторат?..

Кстати, эти вопросы родились не случайно, не по прихоти, а из огромного объема информации о реальной обстановке в Чечне — не той, что старательно вырисовывают помощники в бумагах, подаваемых президенту, и не той, что полита розовым сиропом теленовостей. За этими вопросами — одна-единственная движущая идея: как остановить войну и прекратить массовые нарушения прав человека в Чечне? А вместе с ними и массовое же разложение армии, стремительно теряющей облик, хоть чем-то смахивающий на человеческий.

Моя позиция не высосана из пальца за письменным столом, она основана на обсуждении десятков вариантов мирного урегулирования с сотнями жителей Чечни — и простых, и занимающих какие-либо посты, живущих и в Грозном, и в селах, и в равнинных, и горных. И эти люди, если суммировать их точки зрения, говорят так: в ситуации, как она сложилась к весне 2001 года, без международного протектората обойтись уже невозможно. И хотя официальная Москва не желает даже думать в подобном направлении, считая его унижительным для себя, такой исход неизбежен. Третья сторона необходима как воздух — ей предстоит развести на время противоборствующие стороны (а сегодня это отнюдь не боевики и федералы, как уверяет официальная кремлевская пропаганда, а, скорее, федералы и гражданское население), утихомирить страсти, насколько это возможно, и повести дело к смягчению политических позиций.

Но вернемся в Нью-Йорк. На Манхэттен. В ООН-овский «спичечный коробок». Большинство опрошенных дипломатов, работающих в Совете безопасности, от которого зависит введение миротворческих сил ООН в любой из регионов, сошлись во мнении, что «провести вопрос» практически невозможно. Для направления миротворческих сил с мандатом от Совбеза требуется согласие двух противоборствующих сторон. В данном случае гражданское население, принимающее на себя ежедневный удар нарушений прав человека, не может быть признано в соответствии с документами ООН одной из таких «противоборствующих сторон». Ну а о «согласии» стороны российского правительства говорить, конечно, не приходится.

Впрочем, есть и другой вариант получения мандата ООН на подобный протекторат: так называемая «силовая операция по установлению мира», предусмотренная «седьмой статьей».

(Именно по официальному протоколу с этим номером проистекали памятные события в Ираке и Югославии, завершившиеся спустя какое-то время большими неприятностями для США, лишившихся места в Комиссии по правам человека ООН.)

Если суметь подвести чеченский кризис под «седьмую статью», уверяли совбезовские дипломаты, то согласия «противоборствующих сторон» не потребуется. Хотя все равно будет трудно, Ирак и Югославия — это не Россия. Они — просто члены ООН, мы — постоянные в Совете Безопасности с правом вето. Решение по «седьмой статье» принимает Совбез. И это значит, вносить в Совбез подобные предложения можно кому угодно и сколько душе угодно, но обсуждение их будет длиться вечно, а результат будет предопределен точкой зрения российского правительства. Не захочет Россия — не сможет Совбез. Большинство дипломатов, работающих тут, пришли к единому выводу: вариант с миротворческой деятельностью ООН в Чечне исключен, и не надо тешить себя иллюзиями. И есть лишь один человек, который может повлиять на ситуацию и помочь выйти из тупика, — это лично генеральный секретарь ООН. Поэтому дальше — речь о Кофи Аннанае.

Так можно ли на него надеяться? Именно этот вопрос я задала дипломатам Совбеза. И они рассказали о сценарии, воплощенном позже в Москве: Кофи Аннан абсолютно глух к положению с правами человека в Чечне (а значит, и к докладу HRW). Кстати, моими источниками были не просто дипломаты третьего звена, а работающие под непосредственным руководством Кофи Аннана. И они уверяли: ему сегодня безразлично, кто и как страдает на крошечном пятачке планеты, раз этот пятачок располагается на территории Российской Федерации. Ему важно другое: остаться на второй срок генсекретарства. Любой ценой.

В нашем случае цена — Чечня. И генсекретарь будет молчаливо «благословлять» войну на Северном Кавказе до тех пор, пока Россия будет помогать ему сохранять кресло. Ну а уж как удобен такой «креслолюбивый» Аннан для России, думаю, сомнений нет ни у кого. Вся советская политика на том и строилась (а мы имеем ее явственный ренессанс), что коммунистические лидеры оказывались чем-то выгодны западным и международным ВИП-лицам, в результате чего последние закрывали глаза на кошмар, именуемый жизнью в СССР, и под-

кармливали режим дотациями и займами, только бы он не грозил социальными катаклизмами.

Итак, в апреле 2001 года в Москве все случилось в этих лучших традициях советских времен: сделка на высшем уровне благополучно состоялась, и по сути своей точно такая же, какими они были в коммунистические годы. Путину удобен Кофи Аннан на посту генсекретаря ООН, поскольку сговорчивый и при нем давления на Россию в связи с Чечней вряд ли стоит опасаться. Аннани нужен Путин как электоральный голос. Если учесть, что сегодня подобные заморочки характерны и для отношений России с Евросоюзом, Европарламентом, ОБСЕ и др. и пр., то ждать манны небесной не приходится.

Что же все это значит? Случается в жизни, от тебя отступают все, и в тяжелейшие времена в сторону отползают даже близкие твои друзья, а уж о попутчиках и речи нет. Это значит, тебе предстоит выдюжить самому. С Чечней именно так и происходит: мы должны сами остановить войну, нам никто не бежит на помощь. Мир, Запад, сообщество отступились и позволяют нашей власти творить в Чечне все, что ей хочется, одновременно выдав индульгенцию на официальную ложь и демагогию. И тем все туже закручивая чеченский узел. Вспомните: ведь это уже было. Именно молчаливое согласие международного сообщества с «показательным Чернокозовом», следственным изолятором в Чечне, постепенно превращенным в потемкинскую деревню с целью приема высоких международных гостей, их также вполне устраивавшим, спровоцировало дальнейший разгул истреблений и бессудных казней: когда люди десятками, а потом и сотнями стали не в тюрьму попадать, а попросту исчезать, после чего их тела находили лишь случайно, захороненными так, что и комар носу не подточит...

Поэтому, даже если небо упадет на землю и под давлением HRW Москва согласится продолжать расследование массового захоронения в Дачном, то через некоторое время Дачное постигнет судьба Чернокозово. Как бы кощунственно это ни прозвучало, но Дачное ожидает участь образцово-показательного захоронения — власть всячески изворачивается. И скоро, будьте довольны, в Дачное сбитыми стайками организовано повезут иностранных журналистов и парламентариев...

Это и будет итогом доклада, рожденного HRW с целью давления на генсекретаря ООН. Как ни прискорбно.

А что в Чечне, поменянной Кофи Аннаном на кресло? Все то же самое — волна ужаса, лжи и террора. Поговаривают, 13 мая в Урус-Мартане был задержан сам Арби Бараев, полевой командир и жестокий палач, но в тот же день отпущен по велению коменданта Урус-Мартановского района, сославшегося на распоряжение сверху... А 14 мая в том же Урус-Мартане к дому семьи Бардукаевых подъехал БМП без бортовых номеров — в январе из этого дома во время зачистки увезли шестерых мужчин, троих из которых вскоре отпустили, а о судьбе остальных почти полгода семья ничего не знала. Офицер, слезший с БМП, используя один в один методы Арби Бараева (помните отрезанные головы на снегу?), показал родственникам фотографии с трупами без вести пропавших братьев Бардукаевых (те их опознали) и потребовал 1500 долларов за то, что укажет место захоронения... Все то же самое, что с Дачным и первым трупом Адама Чимаева. Только трупов здесь поменьше, и поэтому цена не 3000, а 1500.

•
Май 2001

Люди, которые не могут ждать

Ни дня, ни месяца. Это — старики

Строители, «восстанавливающие Чечню», пыгаются нагреть руки даже на Грозненском доме престарелых. «Антитеррористическая операция на Северном Кавказе» продолжает бить по самым обделенным.

Есть граждане, которые умеют выжидать. Свое. Считая, что оно — их кровное. Это строители, «восстанавливающие», согласно документам, Грозненский дом престарелых и уже «освоившие» более трех миллионов рублей. Что сделано на эти деньги?.. Законный вопрос — все хорошее всегда осязаемо.

... — Так где же ваша канализация? — Нету, — отвечают бабушки. — Зато, посмотрите, чешская благотворительная организация нам недавно построила уличные туалеты. Посмотрите, какие красивые. — Действительно, белые, ухоженные...

— А почему у вас пленка парниковая на окна натянута? Как год и два назад?

— Нет, кое-где — уже стекла, — говорят дедушки.

— А где водопровод? А свет?..

— Вода привозная, электричества нет, у нас все тот же дизель. Помните?

Помню, конечно. Потому что этой бесконечной отечественной трагедии с участием нескольких десятков немощных людей, находящихся на государственном попечении, — уже почти три года. Ровно столько, сколько второй чеченской войне.

Коротко о предыстории нашей, «Новой газеты», предвзятости во всем, что касается Грозненского дома престарелых. Это было так.

Война в Чечне началась осенью 1999 года. Весь тогдашний отчаянный сентябрь, октябрь и ноябрь по направлению из Грозного тянулись прочь от бомбежек многокилометровые беженские очереди. Сотни подросших чеченских внуков несли в спасительную Ингушетию на руках своих дедушек и бабушек и закрывали их своими телами при обстрелах.

Туда-сюда катались БТРы, и ветер разносил над толпой запах современного конца света — солярки.

И вот в этой толпе однажды кто-то сказал: «А ведь, похоже, в Грозном забыли дом престарелых...» То есть ничейных, государственных, стариков. «Голодают, наверное, они там...»

Вскоре все полностью подтвердилось: страна, борющаяся с международным терроризмом, забыла в заблокированном городе дом престарелых в количестве более чем 90 человек.

Так началась наша битва за их спасение. Осенью «Новая газета» предприняла все мыслимые и немыслимые усилия с целью склонить принимающих решения политиков к милосердию по отношению к брошенным старикам.

И? Ничего не добились... Тогда мы обратились за помощью к нашим читателям. Были собраны деньги на оплату двух автобусов, водители которых согласились вывезти стариков из зоны сплошного огня. В Грозный отправилась группа сотрудников-добровольцев МВД Ингушетии под командованием Магомета Яндиева. В декабре стариков привезли в Ингушетию. Спасли...

Но и это был не финал. Ранним летом 2000 года бабушек и дедушек неожиданно вернули в Грозный. Взяли да вернули на руины. Картина вышла тяжкая: старики опять очутились в своем дворе. Вокруг костерка, грели чай. Ни воды, ни света, ни окон, ни дверей...

И все повторилось: вопросы, заданные власти о том, как она собирается обихаживать тех, кто на ее попечении, опять оказались разговором с глухонемыми. И мы опять обратились к нашим читателям; и было собрано пять тонн продуктов, медикаментов, одежды, белья... МВД расщедрилось дизелем. Мы привезли все это в Грозный. И мечтали, что жизнь вот-вот наладится, власть проснется, начнется ремонт, появятся свет и вода...

Теперь, в июне 2002 года, в Грозненском доме престарелых по-прежнему нет света и воды, все та же дырявая крыша и обшарпанные стены в отметилах обстрелов. А новую жизнь, о которой так мечталось, символизируют строители собственной персоной.

Одетые в костюмы, местами даже дополненные галстуками. В их руках — аккуратные папочки.

Это те самые господа, кто, согласно документам, хранящимся в правительстве Чечни, начали «ремонтно-восстановительные работы» Грозненского дома престарелых еще в октябре 2001 года.

«Строители» стоят на втором этаже между голыми стенами, над их головами — небо, под их ногами — густая грозненская пыль.

— Мы — в столовой, — торжественно обводит рукой вокруг себя «подрядчик» Арби Бахарчиев, представившийся начальником СМУ-8 в составе госпредприятия «ЧУС» (Чеченское управление по строительству).

— Мы — в пыли... — На моем месте так ответил бы каждый.

— Да, согласен, в будущей столовой. И в будущем пищеблоке, — не моргнув глазом поправляет себя начальник Бахарчиев, человек с почти тремя миллионами (по документам) «стариковских» рублей в кармане.

И продолжает:

— Вот выбейте нам в Москве еще денег, тогда сделаем. А пока придется ждть...

Ждть?! Грозный последних трех лет — это все что угодно, но не место, где хоть у кого-то есть время на ожидание. И «строителю» Бахарчиеву отлично это известно: умереть можно в любую следующую минуту и от чего угодно. Плохого настроения военных, забытой мины, инфаркта, когда видишь, как рядом умер другой.

Тем более это касается грозненских стариков — вот уж у кого совсем не осталось времени в запасе. И судьба жильцов дома престарелых — тому полное подтверждение. Сегодня их тут — 64 человека. Но из тех, кого вывозил Магомед Яндиев из-под бомб, остались немногие. Они теперь умерли, так и не дождавшись обустроенной государством приличной послевоенной жизни.

...Нет больше Тамары Сергеевны Левченко, она скончалась в декабре прошлого года, почти год спустя после Марии Сергеевны, своей сестры. Эти две грозненки просидели самые страшные бомбежки в подвалах, переползая из одного в другой, и когда совсем ослабли, а у Тамары Сергеевны появились признаки голодного безумия, Мария Сергеевна погрузила сестру на тележку и привезла на Катаяму (микрорайон Грозного), в дом престарелых.

Первой умерла Мария Сергеевна, известный грозненский инженер, в довоенном прошлом крупный специалист своего строительного дела. Скоротечно, от рака, развившегося стремительно, как только отпала необходимость ежечасно искать про-

питание для сестры. А теперь нет и Тамары Сергеевны, безумие которой поутихло, лишь только она вышла из голодной дистрофии, но вот со смертью сестры сердце не справилось...

— Кресты мы поставили обеим, — рассказывают сотрудницы дома престарелых. — Как полагается, проводили в последний путь. Надписи сделали. Может, после войны кто-то из родственников все-таки захочет могилу проведать?.. Может...

— А брат приезжал к Тамаре Сергеевне хотя бы на похороны? — спрашиваю, потому что знаю: на похороны Марии Сергеевны он, бывший офицер Левченко, а ныне бизнесмен, живущий не так уж далеко, в Волгограде, так и не выбрался.

— Нет, и к Тамаре Сергеевне не приезжал.

Такая тут главная беда — вдобавок ко всем, свалившимся вместе с войной: у большинства жителей дома престарелых «в России» есть родственники, помнить о них не желающие...

— Да-да, я все понимаю. Что грех тут не спешить с ремонтом... — почти сочувственно кивает головой строительный начальник Арби. И можно было бы даже ему поверить. Если бы не глаза... Они холодны и циничны, и слова он чеканит слишком твердо.

— Дайте денег, — ставит Арби точку. И весь разговор.

— Но вам же их дали? Уже!

— Мало.

— Но вы же за них еще не отчитались? На что потрачены вами уже почти три миллиона?.. На пыль вместо столовой?..

Но это глупость — метать бисер перед Арби.

Сегодняшнее так называемое «восстановление Грозного» — это бюджетная трагедия и большая беда всей нашей государственной машины. А «твердость» Арби Бахарчиева абсолютно закономерна для той системы полной безответственности, которая сконструирована в Москве для разбазаривания очередных денег «на Чечню».

В соответствии с установленным порядком строители, якобы возводящие новые корпуса Грозненского дома престарелых, подчиняются, а значит, и отчитываются только перед так называемой «Дирекцией по восстановлению» (начальник — г-н Попов), которая располагается в столице нашей Родины (и не важно, что маложизнеспособное представительство «Дирекции»

имеет место быть в Грозном, не важно, поскольку это никак не отражается на конечных результатах)...

Магомед Вахаев, министр труда и социального развития Чеченской Республики, в чьем ведении дом престарелых, разводит руками: у него нет права что-либо требовать со строителей, он, Вахаев, обязан по должности заботиться о стариках, находящихся на гособеспечении, и оберегать их, но он не имеет шансов даже вызвать строителей в свой кабинет, не то что стукнуть кулаком по столу и сказать: «Прекратите разводить долгострой! Не отмывайте деньги! Не мучьте стариков!..»

И выходит следующее: если строители НЕ ХОТЯТ что-то делать, потому что это им невыгодно, — ту же столовую с пищеблоком, то они и не делают. Хотя по документам — работы в разгаре... И пойдя придерись — все сотворено хитро: стены столовой — на месте, а то, что крыши нет, так это потому, что «денег нет»... Канализация? Она — тоже из разряда невыгодных.

А что же выгодно? Объяснения СМУшников потрясают цинизмом: пусть стариков потеснят, мы комнаты им подкрасим, пригласим сюда членов чеченского правительства с их «прирученными» телекамерами, члены покрасуются на фоне свежеекрашенных стен, и на этом удалятся по своим рабочим местам...

И старики продолжают умирать.

А те господа, перед которыми обязан отчитываться Бахарчиев, — какие работы выполнены, а какие нет?.. Они, у кого есть право что-либо диктовать Бахарчиеву, — в Москве, трудятся над бумагами в той самой «Дирекции» и носа не кажут в Грозный, не подвергая свою жизнь дополнительным угрозам и не утруждая себя тем, чтобы посмотреть в глаза измученным войной старикам...

Я не знаю, как быть в такой стране... Я не знаю, как жить...

Быть может, это знаете вы?

— И все же, что конкретно вы сделаете тут к зиме? — Пора возвращаться к работе, и я спрашиваю Бахарчиева, потому что больше спрашивать, по сути, некого.

— Что сделаем, то и сделаем, — отвечает он, еще раз давая понять, что пойдет на компромисс, только если в его распоряжении окажутся новые бюджетные суммы «на восстановление дома престарелых», а в противном случае он и впредь будет отсылать всех особо интересующихся к странной сметно-проект-

ной документации, утвержденной в Москве, но выполненной почему-то в Дагестане (!), в «Даггражданпроекте» без всякого выезда в Грозный, отчего и произошла очевидная глупость в установленном порядке работ.

...А в палате № 7 — все те же судьбы, хотя и другие лица. Прежние обитатели 7-й умерли, не дождавшись всех этих ремонтов по хитрым московским лекалам... Плачет недавно ослепшая тетя Маша — 79-летняя Мария Ивановна Проколова, всю жизнь отработавшая в горячем цеху на кирпичном заводе. Полгода как пришла она в дом престарелых, дойдя до крайней черты истощения...

Зовет тетя Маша родных, которые в Молдавии, в Скулянском районе... Не приезжают за ней родные, и руководят ее жизнью Попов с Бахарчиевым.

Рядом — ее ровесница Вера Ивановна Драчева, грозненка, приветливо улыбаясь, благодарит, и опять благодарит, и снова благодарит дом престарелых... И ни слезинки — держится. Отписала она свою разбитую грозненскую квартиру правнучке и ушла прочь, сюда...

— А правнучка проведывает?

— Нет. Да и не надо. Мне очень хорошо... Очень. Спасибо... Спасибо... Спасибо...

...В мою руку впивается Антонина Степановна Григорьева, когда-то главный бухгалтер крупного треста, а теперь брошенная и дочерью, живущей в Нальчике с двумя взрослыми внучками, и государством...

— А была ведь и у меня жизнь, — говорит Антонина Степановна. — Теперь — ничего.

— Бабулечки, давайте не будем вспоминать... — говорит Зина Тавгиреева, бессменная медсестра дома на Катаяме, светлый, чудесный человек.

И, обращаясь уже ко мне:

— Я не спрашиваю их о прошлом. И о родственниках. Потому что это заканчивается плохо. У них поднимается давление, начинает болеть сердце. А они заслужили, чтобы дожить спокойно, в тепле и уюте.

По крайней мере, не в разрухе, к чему дом престарелых опять близок, как никогда.

— Зина, а как же дизель? Работает? Что-то не слышно?

— Работает, а сейчас ведь день... Он — наша главная радость.

Помните, в конце 2000-го МВД подарило дому престарелых этот аппарат? С тех пор его тут так и зовут «дизелем Рушайло». И — чух-чух-чух по вечерам... И бабушки с дедушками смотрят телевизор, чего лишены многие грозненцы. А по утрам снова: чух-чух-чух... И санитарки запускают стиральную машину. И не встающие с постели старички лежат потом на чистом и сухом белье, ежедневно меняют его, а он благоухает хорошим порошком, а не вонючим коричневым хозяйственным мылом, чем до сих пор пахнет практически весь Грозный...

Так что не так уж бессмысленна отдельная личная инициатива, как кому-то может показаться. Дизель этот именно и был личной инициативой тогдашнего министра внутренних дел Владимира Рушайло — спасибо ему.

Пусть знает Владимир Борисович, что в доме престарелых на далекой от Кремля и Совета безопасности, где теперь он руководит процессом, грозненской Катаяме дизель так и зовут: «Дизель ты наш Рушайло». И хотя многие старики в силу возраста и перенесенных лишений совершенно не помнят, кто такой Рушайло, но вечерний свет в своем нынешнем доме величают именем этого человека. А не своих родственников, забывших о них... И в мир иной многие из них ушли при свете «дизеля Рушайло».

Почему так много здесь именно про этот дизель? Тому две причины: во-первых, он так и остался единственным крупным достижением со стороны власти по отношению к Грозненскому дому престарелых. А во-вторых, у Попова с Бахарчиевым есть тот же уникальный шанс — навсегда остаться в памяти десятков обиженных жизнью стариков, у которых нет времени ждать.

Июнь 2002

Последнее слово полковнику Буданову

Беспрецедентный суд опустился до беспрецедентного оправдания самосуда

1 июля в Ростове-на-Дону, в зале заседаний Северо-Кавказского окружного военного суда, должно прозвучать последнее слово полковника Юрия Буданова, бывшего командира 160-го танкового полка, обладателя двух орденов Мужества, участника и первой, и второй чеченских войн, закончившихся для него тем, что 26 марта 2000 года он похитил из чеченского селения Танги-Чу 18-летнюю девушку, зверски задушил ее в своей штабной палатке и с 27 марта того же года находится под стражей.

Однако, каким бы оно ни вышло, от содержания последнего слова этого господина уже почти ничего не зависит в исходе судебного спектакля, вошедшего в новейшую российскую историю как «дело Буданова».

Во-первых, потому, что судебные эксперты Института им. Сербского изготовили именно такое заключение, которое позволяет суду оправдать полковника.

Во-вторых, суд под председательством полковника Виктора Костина с удовольствием воспользовался этими экспертными «художествами», отметя ВСЕХ свидетелей, которые могут быть свидетелями ПРОТИВ оправдательной для Буданова версии.

В-третьих, также позади — беспрецедентное как с человеческой, так и с юридической точки зрения заключительное выступление государственного обвинителя (военного прокурора Назарова), в котором он от имени государства фактически потребовал победы права мести над всеми законами, по которым живет Российская Федерация.

Что все это значит? Для нас? Для вас? Для всех? И сколько стоит радость сторонников полковника Буданова и его товарищей по оружию, которые уже празднуют победу и готовят «отмазанному» танкисту красивую шумную встречу у тюремных ворот? Несчастные...

Цена этой «победы» — ноль. Полное «зеро». И Буданов как таковой тут уже почти ни при чем — мы теперь все дружно, чохом, улетаем в черную дыру зоны под названием «МОЖНО ВСЕ!», зоны, свободной от законов. Мы — как «за-будановцы», так и «против».

То, что суд говорит этому конкретному полковнику: «ЖИВИ, КАК ЖИЛ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЖИЛ ПРАВИЛЬНО», значит: МОЖНО уничтожать, насиловать, грабить и таким образом мстить всякий раз, КОГДА ТЫ ЛИЧНО (без оглядки на закон) ПОСЧИТАЕШЬ, что повод для мщения есть...

И отныне каждый насильник, убийца и грабитель может спокойно апеллировать к будановщине, каковой она вышла на круг теперь.

Так есть ли повод радоваться, когда под этот каток может попасть ЛЮБОЙ, и мать любого, и дочь любого?..

Однако «зеро» это и для самого Буданова. Вырождение суда над полковником в свое нынешнее состояние означает смертный приговор и самому танкисту-убийце. Ведь если юридическим образом устанавливается ГЛАВЕНСТВО МЕСТИ НАД ПРАВОМ, это значит: так можно поступить и с самим этим «русским офицером». Победа мести над правом — это совершенно простые и понятные вещи: если убили твоего сына-брата-дочь... — то ты убей убийцу. Око за око, зуб за зуб. Кровная месть. Ведь победа законов джунглей над национальным российским правом, над Конституцией, УК с УПК, над всеми законами, ради которых существуют Дума с Советом Федерации, потратившие уже огромные средства государственного бюджета ради принятия достойного СВОДА ЗАКОНОВ...

Отныне все это — пустое. Все перечеркнуто, испачкано. И утрачено. «Правовое государство» вкупе с пресловутой «диктатурой закона» оказалось пшиком рядом с анархией армейского беспредела на территории Чеченской Республики.

...На минувшей неделе, накануне последнего слова полковника Буданова, судебные заседания покинули семья Эльзы Кунгаевой и их адвокаты. В знак протеста. Заявив, что не имеют никакого морального (Кунгаевы) и профессионального (адвокаты Абдула Хамзаев, Станислав Маркелов, Людмила Тихомирова) права поддерживать столь вопиющее презрение к законам Рос-

сийской Федерации. Если она еще, конечно, осталась на том месте, где мы все еще недавно надеялись построить правовое государство на демократических принципах.

P.S. В Чечне сегодня нет равнодушных к делу Буданова. Чечня содрогается, слушая новости из Ростова-на-Дону. Правда, у этих содроганий разный вектор. Военные не скрывают свой довольный, радостный смех, приветствуя ход судебного спектакля, и открыто признают, что теперь и у них не будет проблем, «если что»...

«Что» в Чечне — это жизнь по-будановски в зоне «антитеррористической операции». Люди Чечни, гражданское население, соболезнуют и Кунгаевым («мы же говорили им, что так и будет»), и себе, обсуждая, куда из России бежать...

Июль 2002

•

Как умирают в ходе «вежливых зачисток» и в перерывах между ними?

Прошел месяц, как на свет явился теперь уже знаменитый приказ № 80 по Объединенной группировке войск и сил на Северном Кавказе, подписанный командующим ОГВС генералом Молтенским. Те, кто следит за событиями второй чеченской войны, знают, что речь в нем идет о некоем новом этапе так называемой «антитеррористической операции» — этапе «вежливых зачисток» в Чечне или «мягкого беззакония». Взамен недавнего — тотального, сопровождавшегося убийствами, пытками, грабежами и похищениями людей силами военнослужащих. Напомним, 80-й приказ был сразу же объявлен «поворотным» и прорывным — причем как представителями администрации президента Путина, так и правозащитниками, на сей раз слившимися с властью в едином идеологическом порыве.

Что произошло в Чечне за этот месяц жизни по-новому? Насколько успешно идет перевоспитание военных, во исполнение приказа их собственного командующего? Изменились ли взаимоотношения федералов и гражданского населения?

Дикие сады

...Водителя начинает бить дрожь — он живет неподалеку и слишком хорошо знает, что может произойти тут, на пустынной намокшей от дождей грунтовке между Садами. Мы едем по ней и вдруг видим свежий след бронетрека — это федералы. Они впереди, никак не разминуться — очередной летучий отряд военных неизвестной силовой принадлежности, неясных целей и задач, каких полно в сегодняшней Чечне. Чем заняты? Почему прикатили сюда дождливым воскресным вечером?..

Молчаливые мрачные солдаты с закрытыми лицами рассредоточены по обе стороны дороги и держат грунтовку со всем ее содержимым под прицелом. Поодаль копошится группа людей в камуфляжах — но как в немом кино. Когда видно, но не слыш-

но — почему-то военные стараются не производить лишнего шума, и странная неестественная тишина висит вокруг, тишина в окружении десятков людей, обвешенных оружием. Бронетехника тоже заглушена. Повезет?.. Нажать на газ? Подумают, что убегают. На тормоз — что суют нос «не туда»...

— Плохо дело, — роняет водитель. — Наверное, опять труп привезли. Скидывают...

У этой дороги, ведущей из селения Гойты в райцентр Урус-Мартан и разрезающей надвое заброшенные в войну фруктовые сады бывшего совхоза имени Мичурина — совсем испорченная современная история. С недавних пор военные, дислоцированные в Урус-Мартановском районе, облюбовали плохопроходимые неухоженные фруктовые заросли под место для бессудных казней и тайных захоронений. Действительно, тут мало что видно уже шагов через десять: слева — джунгли грушевые, справа — яблоневые.

— Аслана нашли там, под грушами, — говорит водитель.

Мы тут, собственно, именно по этому поводу, чтобы осмотреть место финального акта личной трагедии 33-летнего гойтинца Аслана Ахмадова. Он воевал в первую войну, а во вторую — безвылазно сидел дома, в Гойтах. Считал, что нельзя поддерживать тех, кого тут называют «бородачами», — точно так же считал, как сегодня глава республики Ахмат-Хаджи Кадыров. Но Аслана это не спасло. Как-то он взял «семерку» у племянника и поехал в центр села. Просто так, пообщаться. Там остановился, увидел знакомого, вылез из машины, разговорился. Это видели десятки гойтинцев. Вскоре рядом с Асланом остановились «пятерка» и УАЗик, оттуда выскочили урус-мартановские ФСБ-шники, без каких-либо объяснений затолкали его на заднее сиденье «семерки» — и были таковы... Родственники, бросившиеся на поиски похищенного, тем же вечером увидели только один след этого преступления — свою «семерку», стоящую во дворе районной военной комендатуры (где в том же здании, на третьем этаже — райотдел ФСБ). Однако, как это обычно бывает тут в подобных случаях, ВСЕ СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ, располагающиеся в Урус-Мартане, ответили: «Мы его не брали». — «А кто?» — спросили родственники, но вопрос так и остался без ответа.

Тем не менее следующим утром в дом Ахмадовых на улице Кирова приехали с обыском — первым, а потом, вскоре, и вторым... Второй был с матом и издевательствами. Еще некоторое время спустя по телевидению, по первому каналу, объявили, что в Чечне задержан «полевой командир Аслан Ахмадов». Через несколько часов об этом сообщили и другие каналы: но уже не просто «задержан», а «уничтожен при нападении на колонну федеральных сил». И продемонстрировали карту: где шел бой — на гойтинской окраине... «Операция спецслужб прошла успешно...», — отрапортовали те, кто рапортует... И братья Аслана бросились осматривать указанное по телевизору место, но, не найдя никаких следов боя (а никто в селе в тот день не слышал даже одиночных выстрелов, не то что «нападения» с перестрелкой), опять объехали все районные гражданские и силовые властные структуры: «Где он? Что случилось? Ведь это вы его увезли? Какой бой?.. В одиночку? С колонной и ее боевым охранением?»

Там пожимали плечами: «Ничего не знаем...» Но к ночи в Гойты пришел сотрудник ФСБ — посредник, которых в Чечне сейчас немало («рынок» слишком большой — тысячи задержанных, исчезнувших и трупов — вот и посредников полно), и сообщая, что Ахмадов Аслан Зайндиевич убит сотрудниками ФСБ, а труп выброшен в Дикие Сады. Указал точное место — без этой определенности искать там можно долго: фруктовые плантации занимают обширную территорию примерно три на три километра.

Тело Аслана, действительно, лежало под только что распустившимися грушами. Его сложно было опознать. Труп взорвали — и головы так и не нашли. Но семья сегодня уверена: им повезло, они похоронили Аслана.

История гойтинца Аслана Ахмадова — типичная для весны 2002 в Чечне, весны после приказа. Масштабных зачисток немного — а значит, формальное исполнение «80-го» налицо, но им на смену пришли массовые «адресные» похищения людей, преследующие самые различные цели (в данном случае — явно отчетно-идеологическую). Характерный почерк этих мероприятий — отрицание силовыми структурами какой-либо причастности к похищению, беспомощность гражданской прокуратуры даже при наличии свидетелей похищения, последующее уничтожение всех, какие есть, следов и, конечно, специальная работа

федералов по запугиванию пострадавших семей, чтобы не вздумали писать и жаловаться.

Абсолютный 37-й год — очередной виток отечественных традиций. На сей раз — в чеченском интерьере.

Затравленная молчанка

Странное ощущение: на улицах Гойт сегодня — нет смеющихся лиц, даже улыбки редкость. Люди вглядываются в незнакомцев со страхом и ужасом, а день существует только для того, чтобы подготовиться к ночному военному разбою.

— Я боюсь, — говорит, держась за сердце обеими руками, мать изуродованного и убитого молодого мужчины с улицы Кирова: его взяли прямо с постели недавно на рассвете. — Не пишите нашего имени. Я даже заявление в прокуратуру не подам. У меня еще четыре сына. Если я это сделаю, они убьют и их.

— Вы уверены?

— Да. Нас уже предупредили. В селе полно стукачей.

С отцом другого парня, которого в апреле постигла та же «ночная» участь, мы даже не входим в дом, а сидим в машине, на нейтральной территории, чтобы никто ничего не понял — и это единственная, уверен отец, возможность поговорить. Однако старика-пенсионера, всю жизнь отработавшего в колхозе, почти рефлекторно передергивает, когда кто-то подходит близко к машине и пытается увидеть, что в ней происходит.

— Как сына похоронил, я не сплю по ночам, жду проклятых гостей, — признается он. — Сначала, как положено, написал заявление в прокуратуру, и нас тут же припугнули. Думаю, заберу обратно.

Затравленное молчание — именно так ведет себя и семья Аслана Ахмадова. Причину объясняют также: в доме еще есть мужчины, и люди не сомневаются — если фээсбешники узнают, что они посмели жаловаться, заберут и других мужчин... Однако и Ахмадовы понимают это, надо все равно что-то предпринимать: с каждым днем только хуже, ведь труп их Аслана — шестой, подброшенный в Сады только за четыре первых апрельских дня! 2 апреля там нашли останки — как тут говорят, «примерно трех»

(точнее уже не выяснить) взорванных человек и одежду, разметанную по яблоням. 3 апреля, с утра, когда семьи исчезнувших, узнав о находках предыдущего дня, стали стекаться к Садам, то обнаружили еще два трупа. Один — совсем «свежий», убитый не более чем за день до этого, с лицом сплошь в сигаретных прижогах. Второй — опять подорванный, когда чуть сохранилось лишь то, что ниже пояса, да две ноги, повиснувшие от взрыва на голой яблони и никем так и не опознанные. А ведь есть еще канал-арык на северной окраине — вода, где 11 апреля выловили «штаны» — безголовый и с удаленными половыми органами мужской труп, одетый в брюки военного образца с камнем в кармане, чтобы не всплыл, и преданный гойтинцами земле помусульмански, хотя никакой уверенности, что это, например, не солдат, у села не было...

Все понимают люди — но им надо выживать. И это требует от них в сегодняшней Чечне, прежде всего, молчания. На что и расчет военных.

Банда на троих

— Мы дома не спим с тех пор... — говорят братья Ахадовы.

Ахадовы — большая семья, где было пять взрослых сыновей, и все — далекие от военных страстей люди. Выращивали скот и торговали мясом на базаре. Роман — один из пяти, считался среди них признанным лидером в этом бизнесе. В конце марта он уехал по делам в Москву, и вскоре в дом ночью нагрянули военные, забрав трех его братьев. Вопрос к ним был один: «Куда делся Роман?» Женщины спешно дозвонились до Москвы, и Роман тут же вернулся, сам пошел в сельскую комендатуру в сопровождении сельского кадия Магомеда Бакашева, показал авиабилеты и спросил: «Что вы хотите обо мне знать? Говорите со мной».

Братьев отпустили, а Роману сказали: «Все нормально. Нет никаких вопросов. Ты — свободный человек». А ночью (с 1-го на 2-е апреля), перед рассветом, в дом на улице Пушкина нагрянули военные, братьев избили, женщин насмерть перепугали, забрали все деньги — 6740 рублей, а 26-летнего Романа увезли в неизвестном направлении. И уже двое суток спустя, 4 апреля,

посредник сказал семье: «Идите в милицию, в Урус-Мартан. Труп — там».

— Коленные чашечки — прострелены, — плачет Ляля Ахадова, мать. — Пальцы — тоже. Челюсть сломана. Кости раздроблены. Вся спина в синяках... Гойты — оппозиционное село, все мои сыновья с мужем были в отряде самообороны, дежурили, не пускали сюда боевиков... И теперь — благодарность от России?

Однако официальная версия смерти Романа Ахадова — просто фантастична. Родственникам сказали, что он и еще двое его «товарищей» составляли банду, «напавшую на колонну», и поэтому были уничтожены...

— Когда? — спросили родственники.

— Вчера. — ответили им.

— Но как Роман мог «вчера» напасть на колонну, если вы его арестовали за два дня до этого?..

ФСБ-шники азговор односторонне закрыли. На сем.

Два других трупа — «товарищей» Романа по «банде» — тела однорукого инвалида-гойтинца Зелимхана Демельханова и Мусы Дакаева. Все они — просто односельчане, не друзья и не родственники. Ни Романа Ахадова, ни между собой. Этих троих «роднит» только метод, которым федералы «вычистили» их из нашей жизни. На рассвете 4 апреля Зелимхана и Мусу забрали прямо из их домов военные, приехавшие на двух БТРах с замазанными номерами («замазанность» категорически запрещена приказом № 80).

А 5-го, напомним, трупы, после «нападения на колонну», уже выдали семьям... И если верить этой официальной версии, то получается: все трое объединились в борьбе против федералов, находясь непосредственно у федералов, вырвались с боями за пределы комендатуры (что невозможно), и тут же, будучи в нижнем белье, пробежали до гойтинской окраины несколько километров, по ходу раздобыли оружие — и вступили в бой с колонной... Бред.

Не бред же то — насколько были они изуродованы. И то, что тело Мусы Дакаева оказалось почему-то переодетым в военную форму...

Ежедневные провокации силовиков и — трупы, трупы, трупы — с одним почерком похищений с последующим убийством — вот чеченская жизнь после приказа, на который военные, похоже, плевать хотели, и заняты сегодня одним: как бы доказать, что он был ошибкой, а «антитеррористическую операцию» заканчивать никак нельзя...

И еще об одном: в конце марта многие наши правозащитники праздновали победу. Они говорили, что приказ генерала Молтенского и есть тот долгожданный знак смягчения военных нравов в Чечне, а значит, мира или хотя бы надежд на него в обозримом будущем. Мол, мы «их» жали-жали, и дожали... Оказалось, наоборот. Это «они» правозащитников «поимели» — использовали, как захотели. И правы оказались те, кто предостерегал: соглашательство с властью, благославляющей убийства и средневековое насилие над собственными гражданами, невозможно, даже в малом, для тех, кто ратует за неукоснительное исполнение законов и Конституции, где не может быть ни «вежливых», ни тем более «жестких» зачисток — никаких подобных «спецмероприятий», если во главу угла, действительно, поставлен приоритет прав человека над всеми остальными правами.

...Путешествию — вот-вот конец. Военные смилостивились, в спину не обстреляли. Дикие Сады остаются за спиной. Вот уже машина докатывается до безопасной зоны, и водитель, вжавшийся в баранку, приходит в себя. Позади — грушевые джунгли в бурном цвету, выдюжившие войну, в отличие от яблоневых зарослей, стоящих, как природный памятник военному бесплодию, одичалые и совсем без бутонов. Но мы говорим о том, что и от этой грушевой плодовитости толку тоже чуть: никто в Урус-Мартане не осмелится отведать диких плодов на крови. Да и любоваться ими не станут — уже завтра утром в Сады придут те, кто смотрит только на землю — ищет тела своих исчезнувших родных — весть о вечернем появлении тут военной колонны быстро разбежится по тем домам, где счастьем сегодня почитают, когда есть что похоронить.

Май 2002

Мертвые дети искалеченных матерей

Далеко не у каждого в нашей стране есть право на рождение

В Чечне новая «эпидемия»: массовая гибель младенцев прямо в материнских утробах. Власть не желает изучать причины этого явления. Опасается ответственности?

Грозный — проклятое место. И не только потому, что вот уже целое десятилетие подряд люди, тут живущие, боятся собственной тени. И даже не потому, что три последних года второй чеченской войны превратились в не прекращающуюся череду дней ожидания худшего из худших.

Нынешний Грозный — это Метерлинк наяву, город недо-рожденных детей. Врачи называют это: «замершие плоды». В Чечне говорят: «У нас потоком замирание плодов». Рос-рос младенчик, да и замер... Под угрозой увидеть мир собственными глазами?.. Вина этому явлению — война. Вечный стресс да вдрызг нарушенная экология, когда трупы так и лежат на дне тех водоемов, откуда надо пить и мыться...

— Очень быстро растет число замерших плодов, — падает усталой головой на припухшие натруженные руки доктор Любовь Дельмаева, заведующая гинекологическим отделением 9-й грозненской горбольницы. Она может уделить разговорам совсем немного времени: в Чечне дефицит врачей и профицит пациентов. — Носит-носит ребенка женщина, а потом — все, остановка развития, плод мертв. Надо его доставать, как можно скорее, иначе...

Доктор Дельмаева молчит, не хочет объяснять. Не принято тут: не по чеченским традициям. Потому что «иначе» — это самая тяжкая трагедия всех женщин всех времен и народов на земле, состоящая из трех страшных слов: «она родить не сможет»...

— Если раньше у нас попадался один такой случай, — продолжает Любовь Вахитовна, — все врачи сбегались посмотреть. Теперь никто не бежит, потому что уже смотреть нет сил...

— Раньше — это когда?

— В 80-е... Да, девочки? — Обращается доктор к врачам отделения, «девочкам» — под сорок. — Имею в виду, если сравнивать нынешнее положение вещей с нормальными спокойными годами.

— А после первой войны также было много замерших плодов?

— Нет, роста мы не отмечали.

— Тогда почему — именно сейчас?

— Исследований никто не ведет, в наших условиях это невозможно. Но мы понимаем, что причина — в многолетнем стрессе, поражающем всех, кто живет в Чечне, начиная с совсем маленьких девочек... Кто сейчас рождает? Те девочки, которые так и не узнали ничего, кроме войны. И вот, мы наблюдаем: женский организм, если говорить о нем в целом — надорвался, он больше не может производить здоровое потомство... В результате, первая наша проблема: замершие плоды. Вторая: внутриутробные уродства.

Гинекологическое отделение знаменитой 9-й грозненской горбольницы (она работает, с очень коротким перерывом, все войну напролет) — как военно-полевой госпиталь времен матриархата. Будто армии с двух сторон состоят только из женщин — так их тут много, и все они — жертвы войны, хотя это и выражается не в отпиленных конечностях и простреленных головах, а в извлеченных врачами мертвых крошечных комочках, которые имели шанс родиться.

— Наше отделение на 45 мест. Сейчас тут 62 человека, — говорит доктор Дельмаева. — 54 процента всех пациентов, поступивших в 9-ю горбольницу — наши. Женская патология в Чечне перекрывает число раненых и подорвавшихся на минах.

Мы пробираемся на узкой тропе в коридоре (палаты тоже забиты) между женщинами с трагическими лицами, лежащими справа и слева в позе ожидания конца света. Почти у всех — рука на животе, как знак: поддерживают то, чего уже нет.

— Конечно, это страшная личная трагедия, ведь мы многих из них оперируем, — продолжает доктор Роза Манцаевна Гакаева, у нее, как и у большинства в Чечне, нет дома, разрушен, и она живет по чужим углам без какой-либо надежды восстано-

вить свой собственный — государство равнодушно к врачам-гегоям. Так же, как к их пациентам? — Ведь женщина сначала не понимает, что плод уже погиб. Она с ним ходит и ходит... Постепенно продукты распада провоцируют несвертываемость крови. И мы оперируем в связи с кровотечением. Конечно, приходится удалять детородный орган...

Роза Манцаевна объясняет, что это тут значит: «мы оперируем». Большую часть времени — при свечах, которые всю операцию держат над телом несчастной другие врачи и медсестры. Света так и нет, не взирая на победные рапорты руководителей Чечни о том, что электричество «вернулось в Грозный». Коллеги Розы Манцаевны показывают, как готовятся к операциям: воды ведь тоже нет, и они поливают друг друга на руки из ковшика.

— Спасибо, Красный Крест туалет недавно на улице поставил. А то бегали, так же, как и пациенты, по близлежащим кустам. Два года. Сколько войне, столько и разговорам о том, что ничего не меняется в гражданской жизни. Уже разговоры надоели — в самом деле, не попугаи же мы, а чиновничество, своими зарплатами отвечающее за налаживание хотя бы элементарной жизни, и в ус не дует... Как тянули 9-ю горбольницу международные гуманитарные организации на своем горбу, так й тянут — власть, несмотря на все ее великодержавные словесные заморочки «на высшем уровне», так и не шевелится, чтобы воплотить слова в дела. Похоже, ей хорошо быть побирушкой.

— Если «Врачи без границ», «Врачи мира» и Красный Крест прекратят помогать, можно будет закрываться, — констатируют доктора. — Перчатки и простейшие инструменты, какими пользовали пациенток гинекологи XIX века — вот и все, что приходит от Минздрава. Фактически у нас в резерве только наши руки и голова. Мы оперируем замершие плоды без УЗИ-исследований. Хотя этого не может быть, потому что не может быть никогда в XXI веке!

На весь Грозный — по-прежнему один УЗИ-аппарат. И он, конечно, от огромной нагрузки все время выходит из строя.

— А с нашими патологиями нет времени ждать... Так и выходит: руки да голова — вот наше военно-полевое УЗИ.

— Однако, когда стала очевидной проблема замерших плодов, вы получили специальную помощь из федерального цент-

ра? Приезжали ли сюда бригады врачей-исследователей? Обследовали ли? Почему вы сами не делаете хотя бы генетическую экспертизу? Появилась бы систематика уродств...

Если бы могла, вся гинекология в ответ бы смеялась. Но это неэтично, и врачи только горько улыбаются: «Нет, нет и нет. На все ваши вопросы». И рассказывают, как в Чечне сегодня делают, к примеру, тот самый простейший анализ на гистологию, без которого современная гинекология напоминает древнеримский фельдшеризм. Точнее, как не делают: в Чечне сегодня есть только один гистолог. Он живет в Гикало — поселке в нескольких километрах от Грозного.

— Обычно мы возем ему анализы домой, в Гикало — так лучше, потому что экономим время. Оттуда он едет с анализами в авоське в Ингушетию, там все делает и возвращается... Но, как правило, не в тот же день, не успевает. Потому что комендантский час, и его могут арестовать на блокпосту, и он не успеет прокричать, что он врач с анализами больных, которым показана срочная операция...

Понятно, что помимо замерших, а потому мертвых плодов — в Чечне много живых, которым требуется этот анализ. И когда это делает всего один доктор, и у него только 24 часа в запасе, четыре из которых уходят на дорогу туда-обратно, а до пяти вечера уже надо вернуться — понятно, выбор падает не на мертвых... Что означает: будущие дети гибнут вот уже несколько месяцев подряд, а к научному исследованию проблемы так никто и не подступал.

То, о чем говорят грозненские гинекологи — о полной заброшенности разрушенного войной здравоохранения Чечни, полностью подтверждается в Москве, где жизнь чиновничья в Минздраве Российской Федерации продолжается своим неспешным ходом, по принципу: кому — война и мобилизация всех сил для выживания, а кому — плевать.

Однако по порядку — чтобы читателям было предельно ясно, с кем дело имеем. Господин Шевченко, ныне царствующий министр здравоохранения, будучи человеком военным, с первых дней своего пребывания на столь высоком посту, категорически запретил всем своим подчиненным общение с журналистами — только через сотрудников пресс-службы. То есть потребители

информации СМИ: читатели, зрители, слушатели — могут узнать о министерском взгляде на ту или иную проблему и способах выхода из нее из уст пресс-службистов. Ну, что ж, правило так правило.

Однако оно предполагает главное: высочайший уровень специалистов, работающих в пресс-ведомстве. Не слишком в это веря, на всякий случай — а вдруг повезет и удастся получить комментарий тех самых специалистов, выше которых в стране в области охраны материнства и детства нет никого, и тем самым, передав информацию о происходящем в Чечне в первые руки, поспособствовать скорейшему продвижению решения — звоню по заветным номерам. Во-первых, госпоже Шараповой, заместителю министра «по детям», и та, заслышав о «чеченской» теме, с ходу отвергает любые предложения, не ложащиеся в русло указаний министра Шевченко. Во-вторых, господину Корсунскому, начальнику управления также «по материнству и детству» — и там снова отказ. Оба настойчиво предлагают для общественного употребления пресс-службу, уверяя, что там полностью в курсе... В пресс-службе, этом вечном прибежище для не удовлетворенных судьбой натур, конечно же, традиционно ищут подвоха, мурыжат не ради дела, а токмо ради гонора... Наконец, спустя шесть часов (!) от начала процесса — звонок пресс-службистки, «специалиста». Она сообщает, что пишет ответ газете и скоро его пришлет. Но перед тем, как завершить, желает уточнить, так о чем же речь? Переспрашиваю: «То есть, как это — “о чем”»? Госпожа «уточняет»: о замерших ли мне нужно плодах? Или замерзающих?.. Мол, не совсем ясно в запросе... Голос госпожи искренен, она даже мотивирует: вроде бы лето вокруг видит, июльская жара, и значит, замерзать в Чечне никто не может... Вот так.

Объясняю «специалисту», что же это такое «замершие плоды», хотя даже терпению монашки при таких испытаниях пришел бы скорый конец. Минздравовская госпожа, которую не пронять горем несостоявшихся чеченских матерей и армии недорожденных ими детей, цедит недовольно: мол, у нас этих «замерших» — «по всей стране», а «в Чечне и других проблем полно»...

— Каких, например? — задаю вопрос, тем самым лишь пытаясь доказать себе, права ли я: некомпетентность федеральных

чиновников, путающих замерших с озябшими, но берущихся толковать сложнейшие проблемы, не сулит проблеме ни малейшего шага вперед...

Нет ответа, конечно. И беда тут не в том, что отдельно взятому журналисту отдельно взятой газеты не ответили на поставленный вопрос. Суть явления — в подходах. Как только в нашей стране человек переступает порог министерства и становится его сотрудником, он перестает даже желать чувствовать, как больно другим, часть из которых от него полностью зависима. Ведь все очень просто: когда хотят что-то сделать — делают и спешат поделиться результатами, но когда отлично знают, что не делают НИЧЕГО, начинаются попытки нагло манипулировать общественным мнением в тот момент, когда требуется принимать срочные меры. Поэтому и выходит уродливая цепочка: молчащая Шарапова — набравший в рот воды Корсунский (когда обоим запрет министра куда как выгоден: не надо ни в чем перед обществом отчитываться) — наконец, барышня, которая не в зуб ногой... И — шокирующая несовместимость параллельных процессов: пока чиновничество играет в эти свои игры, гинекологи Грозного поточным методом продолжают вынимать из чрева умерших детей второй чеченской войны. Вместе с этим чревом. И, значит, задача остается той же: как изменить ситуацию к лучшему? И побыстрее? Кто этим займется? Что можно сделать, чтобы женщины, пережившие и переживающие войну, сумели доносить и родить живого ребенка? И если не для тех, для которых уже все потеряно вместе с их замершим плодом, то хотя бы для следующих поколений?..

Ответ, конечно, на поверхности: завершите войну, и постепенно все утрясется. Не будет непроходящего стресса, «починим» экологию — не станет и сотен женщин-инвалидов с выжженным клочком души там, где должно расти и крепнуть лучшее на свете материнское чувство. Но мы знаем: война никак не завершится, не смотря на майское президентское объявление о ее окончании. Значит, предстоит сражаться с последствиями войны прямо в ее интерьерах. Сегодня это могут сделать только международные гуманитарные организации. Больше никому. Выживать придется, не рассчитывая на чиновничью помощь из Москвы — несмотря на бесконечные великодержавные

позывы, мы пока способны только побираться, даром что с гордо поднятой головой. Кстати, министр Шевченко весьма в том поднаторел.

...Чтобы писать, надо верить — это общеизвестно. А я пишу, и не верю. Хочу быть позитивной, и давно не могу, слишком много горя вокруг. И еще потому, что знаю, как стоять в толпе вечно грустных и апатичных женщин времен нынешней чеченской войны. Большинство из них сломлены и не видят конца. И постоянно просят совета: как жить дальше? Было время, отвечала: «Наверное, осталось немного. Надо дотерпеть.» Но потом все складывалось так, что это «немного» растягивалось на год и два, и теперь отвечаю так: «Бегите. Ради ваших детей. Рожденных и будущих. Лучше вечно мучаться от ностальгии, чем хоронить своих недорожденных детей. Бегите». Хотя это и не выход. И тем более не социально-оптимистичный.

Июль 2002

Камеры беженского заключения

ПВРами — ПО ВПЛам

Национальный забег против бедных

На что может рассчитывать бездомный беженец,
решив возвратиться в Чечню?

И на что — оставшись в Ингушетии?

Как официально объявлено, беженцы, живущие в лагерях на территории Ингушетии, «должны вернуться» в Чечню, а сами палаточные городки, чтобы дальше не мозолить глаза мировому сообществу, — ликвидированы.

Таким образом, беженская проблема распадается минимум на три части. Первая: а есть ли, куда возвращаться? Вторая: если нет, то где зимовать? И третья: почему, собственно, беженцы «должны»?

Бабушка Арнольд

Через балконные перила третьего этажа свешивается белая трясушаяся рука и хватается за воздух. Сквозь темные прутья видна голова в седых кудельках. На балконе, над нашими головами, полулежит совсем древняя старушка.

— А на довольствие меня-то не ставят, деточка... Помогите. Неужели и хлеба бесплатного я от страны не заработала?.. — шепчет дребезжащий, прерывистый голос.

Это бабушка Мария Арнольд, немка, грозненка, ветеран Великой Отечественной войны, мать-героиня (после Победы родила десятерых). Теперь — ВПЛ из ПВРа. Именно так, на позорном русском новоязе эпохи второй чеченской войны, говорят об этом «контингенте» в чеченском правительстве: ВнутриПеремещенное Лицо из Пункта Временного Размещения — чиновничье изобретение, призванное ласкать слух руководства страны отсутствием в нем неприятных существительных типа

«лагерь» и «беженец», вносящих полную ясность в отечественную политику...

Мария Арнольд — ВПЛ 1921 года рождения, а марте получившее койку в комнате № 32 в грозненском ПВРе на улице Ялтинской, 24. «Пункт» представляет собой слегка подгримированную (как и все остальные чеченские ПВРы) пятиэтажку бывшего общежития нефтезавода имени Асламбека Шерипова. 62 комнаты и 326 человек, из расчета по 5–6 душ на «пенал». Бытовые условия — военно-полевые, для здоровых и выносливых. А бабушка Маша не такова, она почти не ходит — сверху вниз ей дороги нет. В том числе, в туалет. Он тут во дворе, и один на всех 326 ВПЛов. Причем с перерывом на комендантский час — в 21.00 дверь ПВРа запираются, выходить запрещено. ВПЛы с нежностью вспоминают ингушские лагеря — там можно было справлять нужду круглосуточно, как и пользоваться душем. На Ялтинской (как и во всех остальных чеченских ПВРах) нет водопровода (вода — только привозная, гуманитарная, от имени почему-то польской организации, а не российского правительства, полностью истратившегося на войну), не функционируют душевые, отсутствует канализация... И вообще здание не сдано к эксплуатации (типичная ситуация для ВСЕХ новых беженских лагерей на территории Чечни)...

Только одно есть везде, где нет ничего, — это люди. Большинство из них, решивших поверить уговорам кадыровских эмиссаров и покинувших палаточные лагеря, теперь корят себя: они стали никому не нужны с момента, как пересекли границу Чечни и Ингушетии, есть нечего, делать нечего. Целыми днями беженцы бродят туда-сюда, маясь от безделья. И это тоже типично: рабочие места отсутствуют, во всех двенадцати ПВРах Чечни ВСЕ ВПЛы — безработные, кроме избранных персон, которых можно пересчитать по пальцам. Почти все стоят на бирже, но безнадежно. Система ее работы тут такая же иезуитская, как и весь нынешний чеченский режим — биржа выписывает направления на фактически не функционирующие предприятия, но числящиеся таковыми на бумаге (по зарплатным ведомостям руководства). Биржа, выдавая липовые направления, тоже в выгоде: соблюдает «хорошую» отчетность, ее сотрудники продолжают получать зарплаты... А народ? Безработный, как и прежде.

«Восстановительное» очковтирательство

Сегодняшняя жизнь чеченских ПВРов — это циничное очковтирательство, возведенное в «единственно верную» политическую линию.

— Да, из поликлиники № 6 к нам вроде бы приходит медсестра, — говорит Альви Магомедович Татаев, бывший бухгалтер пивзавода, а теперь 82-летний полуслепой одинокий и давным-давно немый человек, вооруженный примотанными к ушам линзами, которые превращают его глаза в блюдца. У Альви Магомедовича мучительная одышка и беззубый рот. — Но у медсестры нет даже фонендоскопа... Не то, что лекарств. Она может со мной только поговорить. А мне требуется анальгин, валидол, давление измерить...

При этом, если судить по официальным отчетам Комитета правительства Чечни по делам вынужденных переселенцев, медпомощь на Ялтинской — «круглосуточная»... Хотя Альви Татаев держится за жизнь только тем, что раз в месяц (!) в ПВР приезжают «Врачи без границ» и дают ему простейшие медикаменты...

Другое местное очковтирательство называется: «Восстановление жилого фонда». На стенах при входе в любой ПВР — «простыни», длинные списки, где подробно, порайонно и по-улично, указано, в каком квартале и какого года какой дом будет «восстановлен». Крепят бумагу подписи и печати, вполне внушающие доверие. Однако — если только прочесть и уйти, без разговоров с ВПЛаами, мимо проходящими...

— А ваш дом тут есть?

— Нет.

— А — ваш?

— Нет...

Опросив десятки людей, «живьем» удалось увидеть лишь одну-единственную счастливицу: Меридат Шавхалову, чей дом по улице Державина, 272, в январе 2000 года сгоревший дотла от прилетевшего фугасного снаряда, значится в плане восстановления на 4-й квартал этого года. Меридат очень надеется, что так и будет, и ее пребывание в ПВРе в городке Маяковского, 111 продлится всего несколько месяцев, уж очень тяжкие условия...

— Правительство просило нас приехать, говорило, что ждет... — объясняет общую позицию Петимат Хулиева, усталая

многодетная мать из комнаты № 18 б. — А теперь? Сплошное издевательство. Ничего нет. Нам даже муки не дают. «Листок прибытия» — временную регистрацию в ПВРе, и ту надо покупать у коменданта за 7 рублей... Нас — 9 в семье, значит, 63 рубля. Где их взять? Крыша течет, все стены в разводах, трем каждый день, чтобы чувствовать себя людьми. Выходить на улицу надолго не разрешают... Говорят: «Здесь сидите».

— А зачем, собственно?

— Нас постоянно пересчитывают по головам. Проверки... Миграционная служба ведь теперь принадлежит МВД. Отсюда и подходы: если тебя физически нет в момент пересчета — вышвыривают вон. А надо и на базар, и на шабашку... Вы же знаете, чем мы живем: в одном месте купишь хлеб по 3.50, в другом продашь по 4 рубля. Нам кормиться надо, одеваться...

Петимат плачет. А что ей еще делать?..

— В палатках мы жили надеждой, что возвращение станет концом мучений, потому что рядом будут «свои»... — говорят ВПЛы, мужчины и женщины. — Но все не так, как обещали, как мы себе надумали. В Ингушетии было намного легче.

Форма № 7

У ставленников власти в ПВРах — комендантов, свой взгляд на беженскую жизнь. Бэла Эшгераева, комендант «пункта» на Ялтинской — 54-летняя женщина с хорошо поставленным голосом и манерами комвзвода, очень недовольна своим «контингентом»:

— Да их трактором отсюда не вытолкнешь — все за пайки держатся. Из расчета по 15 рублей на человека в сутки. Как паразиты, сидят и ждут, когда я консервную банку им принесу...

— И ветеран Мария Арнольд тоже?

— А она вообще не имеет права на гумпомощь. У нее нет формы № 7.

— И я тоже... — печально роняет немолодая женщина рядом.

— А тебе, Кузьминична, вообще ничего не положено, — жестко парирует комендант Бэла, но, впрочем, отходит — дает поговорить.

Если бабушка Маша на балконе — героиня второй мировой войны, то Лариса Кузьминична Григорьева — героиня второй чеченской. Она, 52 года отучительствовавшая в Грозном, встре-

тила осень 99-го пенсионеркой и воспитателем в этом самом общежитии нефтезавода, ставшее теперь ПВРом, и, будучи человеком особой закалки, переселилась сюда, чтобы спасти его от разграбления.

И спасла. Правда, ценой собственного горя: во время штурма Грозного зимой Миллениума ее дом взорвали, и она осталась, в чем была. Кузьминичну приютили в ПВРе, но у нее тоже нет проклятой «формы № 7» — и это положение на птичьих правах, когда нет права даже на ежедневную бесплатную половину хлебного кирпича...

Дело в том, что нынешнее чеченское правительство издало человеконенавистническую антибеженскую инструкцию, в соответствии с которой бабушка Арнольд, героиня и ветеран, обречена голодать, как и Кузьминична, спасшая для государства миллионы рублей: согласно инструкции, только те вернувшиеся в Чечню беженцы получают продпак и полбуханки хлеба, кто оформил в Ингушетии спецформу № 7, свидетельствующую о том, что он находился там именно в лагере. Нет «формы» — ты уже полу-ВПЛ без права на гуманитарную помощь... Если же вспомнить начало войны, то тогда беженцев как раз-то и упраскивали не останавливаться в лагерях — палаток катастрофически не хватало, и многих приютили в ингушских домах, где они так и оставались, потому что потом, когда беженская волна схлынула, а точнее, осела в Ингушетии, палатку в лагере можно было получить, уже только заплатив комендантам и их заместителям... А где деньги? Их у бабушки Арнольд не было... Так образовалась армия еще более бесправных полу-ВПлов, к которым добавились подобные Людмиле Кузьминичне...

Фанерный рай

Сегодня беженцам в Чечне очень несладко, но и в Ингушетии тяжелее с каждым днем. Только сломленный человек может назвать жизнью подобное существование. «Чеченский пят», так его тут называют — прибежище для 1047 человек — одно из 126 точек компактного проживания беженцев в Ингушетии. Зады кафе «Тонзила» в Назрани. На бетонном покрытии — большие фанерные коробки, внутри — нары, на них сидят люди. И дети, и взрослые. Все нервные и грязные. Крысы — их закадычные «товарищи».

Но даже из этого фанерного «рая» беженцев выталкивают. Хозяин территории, когда-то из милости пустивший сюда людей, почти ежедневно теперь поигрывает перед их носом рубильниковой кнопкой. Как ядерной. Мол, вырублю свет... Женщины воют, им от самих себя омерзительно, но домой они не хотят. Говорят: «Оставьте нас в покое, дайте дожить до вывода войск, и мы вернемся».

Те же разговоры — и среди спрессованного десятилетиями навоза. Здесь, на бывших молочно-товарных фермах совхоза «Альтиевский» на окраине Назрани, на куче старого дерьма, пусть даже закамуфлированного фанерками — еще одно место компактного проживания и беспросветные будни. Длиннющая вонючая кошара опущена во мрак. Неделю назад приехал директор совхоза «Альтиевский», срезал кабель, уложил его в багажник своих «жигулей», и электричество прекратилось. Свет был последней местной радостью для 1500 человек. Директор, тоже сам когда-то пригласивший беженцев, живет теперь новыми политическими реалиями: Зязиков у него президент, не Аушев, помогавший чеченцам, приют которым дала Ингушетия. Зязиков, придя весной к власти, начал политику добровольно-принудительного вытеснения, давит на руководителей хозяйств, чтобы те создавали невыносимые условия для «своих» беженцев, и делает при этом большие и честные глаза перед телекамерами — мол, «никого не выгоняю»...

— Мы не можем вернуться, — твердо говорит 16-летняя обитательница темных кошар Раиса Буркаева из селения Ермоловка. — Наш дом разрушен, в Ермоловке тоже нет света, и постоянные зачистки. Если отсюда выгонят, будем рыть землянку. Но там, где нет федералов. То есть не в Чечне.

Точки над «i»

В конце концов, что творится? Почему власть «борется с беженцами»? Кто кому, собственно, должен? Беженцы — Кадырову и Зязикову?..

Как известно, решение о вытеснении беженцев в Чечню и ликвидации лагерей в Ингушетии было принято Кадыровом с Зязиковым, главой администрации Чечни и президентом Ингушетии 29 мая 2002 года, когда они подписали бумагу со странным названием «План мероприятий федеральных органов ис-

полнительной власти, правительства ЧР и правительства РИ по завершению работы по возвращению в ЧР внутриперемещенных лиц с территории РИ». И — машина закрутилась. В соответствии с этим планом стали отрубать рубильники в местах компактного проживания, стали наспех красить полуобвалившиеся стены домов, названных ПВРами, стали лгать людям, что их «ждут»... Однако за всеми этими мероприятиями остался подвешенным главный вопрос: ПОЧЕМУ вообще беженцы должны подчиняться этим господам — ведь не батальон же они под командованием полковника Кадырова (он теперь аттестованный офицер Российских Вооруженных Сил, хоть и муфтий)? И не дивизия ФСБ, которой отдает приказы генерал Зязиков?.. И кто сказал, что так должно быть, чтобы какие-то люди смели НАМЕРЕННО К ХУДШЕМУ решать судьбы сотен тысяч людей, и без того пострадавших — делая это исключительно чтобы выслужиться перед Кремлем, поскольку никаких иных мотивов просто не заметно?.. Кто сделал аксиомой нашу странноватую разновидность «демдиктатуры», где опять принято считать, что раз чиновник «путинский» (Зязиков + Кадыров), значит, его телодвижения должно выполняться беспрекословно, поскольку они — верны, потому что Путин всегда прав?...

Пора, значит, напомнить, кто кому все-таки должен. Во избежание неверных общественных оценок. Беженцы — не кочевое степное племя, по собственной воле живущее тем, что перемещается с места на место. Беженцы — это многотысячная толпа без вины виноватых. Обездоленных, согнанных с мест людей, продолжающих ожидать восстановления своих разрушенных войной жилищ или компенсаций. А потому: это Кадыров с Зязиковым должны бабушке Арнольд, а не наоборот. И Кузьминичне. И всем остальным тысячам. Это беженцы должны принимать планы о поведении этих слуг народа, потому что это их дома разрушила федеральная авиация в 2000-м году в соответствии с планом швыряния бомб на Грозный, где Кадыров — часть плана... А не наоборот. Так что, будьте добры, знайте свое место. И разбейтесь сейчас в лепешку, чтобы понравиться своему народу — хлебом, жилищами, светом, водой, теплом. А не выселением с «калашниковыми» наперевес. В который уже раз в истории.

Август 2002

Приют для гонимых?

Официальная власть в Чечне не способна ни на что, кроме пустых слов и бумаг ни о чем

Судьба русских грозненцев по-прежнему не интересует никого: ни нынешнее чеченское правительство, ни федеральных миграционных чиновников, ни администрацию президента Путина, ведущего войну...

На войне счастливых не бывает. Никто и не ждет счастья посреди руин, пожарищ и трагедии. Однако даже несчастливым надо где-то жить, спать и что-то есть. Согласитесь. Как нам с вами...

Нина

Нина Тимофеевна Гончар — русская грозненка. Поэтому на густых седых волосах у нее — синяя полоска платка, чтобы особенно не выделяться в толпе чеченских женщин. Нина Тимофеевна всю жизнь тут прожила и все тут пережила. Веселый шумный бедлам зеленого южного города — самого любимого ею и самого красивого на Северном Кавказе. Политическую чересполосицу начала 90-х, когда казалось, что вот-вот все мрачно-неприятное закончится, и южный праздник, шашлыки и пикники в горах вернутся. Первую чеченскую войну — сидела по подвалам и хоронила бесхозные трупы. Межвоенное межсезонье с наступлением шариата и ужесточением жизни всех, кто «не с нами». Наконец, вторую чеченскую — в обнимку с постепенным исчезновением даже признаков на улучшение...

Нина Тимофеевна смотрит обреченно, и серые глаза в красных ободах век наполнены лишь болью и тяжкими, как нарывающая заноза, застарелыми обидами на страну, в которой пришлось очутиться. Формула жизни, которую влачит Нина Тимофеевна, сводится к нескольким коротким, как удар, предложениям:

— Есть нечего.

Пауза на валокордин от рядом стоящих.

— Спать негде.

Опять пауза...

— Давно не мыта.

- Вы не получаете пенсию?
- Получаю. Но оставляю себе 500 рублей. 700 посылаю сыну.
- Зачем?
- Чтобы ему было на еду.

Эти «700» — так уж по-нашему, что руки чешутся. «Сыночек» тем не менее оказывается не инвалид (Нина Тимофеевна — инвалид второй группы), он же здоров, 1964 года рождения. Именуется Сергеем Гончаром, который поехал, как тут говорят, «в Россию», то бишь бегом из Чечни — в поисках лучшей доли, да застрял там. Не работает, болтается, нигде не закрепился, и мама его содержит.

Дом Нины Тимофеевны на Беслановской улице сильно пострадал в войну, скособочился, но пока стоит. Только вот одиннадцатый месяц подряд спать в нем одинокой женщине опасно для жизни. 9 ноября прошлого года неизвестные бросили во двор гранату и припугнули, прикрыв лица масками, чтобы выметалась побыстрее... Это значило одно: участок, на котором стоят развалины, приглянулся кому-то из бандитов и поэтому решено известить одинокую «бабушку», которая, конечно, никакая не бабушка, ей всего-то чуть-чуть за 60, но война навела подлый флер лет этак на десяток...

Нина Тимофеевна плачет, конечно. Молча, обреченно, если и позволяя себе что-то, так хвататься руками за воздух вокруг, будто это может помочь сердцу справиться с болью. Десять месяцев Нина Тимофеевна спит по знакомым, перемещаясь от возможных преследователей, возжелавших ее дом, и боясь уже собственной тени. За это время она везде просила защиты. Первым делом — в Октябрьском райотделе милиции Грозного, том самом, где «ханты» службу несут (напомним, наша газета неоднократно писала о «хантах» — так тут называют милиционеров Ханты-Мансийского сводного отряда милиции, которые известны в Чечне особой жестокостью, чередой похищений, убийств, пыток и прочих преступлений против мирного населения, однако с прямыми обязанностями — службой по поддержанию порядка, у «хантов» проблемы)...

Так вот, в Октябрьском райотделе Нине Тимофеевне сказали: помочь не в состоянии. И предупредили: бандиты, раз навелись, придут еще, и лучше, если бы она уехала из Грозного... А куда?.. 11 ноября так и случилось: неизвестные бандиты наве-

дались опять, снова швырнули гранату, Нина Тимофеевна получила осколочное ранение в живот, и стала инвалидом. А Октябрьский райотдел? Даже уголовное дело там не завели... Чем навели на нехорошие, но, увы, привычные для нынешнего Грозного размышления о том, как сбиваются в кучу «по интересам» все, кому не лень, вне зависимости от погон...

Оправившись от ранения, Нина Тимофеевна сходила и в МВД Чечни, и в ФСБ в Грозном, отвечающей за проведение «антитеррористической операции», и в правительство Чечни... И «государственное кино» прокрутило все ту же пленку: ей везде отказали в помощи. Хотя и не имели никакого права. Хотя обязаны были. Государство собственноручно и сознательно подписало человеку, ставшему инвалиду, приговор... Тогда Нина Тимофеевна записалась на прием к мэру Грозного Олегу Жидкову и к председателю комитета по беженцам и вынужденным переселенцам при правительстве Чечни Магомеду Гидизову. Мысль ее была предельно проста: если жить в Грозном ей больше нельзя и нет ни одной силовой структуры, способной справиться с бандитами, то пусть будет так: она отдает государству, не способному ее защитить, свой участок с остатками дома, а государство в лице выше-названных товарищей помогает ей устроиться на любом новом месте вне Чечни. Нина Тимофеевна при этом не ставила никаких условий — в том смысле, что где государству выгодно, чтобы она доживала свой век, туда она и отправится.

Дальше было лишь молчание, подкрепленное бумагами неопределенного содержания, из которых помощи не скроишь. Олег Жидков, не вдаваясь в подробности, штампованно сообщил, что «вопросы выплаты компенсаций жителям республики за утраченное жилье и имущество будут рассматриваться после принятия правительством РФ нормативно-правового документа по данному вопросу». Но при чем тут это? Был неадекватен и Магомед Гидизов, написав: «В ЧР силами ФКП “Дирекция” (кто такая ФКП? — прим. авт.) по строительно-восстановительным работам производится восстановление разрушенного жилья граждан. Ваше жилье, как нами установлено, включено в план восстановления на 2002 г. Поэтому по вопросам, связанным с восстановлением Вашего жилья, рекомендуем обратиться в ГУП “Росагропромстрой”, являющийся подрядной организацией вышеуказанной Дирекции». Но речь снова не об этом!

Валентина

Валентина Максимовна Юрова из городка Маяковского — грозненского микрорайона, не ходит — ноги совсем отказывают. Валентина Максимовна — нищая, есть ей вечно нечего, но крыша над головой имеется. Однако Валентина Максимовна также сильно обижена на ныне существующую в Чечне власть — за то, что она и не власть совсем, а дорогостоящая видимость для отвода кремлевских глаз. Все надежды на лечение и приличную жизнь связывает Валентина Максимовна с получением компенсации от Германии — в Великую Отечественную, девочкой, она была угнана из Брянской области на территорию рейха и оказалась в концлагере и на принудительных работах.

Потом, после освобождения, Валентина Максимовна осела в Грозном, где и прожила до начала чеченских войн последнего десятилетия. Как это часто случается, взрослые сыновья ее фактически бросили, сумев выехать из Чечни в Ставропольский край при содействии Красного Креста. А Валентина Максимовна, перебиваясь с хлеба на чай, ждет у моря хорошей погоды — немецких денег. Однако и тут вмешалось наше государство: человек, находясь в зоне «антитеррористической операции», вместе с остальными человеческими правами, теряет и право на компенсацию — добывая таким образом тех, кому хуже остальных. Дело в том, что компенсации от немецкого правительства, стремящегося замолить историческую вину, поступают бывшим узникам только через банк, а не из рук в руки. Но реально действующих банков в Чечне так и нет! Несмотря на двухлетние публичные заклинания правительства Чечни под руководством Станислава Ильясова, обычному человеку, находящемуся в зоне, открыть счет в банке — все равно что слетать на Луну. Ну, не работают банки для простого человека — хоть тресни! — занимаясь перегонкой бюджетных средств и обслуживанием военных поставок...

Так и выходит замкнутый круг: прикованная к своему дивану Валентина Максимовна ждет немецкой компенсации, как единственного шанса выбраться из голода, болезней и нищеты, но компенсации быть не может, потому что нет банка, который так и не удосужилось открыть — не на словах, а на деле! — правительство Чечни, и неизвестно, когда удосужится... Результат

плачевен: забытые всеми, покинутые страной и родными, сидят русские грозненцы по чужим углам, будучи уверены, что это конец их жизни. Разочаровавшиеся, заживо мертвые. И когда видишь их, смотришь в глаза, слушаешь, то понимаешь — совсем не требуется слов о том, что Путин что-то там наладил в системе нашей власти: как не желал чиновник работать, так и плюет он на телевизионный гнев президента, время от времени принуждающий его к выполнению прямых обязанностей. Как не было в стране строгих правил, которые бы заставили чиновника обратить внимание на конкретную беду конкретного хомо сапиенс, так и нет. Несмотря на внешнюю чиновничью то ли вертикаль, то ли горизонталь (какая разница!), имеющую место в Чечне. С Ниной Тимофеевной Гончар мы встретились в очереди на прием к «спецпредставителю президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в ЧР» по фамилии Султыгов (бывший историк, из славной плеяды перекрасившихся, тех, кто еще совсем недавно исторически и рьяно научно обосновывал необходимость полного суверенитета Чечни от Москвы, а теперь, по мере получения высокой должности, «полностью разочаровался» в предыдущих взглядах и проповедует прямо противоположные).

Очередь никак не подходила, она вообще не двигалась. Нина Тимофеевна стояла в ней третий день подряд. Официальный правозащитник не принимал, хотя это был тот редкий день, когда он сидел в своем кресле в Грозном. Но на сей раз приоритет был отдан политике, прямо в рабочее время — вместо людей, нуждающихся в защите «спецпредставителя», права которых попораны, Султыгов вел политические консультации о будущем устройстве Чечни с посланцами Руслана Хасбулатова.

Прошел час, перевалило за второй. Инвалид второй группы Нина Гончар еле стояла на ногах. Соседи по очереди — такие же несчастные люди, поделились сердечными каплями и краешком стула... Посланцы Хасбулатова, довольные и напоенные чаем, шумно покинули кабинет, поделившись впечатлениями от Султыгова, как «перспективного политика». И в кабинет «президентской» правозащитной руки вне всякой очереди впорхнула группа следующих господ, варящих политическую кашу на чеченской почве.

Что в сухом остатке? Немногое. Борьба с «международным терроризмом по-русски» обернулась борьбой за уничтожение, в том числе и русских, украинцев, армян... Короче, и нечеченцев. Мы далеко продвинулись в цинизме, превратив вторую чеченскую войну в самое циничное мероприятие современной истории России..

— Вот, было наводнение на Юге... Люди, чьи дома размыло, плакали... Говорили: «Как жить дальше?» У них исчезло все, что они нажили за всю их жизнь... — Нина Тимофеевна тоже плачет. — И все бросились им помогать... А как мне быть? Я везде получила отказ... Неужели зимой под забор?

Сентябрь 2002

Кто мы?

Что мы хотим от Чечни?

На столе — механические часы. Они заведены и отсчитывают время только вперед. Рычажок их завода — в руках человека. Он понимает правила, по которым следует играть с часами, и заводит их по утрам, только бы время не остановилось.

Но человек — странное существо. Он очень заботится о стрелках, которые ему показывают время, — и абсолютно беспечен с самим временем.

Точнее, с временами.

В сентябре 1999 года, чуть «покрутив рычажок» и поиграв с народом в идеологические «антитеррористические» «городки», Путин начал в России вторую чеченскую войну.

И тем самым повернул время вспять. И очень скоро, вслед за второй чеченской, в Россию пришла еще одна война — гражданская.

И сегодня наши внутренние стрелки уже движутся только назад. Новая гражданская развязана уже не против одного народа, живущего на территории страны, а против всех. И силами всех. Она идет в каждом городе, области и республике. Она пропитала все насквозь, и весь народ участвует в ней — и автор не исключение.

Так какие времена у нас теперь на дворе? Какая она — эта новая война? Какой пульс она задает обществу? Кто мы — русские 2001-го года?..

Мы готовы наброситься друг на друга с первого же слова.

Мы опять стали очень просто оперировать такими ответственными словами, как «враг народа», и лепим этот ярлык всем без разбору. Только за то, когда кто-то нам не нравится или думает не так, как большинство.

Мы окончательно признали, что пуля — самый естественный и необременительный способ разрешения любых конфликтов, включая простейшие бытовые.

Мы теперь чаще ненавидим, чем любим. Ненависть — наша молитва. Мы с готовностью сжимаем кулаки — и с грудом их расслабляем. Вместо кислорода в нашем воздухе кровь соотечественников, которая никого не удивляет.

Разве не это называется гражданской войной?

Так что мы хотим от Чечни?

И от самих себя? На её фоне?

Анна Политковская

Чужая война.

Или Жизнь за плагбаумом

ЧЕЧНЯ

Подписано в печать 24.10.2002г.